А. А. Бубликов

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Государственная публичная
историческая библиотека России

К 100-летию Великой российской революции

А. А. Бубликов

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

(ее начало, арест царя, перспективы)

Впечатления и мысли очевидца и участника

Москва
2018

УДК 94 (47) + 327
ББК 63.3 (2) 524 + 66.4(2Рос)г
Б 90

Печатается по изданию: Бубликов А.А.Русская революция (ее начало, арест царя, перспективы). Впечатления и мысли очевидца и участника / А. А. Бубликов.— Нью-Йорк: Н. I., 1918.— 160 с.

Бубликов А.А.

Б 90 Русская революция (ее начало, арест царя, перспективы). Впечатления и мысли очевидца и участника/ А. А. Бубликов; предисл., аннот. указ. имен А. С. Сенина; Гос. публ. ист. б-ка России.— М., 2018.— 223 с.: портр., 16 с. ил.— (К 100-летию Великой российской революции).

ISBN 978-5-85209-412-4

Бубликов Александр Александрович (1875—1941), инженер путей сообщения, автор многих проектов по сооружению железнодорожных линий, предприниматель, член IV Государственной думы. В первые дни Февральской революции он сыграл одну из ключевых ролей в свержении самодержавия, принимал участие в аресте Николая II. В сентябре 1917 г. Бубликов эмигрировал, а в 1918 г. в Нью-Йорке вышла его книга «Русская революция». Автор последовательно описывает события первых дней Февраля, рассуждает о причинах переворота, менталитете россиян, анализирует решения Временного правительства, приводит данные об изменениях заработной платы и производительности труда, рассматривает международное политическое положение после Первой мировой войны.

УДК 94 (47) + 327
ББК 63.3 (2) 524 + 66.4(2Рос)г

ISBN 978-5-85209-412-4

«ГРАЖДАНЕ! ДУМАЙТЕ О РОССИИ!»

Александр Александрович Бубликов родился 4 мая 1875 г. в Петербурге в семье чиновника Министерства путей сообщения (МПС). После окончания в 1899 г. Института инженеров путей сообщения императора Александра I поступил на службу в Управление по сооружению железных дорог МПС и в марте 1901 г. направлен на строительство второй Екатерининской железной дороги. В том же году включен в состав экспедиции, исследовавшей трассу будущей железной дороги от Вологды до Вятки. В последующие годы работал в изыскательских партиях на трассах проектируемых дорог на Урале и линии Олонец—Петрозаводск. С февраля 1904 г. снова в Управлении по сооружению железных дорог МПС. Был наблюдателем от министерства при проведении новых работ в обществе Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги[1].

В 1910 г. направлен начальником партии по изысканиям трассы магистрали Казань—Екатеринбург. Тогда же получил чин надворного советника. Автор работ по проблемам железнодорожного транспорта. Пожертвовал 100 тыс. рублей для Горного института в Екатеринбурге. Почетный гражданин Екатеринбурга и Щадринска. Сблизился с влиятельными кругами русской буржуазии и вошел в состав ряда всероссийских торгово-промышленных организаций. В 1906—1918 гг. входил в состав Исполкома Съездов представителей промышленности и торговли, товарищ (заместитель) председателя Комиссии по же-

[1] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 229. Оп. 18. Д. 883. Л. 1—17.

лезнодорожным вопросам при Совете Съездов. В 1912 г. А.А. Бубликов был избран в Государственную думу IV созыва от Пермской губернии и вошел во фракцию прогрессистов[1]. Член думских комиссий: финансовой, о путях сообщения, для рассмотрения законопроекта о шлюзовании порожистой части р. Днепр. Неоднократно выступал в Комиссии о путях сообщений по рассматривавшимся вопросам и приобрел широкую известность в железнодорожном мире. Судя по документам Департамента полиции, с этого времени любая информация о А.А. Бубликове фиксировалась в этом ведомстве[2]. Думскую деятельность он сочетал с предпринимательством, являясь председателем Правления Общества Ачинско-Минусинской железной дороги. Строительные работы начались в 1913 г. В связи с началом Первой мировой войны сооружение дороги замедлилось. Но к концу 1917 г. на всем протяжении трассы (485 верст) было подготовлено к укладке рельсов земляное полотно, построено большинство искусственных сооружений (мостов, тоннелей, водопропускных труб), установлены семафоры, подвешены телеграфные и телефонные провода. В 1915 г. Общество Ачинско-Минусинской ж. д. обратилось в Совет министров с просьбой о предоставлении концессии на постройку ж.-д. линии в Урянхайский край. Рельсовый путь предлагалось проложить до г. Белоцарска (с 1918 г. Хем-Белдыр, с 1926 г. Кызыл, ныне столица Тывы), географического центра Азии. Правление считало строительство этой ж. д. стратегически и экономически выгодным для России, поскольку открывало удобный и дешевый путь в Монголию (в перспективе Правление было готово довести линию до монгольского г. Улясутая). Было подготовлено экономическое обоснование строительства, но осуществить этот проект тогда не удалось[3].

Следует подчеркнуть, что у А. А. Бубликова накопилось много претензий к правительству, к чиновникам Министерства путей сообщения. Он видел систематическое

---

[1] РГИА. Л. 84, 110—112. Ф. 229. Оп. 18, Д. 883.

[2] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 63. Оп. 50. Д. 394. Л. 71.

[3] Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.): энцикл.: в 2 т. Т. 1. М., 2008. С.128—129.

отставание русской железнодорожной сети от экономического развития страны.

Ввод в эксплуатацию железных дорог по пятилетиям накануне Первой мировой войны (без железных дорог Великого княжества Финляндского)

Годы	Версты
1900—1904	9104
1905—1909	5726
1910—1914	4240

Источник: Краткие сведения о развитии отечественных железных дорог с 1838 по 2000 г./сост. Г. М. Афонина. 2-е изд., доп. М., 2001. С. 61—87.

Из-за отсутствия железной дороги Гришино—Фастов—Ровно—Кельцы, которая могла соединить Донецкий и Домбровский угольные районы и которую Бубликов предлагал построить еще в 1908 г., в годы Первой мировой войны погибли сотни тысяч солдат и офицеров русской армии. Схожая судьба постигла проекты А. А. Бубликова по сооружению еще до войны линий Казань—Екатеринбург, Петроград—Рыбинск— Красноуфимск—Омск. В результате не удавалось вывезти из Сибири избыток хлеба в Европейскую часть России, в то время как в Петрограде выдавали в руки по $^1/_4$ фунта на человека в день. Из-за отсутствия стратегической линии, соединявшей кратчайшим путем центр страны с Донецким угольным бассейном, «весь Север России оставался без должного снабжения донецким углем».

С думской трибуны, на различных съездах предпринимателей, в прессе в предвоенные годы А. А. Бубликов неизменно выступал в защиту частного железнодорожного строительства. Свои взгляды он изложил в книге, опубликованной в 1914 г.[1] Правительство часто сетовало на недостаток у русских людей инициативы и предпри-

[1] Бубликов А. А. Частное железнодорожное строительство последних лет. СПб., 1914.

имчивости, но, по словам Бубликова, всегда ставило палки в колеса всякому, кто стремился проявить эти качества. Частное железнодорожное строительство подвергалось «непрерывному и мелочному порою финансовому, техническому и хозяйственному наблюдению». Взяв на себя заботу о доходности этих предприятий через тарифное регулирование и контролируя их расходные статьи, правительство вдруг обнаружило, что трудно при подобных условиях найти желающих учреждать частные железнодорожные общества. Например, оно отрицало право частного строителя дорог на так называемую «строительную экономию», то есть право присваивать разницу между утвержденной правительством расценочной ведомостью и суммой, в которую фактически обошлось исполнение проекта. Бубликов признает, что тому есть исторические и психологические причины. В годы «железнодорожной горячки» во второй половине XIX в. многие концессионеры «нажили на железнодорожном строительстве головокружительные суммы», и эта «непомерная нажива... не могла не действовать на общество деморализующе». «Заработки» концессионеров явно не соответствовали затраченному труду и таланту, ведь честный и упорный труд никогда не мог «обещать сказочного обогащения чуть не в мгновение ока»[1]. Но вместо исправления своих ошибок, пересмотра условий выдачи концессий, внесения необходимых изменений в уставы обществ власть пошла на свертывание частной инициативы в железнодорожном хозяйстве. Русская казна «с невероятным озлоблением» смотрела на каждую новую частную железную дорогу, видя в ней конкурента, даже если эта дорога имела для государства стратегическое значение, но «имела несчастье «отвлекать» доходы от казенной сети».

А. А. Бубликов же считал, что единственным стимулом всякой промышленной и торговой деятельности является стремление к наживе. Попытка пресечь ее сделала невозможным создание в стране «*действительных частных обществ* с действительно *частными* капиталами и здоровой, действующей на общее благо, *частной инициативой*»[2].

[1] Указ. соч.. С. 10—11.
[2] Там же. С. 16.

Выступая в Государственной думе по смете Департамента железнодорожных дел на 1914 г., он предложил правительству представить на рассмотрение и утверждение парламента «финансовый план дальнейшего развития железнодорожной сети».

В годы Первой мировой войны Бубликов был товарищем (заместителем) председателя Центрального военно-промышленного комитета (ЦВПК), председателем Перевозочного отдела ЦВПК. 28 ноября 1915 г. на заседании Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства он заявил о недопустимости «с точки зрения национального достоинства» передачи перевозки всех грузов, поступавших в Россию от союзников, иностранным пароходным компаниям. Это, по его убеждению, окончательно погубит отечественный коммерческий флот, поскольку и после войны все морские перевозки «оказались бы захваченными иностранными флотами»[1].

В 1916 г. А. А. Бубликов принимал участие в работе межведомственного особого совещания по выработке пятилетнего плана железнодорожного строительства. Он поддержал сооружение железнодорожной магистрали Александров Гай—Чарджоу, считая ее линией мирового значения. Впервые о важности этой дороги говорил и писал С. Ю. Витте еще в конце XIX в. Помимо технических трудностей в реализации этого проекта, были также политические. Вслед за С. Ю. Витте, Бубликов рассматривал эту дорогу как «звено магистрали из Англии в Индию». Однако отношения с Великобританией в прошлом веке были не самыми доброжелательными. Теперь же наши солдаты сражались против общего врага, и Бубликов надеялся, что российское правительство сможет убедить власти в Лондоне пойти нам навстречу. Размышления Бубликова и сегодня весьма актуальны: «Одно из условий народного богатства, один из лучших способов усилить экономическую мощь страны — это добиться, чтобы другая страна пользовалась нашими услугами, и проще всего нашими перевозочными средствами. Россия является естественным сухопутным путем из Европы в Индию,

---

[1] Россия в Первой мировой войне. 1914—1918: энцикл.: в 3 т. Т. 1. М., 2014. С. 237.

и до сих пор мы не сумели использовать этого своего преимущества, как не сумели использовать положение царства Польского, чтобы принять транзит из Австрии и Германии. Этой задаче должна послужить линия Александров Гай—Чарджоу». Бубликов был уверен, что в случае успеха строительства этой дороги путь в Индию будет открыт, вся магистраль станет трассой такого мирового значения, что покроет «с лихвой все крупные государственные затраты»[1].

На этом совещании А. А. Бубликов поддержал строительство Верхневолжской железной дороги (линии от Кашина до станции Новки Московско-Курской, Нижегородской и Муромской казенных ж. д. и линии от Савелово до Углича с продолжением до Рыбинска). По его словам, эта дорога станет транзитной для всего Иваново-Шуйского района и поэтому ее доходность не вызывает сомнений[2]. На последнем заседании совещания 7 ноября 1916 г. Бубликов от имени всех его участников выразил благодарность товарищу министра путей сообщения И. Н. Борисову за четкую организацию работы и достигнутые результаты.

Выступая в октябре того же года с докладом на Совещании представителей Центрального и местных военно-промышленных комитетов, он отстаивал мнение о приоритетности сооружения тех дорог, которые «в достаточной степени исправят недостатки существующей сети» и разгрузят основные магистрали «ныне в большинстве случаев забитых грузами».

В годы Первой мировой войны Бубликов частично пересмотрел свои взгляды на соотношение частного и государственного железнодорожного хозяйства и признал, что грандиозную программу строительства железных дорог, разработанную в 1916 г. Особым совещанием под председательством товарища министра путей сообщения И. Н. Борисова, частные общества не потянут. В апреле 1917 г. Бубликов возглавил Комиссию для всестороннего выяснения вопроса о способах финансирования будущего железнодорожного строительства[3]. Видимо, к нему при-

---

1 РГИА. Ф. 274. Оп. 6/2. Д. 116. Л.151 об.—152.

2 Там же. Л. 95 об.

3 РГИА. Ф. 273. Оп. 9. Д. 7616.

шло понимание, что создание инфраструктуры все же является преимущественно делом государственным, и на заседании созданного Временным правительством Экономического совета в 1917 г. Бубликов заявил: «Было бы весьма печально, если бы эту сеть пришлось в надлежащем числе строить распоряжением частных обществ».

Звездным часом А. А. Бубликова стали события Февральской революции.

27 февраля депутат Государственной думы 4-го созыва, инженер путей сообщения А. А. Бубликов обратился к председателю Думы М. В. Родзянко с предложением занять здание МПС, обладавшее собственной телеграфной сетью, не подчинявшейся Министерству внутренних дел. В этом случае депутаты российского парламента, проигнорировавшие указ императора Николая II о приостановке работы Думы, могли сообщать стране о событиях в столице и, в свою очередь, получать сведения с мест на всей территории от Петрограда до Владивостока. Контроль над МПС позволял также следить за передвижением императорских поездов и переброской войск к столице. По воспоминаниям А. А. Бубликова, Родзянко несколько взволнованным и в то же время каким-то отстраненным голосом сказал ему: «Так если это необходимо, пойдите и займите»[1].

Нерешительность Родзянко можно понять, ибо никто из депутатов не ожидал такого стремительного развития событий. Блестящий хроникер Февральской революции монархист В. В. Шульгин писал: «Мы были рождены и воспитаны, чтобы под крылышком власти хвалить ее или порицать... Мы способны были, в крайнем случае, безболезненно пересесть с депутатских кресел на министерские скамьи... под условием, чтобы императорский караул охранял нас... Но перед возможным падением власти, перед бездонной пропастью этого обвала — у нас кружилась голова и немело сердце»[2].

---

[1] Цит. по: Бубликов А. А. Русская революция. Впечатления и мысли очевидца и участника. Нью-Йорк, 1918. С. 21; о назначении Бубликова комиссаром в МПС см.: Николаев А. Б. Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля — 3 марта 1917 г. СПб., 2005. С. 317, 328—329.

[2] Шульгин В. В. Годы. Дни. 1920 год. М., 1990. С. 435.

По словам инженера путей сообщения Ю. В. Ломоносова, Бубликов прибыл на автомобилях с отрядом солдат, перешедших на сторону Государственной думы, к большому четырехэтажному зданию на Фонтанке, 117 ночью 28 февраля. В помещении канцелярии Управления железных дорог он собрал старших агентов министерства во главе с Д. П. Козыревым и С. М. Богашевым и объявил им, что принял на себя управление ведомством[1]. В полдень 28 февраля Бубликов зашел в кабинет министра путей сообщения Э. Б. Войновского-Кригера и спросил, согласен ли министр проявить покорность новой власти. Получив отказ, он объявил об аресте Войновского-Кригера, что, правда, имело формальный характер. Как вспоминал позднее Войновский-Кригер, ему была предоставлена возможность общаться по телефону и приглашать для бесед сослуживцев. Министр был в курсе всех событий, происходивших в городе и в самом министерстве. Он вспоминал: «Вообще мой арест оказался не только не тяжелым, но даже приятным в том отношении, что я был огражден от всяких случайностей и неприятностей»[2].

Здесь, в помещении Управления железных дорог, Бубликов продиктовал телеграмму для всей сети российских железных дорог: «По поручению Комитета Государственной думы, я сего числа занял Министерство путей сообщения и объявляю следующий приказ председателя Государственной думы: Железнодорожники! Старая власть, создавшая разруху всех отраслей государственного управления, оказалась бессильной. Государственная дума взяла в свои руки создание новой власти. Обращаюсь к вам от имени Отечества: от вас зависит теперь спасение Родины. Она ждет от вас больше чем исполнения долга, она ждет подвига. Движение поездов должно производиться непрерывно с удвоенной энергией. Слабость и недостаточность техники на русской сети должны быть покрыты вашей беззаветной энергией, любовью к Родине и сознанием важности транспорта для войны и благоустройства

[1] Известия Собрания инженеров путей сообщения. 1917. № 4. С. 76.

[2] Кригер-Войновский Э. Б. Записки инженера. Воспоминания, впечатления, мысли о революции; Спроге В. Э. Записки инженера. М., 1999. С. 94—95.

тыла. Председатель Государственной думы Родзянко». К тексту приказа Бубликов сделал приписку: «Член вашей семьи, я твердо верю, что вы сумеете ответить на этот призыв и оправдать надежды на вас нашей Родины. Все служащие должны остаться на своем посту. Бубликов»[1]. Из этой телеграммы во всех городах, куда дотянулись рельсы железных дорог, население впервые узнало о революционных событиях в столице империи. Отбывавший ссылку в Иркутске, экономист и публицист В. С. Войтинский вспоминал: «Всем населением Сибири бубликовская телеграмма была принята как благая весть об избавлении от ненавистного общественного строя и вместе с тем как сигнал устранять старое начальство, брать в свои руки дело управления»[2].

Особое внимание Бубликов уделял закреплению успеха начавшейся революции. Он разослал по железным дорогам телеграмму «о недопущении движения каких бы то ни было воинских поездов в районе 250 верст от Петрограда» и организовал противодействие карательной экспедиции генерал-адъютанта Н. И. Иванова, посланной Николаем II для подавления восстания в Петрограде. О напряжении тех дней свидетельствуют воспоминания инженера путей сообщения Ю. В. Ломоносова, тоже находившегося в здании МПС. По его словам, вслух обсуждали, на каких фонарях, газовых или электрических, их повесят, если Иванов с георгиевскими кавалерами доберется до столицы[3]. Бубликов направил Иванову две телеграммы. Одну достаточно грозную, предупредив об ответственности за

---

[1] Известия Собрания инженеров путей сообщения. 1917. № 4. С. 77. Эта телеграмма в те дни сыграла решающую роль в победе революции. Из нее вся Россия, по крайней мере все населенные пункты вдоль железных дорог узнали о событиях в Петрограде, о переходе власти к Государственной думе. Инженер Ю.В. Ломоносов вспоминал: «Первое впечатление всегда самое сильное... Тот факт, что Бубликов нашел в себе смелость торжественно уведомить всю Россию о создании новой власти в то время, когда фактически еще никакой власти не было, предотвратило на местах даже тень контрреволюционных выступлений» (Станкевич В.Б. Воспоминания. 1914—1919); Ломоносов Ю.В. Воспоминания о Мартовской революции 1917 г. М., 1994. С. 230).

[2] Цит. по: Николаев А. Б. Указ. соч. С. 339.

[3] Станкевич В. Б. Воспоминания. 1914—1919; Ломоносов Ю. В. Воспоминания о Мартовской революции 1917 г. М., 1994. С. 242.

аресты служащих железных дорог, другую весьма уважительную: «Ваше превосходительство, убедительно прошу не настаивать на дальнейшем движении по Варшавской ж. д., так как это может задержать императорский поезд из Пскова»[1]. Бубликов сознательно вводил Иванова в заблуждение, поскольку император после неудачной попытки проехать в Петроград по Николаевской железной дороге из Пскова выезжать не собирался, ожидая посланцев Временного комитета Государственной думы.

Объясняя причины Февральской революции, Бубликов в своих воспоминаниях указывал на неумение и нежелание всех основных социальных групп учитывать уроки первой русской революции. Революционеры, по его словам, не хотели понять, что «с тем материалом, который имелся на Руси, можно было только скомпрометировать социалистическую идею». Они не допускали даже мысли о том, что в поражении они должны винить только себя. Заполнив собою русские тюрьмы и поселения в Сибири или эмигрировав из страны, они «унесли с собою в изгнание и ссылку только крайнее озлобление против противников своего поражения и чрезвычайную уверенность в своей правоте».

Правительство же так и не поняло, писал Бубликов, что нельзя «править страною против народа». Верховная власть, видя безволие дворянства и духовенства, глубоко их презирала и перестала с ними считаться. В результате в оппозиции оказались представители и этих социальных групп. Рабочих, по словам Бубликова, правительство «искренне ненавидело», к крестьянам относилось с недоверием, отношение к торгово-промышленной буржуазии было «определенно враждебное». К интеллигенции власть проводила политику «непрерывного мелкого издевательства над ее свободолюбивыми стремлениями». Поэтому в России не было ни одного класса или группы людей, с которыми правительству «было бы по пути». Бубликов пишет, что знаменитая фраза императора Александра II дворянству в канун отмены крепостного права: «Лучше начать сверху, чтобы не началось снизу» была «совершенно не по плечу ничтожному Николаю II и его столь же

[1] ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 281. Л. 19.

ничтожным советникам». Эта оценка режима на закате Российской империи перекликается с характеристикой власти и элиты в воспоминаниях последнего министра путей сообщения Э. Б. Войновского-Кригера. Вот что он писал: «Как это ни печально, но нельзя не признать, что не только во время войны, но и после революции ни в правительственных кругах, ни среди русской общественности, ни в военном мире, вообще в России — не оказалось выдающихся государственных людей, которые могли бы направить Россию по правильному пути и избавить ее от катастрофы»[1]. Все социальные слои были недовольны, но «никто не хотел деятельно бороться с нестроением государства». Люди ушли в личную жизнь, хотя сознавали, что «так дальше жить нельзя», и ограничивались «фрондированием в узком кругу знакомых и друзей».

Ни один ответственный политический деятель не мог сознательно желать революции в России. Финансирование войны и финансирование социальной справедливости было не под силу экономически слабой стране, какой была Россия. Поэтому, по словам Бубликова, оппозиция, даже в лице лидера октябристов А. И. Гучкова, который «почти физически» не переваривал Николая II, в своих желаниях не шла дальше мечтаний о персональном низложении императора, чтобы в период регентства Михаила Александровича попытаться создать в России нечто подобное государственному строю Англии. Отношение к Романовым не могло быть беспристрастным. При авторитарном правлении все успехи и провалы во внутренней и внешней политике связываются в сознании людей с первым лицом страны. Правление последнего русского императора все чаще вызывало разочарование современников. В дни Февральской революции защитников у Николая II в стране не нашлось. А взрыв антимонархических настроений стал фактом. Не по указанию руководителей переворота, а по местной инициативе по всей стране прокатилась волна переименований городов, улиц, учебных заведений, кораблей, носивших имена представителей династии Романовых. В прессе обсуждался вопрос о пере-

[1] Кригер-Войновский Э. Б. Записки инженера. Воспоминания, впечатления, мысли о революции; Спроге В. Э. Записки инженера. М., 1999. С. 99.

именовании Екатерининской и Николаевской железных дорог, как связанных с царской фамилией. Затем настал черед ближайшего окружения последнего русского царя. В Киеве и Симбирске варварски разрушили памятники П. А. Столыпину. Станция Протопопово Сызрано-Вяземской железной дороги, не имевшая никакого отношения к ненавистному в народе царскому министру внутренних дел А. Д. Протопопову, была переименована в честь известного деятеля социал-демократического движения Г. В. Плеханова. Был отменен праздник железнодорожников, приуроченный к дню рождения императора Николая I, при котором в стране началось железнодорожное строительство. Временное правительство не предпринимало никаких попыток изменить эти настроения и даже подыгрывало им.

Свержение самодержавия было с энтузиазмом встречено работниками транспорта. От служащих и рабочих железных дорог в адрес Государственной думы, Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, Временного правительства поступали приветственные телеграммы, обращения, письма. Служащие, мастеровые и рабочие станции Великие Луки выразили «глубочайшую благодарность» Госдуме и Исполкому Петросовета «за осуществление переворота, столь долгожданного нашей многострадальной Родиной», и торжественно обещали трудиться «на благо пробуждаемого от кошмарного сна отечества». Служащие станции Астахово «молят Бога помочь Государственной думе вывести Россию на путь славы и справедливости». Паровозные бригады Богословской ж. д. в лице министра путей сообщения Н. В. Некрасова приветствовали революцию и порожденные ею надежды «в светлое будущее России». Работники станции Цветково, «вознеся Господу Богу горячую молитву об устроении правды и порядка в нашей исстрадавшейся Родине», просили министра передать революционерам «восторженные приветствия». Служащие Амурского водного и Сибирского шоссейного управления приветствовали Некрасова как «первого избранника народа». Рабочие судостроительных мастерских и окского землечерпательного каравана были

«воодушевлены и падением старого ненавистного всем строя, и образованием нового народного правительства»[1]. Распорядительный комитет по водным перевозкам послал приветствие «созданному волей народа» Временному правительству, а журнал «Русское судоходство» в редакционной статье приветствовал вступление России «в новую эру своей истории»[2]. Приветствия от различных коллективов работников транспорта поступали в МПС в течение всей весны 1917 г.

Бубликов не испытывал восторга по отношению к составу первого революционного правительства. Да, все они были хорошими людьми: честными, благожелательными, искренне преданными своей Родине, но «в деле государственного управления совершенные новички». По словам Бубликова, члены правительства знали «в сущности, только одно дело — говорить речи и критиковать чужую работу». Символом этого правительства, по праву, стал его премьер кн. Г. Е. Львов — «вечно растерянный, вечно чтото забывший, ничего не предусматривающий, постоянно старающийся всем угодить, всем быть приятным, ищущий глазами, кому бы еще уступить, какой бы еще выдумать компромисс». По словам Бубликова, он стал «символом бессилия Временного правительства». Сохранилось интересное свидетельство Ломоносова об обсуждении в помещении МПС бывшими министрами 3 марта нового революционного комитета. Так, бывший главноуправляющий землеустройством и земледелием (1908—1915) А.В. Кривошеин сказал: «Это правительство имеет один серьезный... очень серьезный недостаток...Оно слишком правое... Да, правое. Месяца два тому назад оно удовлетворило бы всех. Оно спасло бы положение. Теперь оно слишком правое. Это его слабость. А сейчас нужна сила...». Ломоносова поразил факт назначения на должность министра путей сообщения члена ЦК партии кадетов Н. В. Некрасова: «Профессор статики сооружений без трудов. Знакомый с путями сообщения по студенческим запискам и по Думе... Разве его можно сравнить с Кригером? Да и почему же из той же Думы не взять Бубликова,

---

[1] РГИА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 1637.

[2] Русское судоходство. 1917. № 2. С. 1; № 3—4. С. 21.

Добровольского?»[1]. По словам Ломоносова, Н. В. Некрасов предложил Бубликову остаться в МПС в качестве его заместителя, но тот не согласился. Ломоносов так описал обстановку в министерстве 5 марта 1917 г. Бубликов говорил с кем-то из Государственной думы по телефону. «Это был не разговор, а исступленный крик,— свидетельствует Ломоносов.— Слово «хамство» склонялось во всех падежах. С кем, о ком и о чем он разговаривал — не понял; но в таком бешенстве я Бубликова не видел ни до, ни после.

— Прохвосты, проходимцы... хамы... губят Россию. Это чистейшая демагогия. Они не просуществуют и двух месяцев... Все пойдет к черту. Их с позором выгонят...

— В чем дело, Александр Александрович?

— В том, что такого кумовства и при Распутине не было...»[2].

Ломоносов посчитал необходимым как-то отметить заслуги А. А. Бубликова в дни революции и 6 марта отправил комиссарам Государственной думы в МПС А. А. Бубликову и А. А. Добровольскому телеграмму с распространением ее по всей сети железных дорог:

«В день оставления Вами Министерства от лица всей железнодорожной семьи позволю себе выразить благодарность судьбе за то, что в эти исторические дни нам пришлось поработать на пользу Родины под Вашим руководством. Благодаря Вашему мужеству, энергии, знаниям и беспредельной преданности делу свободы Вам удалось не только поддержать в эти дни революции правильное движение, но и предотвратить кровавую бойню в окрестностях Петрограда. Ваших имен Россия никогда не забудет.

Ломоносов»[3].

Государственная дума оставалась единственным легитимным органом после революции, но не сумела воспользоваться своим авторитетом и постепенно потеряла влияние на ход событий. По мнению Бубликова, ее агония началась уже в конце февраля, когда Дума не проявила

---

[1] Станкевич В. Б. Воспоминания. 1914—1919; Ломоносов Ю. В. Воспоминания о Мартовской революции 1917 г. М., 1994. С. 260.

[2] Там же. С. 274.

[3] РГИА. Ф. 273. Оп. 1. Д. 3807. Л. 31.

мужества «открыто и смело стать во главе движения». Уже весной в одном из газетных интервью Бубликов назвал Государственную думу «политическим трупом».

Не испытывал он иллюзий и в отношении политических партий, начавших, по его словам, «всероссийскую партийную грызню, натравливание всех против каждого и каждого против всех». В дни, когда была так необходима консолидация всех сил нации, началась проповедь «классовой и всякой иной ненависти».

Не на высоте оказалась российская пресса. Она тоже разделилась на две большие группы. Одна стала подозревать в каждом шаге Временного правительства контрреволюцию, а другая также систематически замалчивать его грехи. «И неизвестно еще, что было вреднее»,— подчеркивает Бубликов.

Бубликов принимал участие в аресте в Могилеве бывшего царя. Сразу по прибытии на станцию он обратил внимание, как люди из ближайшего окружения императора спешно удаляли с пальто и тужурок вензеля Николая II. Бубликова осаждали делегации от императорского конвоя, от поездной железнодорожной бригады и даже от придворных лакеев и поваров. Теперь они выражали верноподданнейшие чувства к Государственной думе, новой власти в лице Временного правительства и даже собирали деньги «на дело свободы». «Но рекорд хамства», по словам Бубликова, поставила Гофмаршальская часть, представитель которой обратился с запросом: можно ли детям бывшего императора давать с фермы молоко. «Конечно,— пишет Бубликов,— Николай II слишком многое сделал, чтобы отвратить от себя сердца своих подданных, но все же ничто не оправдывает этих приближенных к нему лиц, всю жизнь пользовавшихся его милостями, в их стремлении поскорее отмежеваться от своего бывшего барина в дни постигшего его несчастья».

Бубликов подробно описывает состояние бывшего государя. Его поражало, что на лице полковника Романова «совершенно не отражались трагические события, которые им переживались», и казалось, что окружающие были более взволнованы, чем он: «Падение с головокружительной высоты, вчера — возможность снести любую

голову, сегодня — «лишение свободы», вчера — в руках рычаги не только русской, но мировой истории, сегодня — полное бессилие и ничтожество, кругом — измена самых близких людей, крушение дела всей жизни, позор и ... ни один мускул на лице не дрогнет...». Бубликов заметил, как на станциях немногочисленные бывшие подданные провожали поезд бывшего императора в гробовом молчании, снимали шапки и крестились, точно чувствовали, «что везут мертвеца». Поэтому Бубликов был убежден: «Николай II — это политический труп» и такие «герои» русскому народу никогда не понадобятся, даже «в дни самого великого отчаяния».

Много внимания Бубликов уделяет описанию менталитета россиян, взглядам и поступкам, как обычного населения, так и его элиты. Он приводит недоуменные слова итальянского социалиста, искренне удивлявшегося, как в разоренной мировой войной стране, со слабой промышленностью, оказалось столько социалистов. Конечно, среди простых людей большинство восприняло социализм не умом, а сердцем, как «некую новую религию, которая должна создать счастье и правду на земле». Представители же российской интеллигенции, по мнению Бубликова, в массовом порядке в мартовские дни сделались социалистами исключительно из карьерных соображений, «ибо что же... мешало им быть социалистами до переворота?». Более того, социалистами становились даже бывшие члены правоконсервативного, монархического Союза русского народа. «Не могли же партийные вожди,— пишет Бубликов,— не понимать, что подобные господа могут только проституировать любую политическую мысль и вести в будущем к моральному вырождению партию, которая имела неосторожность заполучить их в свои ряды?». И за эту политическую слепоту политические партии неизбежно заплатят очень дорого, «расплатится и вся Россия».

Страну разрушала демагогия власти. Она сама спровоцировала требования к повышению зарплаты. Так, министр путей сообщения Н. В. Некрасов 23 марта, выступая на заседании Отдела путей сообщения Земгора в Москве, легкомысленно заявил: «Я призываю вас спокойно относиться к требованиям рабочих. Может, первое время будет тяжело, но надо смотреть дальше завтрашнего дня. Вчера я с легким сердцем подписал ассигновку

на 28 000 000 руб. рабочим и служащим»[1]. На некоторых дорогах рабочие депо и мастерских добились повышения зарплаты на 80—100%. За перегрузку угля из вагонов в речные баржи или обратно рабочие требовали от 18 до 48 руб. за тонну. И им платили. В Петрограде в одной из больниц сиделкам установили содержание в 300 руб. в месяц, когда они сами требовали 100. На некоторых предприятиях столицы чернорабочие добились оплаты труда, которая в Северо-Американских Соединенных Штатах была характерна для квалифицированных рабочих. Одновременно по всей стране плодились различные комитеты и в геометрической прогрессии росло число их служащих. По данным Бубликова, уже к июлю прибавки правительственных чиновников, кроме железнодорожников, составляли 720 млн руб. Железнодорожники позже потребовали увеличить их доходы на 850 млн. «Государственное казначейство,— пишет Бубликов,— на всех парах неслось к банкротству».

Параллельно с ростом зарплаты падала производительность труда. Практически повсеместно явочным порядком на предприятиях вводился 8-часовой рабочий день. Такую продолжительность ежедневного труда на собрании потребовали курьеры, сторожа и швейцары Управления железных дорог МПС. Некоторые коллективы требовали перейти на 6-часовой, как, например, конторские служащие станции Лубны Московско-Киево-Воронежской железной дороги[2]. Восприняв европейский 8-часовой рабочий день, заметил Бубликов, вся Россия не стала одновременно вводить европейское количество праздников. Праздники остались русские, а их было больше, чем в любой европейской стране. Правда, отпали царские праздники, но зато добавились революционные. Впрочем, все митинги тоже шли в рабочее время.

Результаты были удручающими. Бубликов приводит многочисленные примеры. Так, добыча угля в Донецком угольном бассейне в августе 1916 г. составила 135 млн пудов, а в августе 1917 г. всего 85 млн пудов. На заседании Экономического совета в июле Бубликов привел пример

[1] Цит. по: Сенин А. С. Министерство путей сообщения в 1917 году. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009. С. 46.

[2] Там же. С. 45.

вопиющего нарушения дисциплины труда и технологии перевозок. До революции паровозные бригады везли поезда от Москвы до Тулы. На этой станции они отдыхали, а паровоз готовили в депо к обратному рейсу. На следующий день состав с грузом шел от Тулы до Москвы. В революционное время паровозные бригады решили ночевать дома и везли поезд только до Серпухова, разворачивали локомотив и возвращались в тот же день в Москву. Количество так называемых «брошенных» поездов росло в стране из месяца в месяц. Падение интенсивности труда с одновременным ростом заработной платы привели к резкому росту стоимости ремонта паровоза. Если до революции ремонт паровоза обходился казне в 12—15 тыс. руб., то к середине лета 1917 г. он вырос до 80—90 тыс. руб.

9 июля на съезде начальников казенных железных дорог и управляющих частными железными дорогами выступил управляющий эксплуатационным отделом Управления железных дорог МПС Э. В. Ландсберг. Он привел новые факты, свидетельствовавшие о развале всей работы транспорта. Недогруз по сравнению с прошедшим годом достиг 700 тыс. вагонов и продолжал расти. Уровень погрузки летом соответствовал зимним месяцам, когда свирепствовали морозы и метели. Пробег товарного вагона в 1916 г. был равен 70 верстам, ныне — 50 верстам. Количество требовавших ремонта паровозов в июне 1917 г. в среднем по сети достигло 24,8%. За 4 месяца текущего года из капитального ремонта не вышло 115 паровозов. На 24% сократился пробег товарного вагона. Свыше 40 тыс. товарных вагонов требовали ремонта (в 1916 г. около 22 тыс.). Ландсберг признал: «Положение железных дорог в настоящее время приходится назвать отчаянным»[1].

Еще более резкие оценки положения транспорта были даны Ландсбергом 13 июля на заседании Особого совещания по перевозке. «На дорогах распространяется анархия,— подчеркнул управляющий эксплуатационным отделом,— дисциплина служебная, без которой дороги функционировать правильно не в состоянии, совершенно отсутствует, авторитет власти не признается»[2]. Ланд-

[1] РГИА. Ф. 273. Оп. 1. Д. 4377. Л. 57.

[2] Там же. Л. 61.

сберг говорил о призывах различных агитаторов к захвату власти на железных дорогах, к низвержению Временного правительства. «Администрация на железных дорогах,— отметил далее Ландсберг,— оставленная на произвол судьбы и не находя должной поддержки сверху, стала вести себя пассивно, что усугубляет разруху на железных дорогах». Командированные мастеровые бросали службу и возвращались по месту жительства. Машинисты отказывались ехать на соседний участок, даже если там требовалась срочная помощь. Самовольно уменьшалась длина составов поездов. Наблюдались систематические невыходы паровозных бригад на службу. При этом почти 6 тыс. человек систематически отвлекались на работу в различные общественные организации. «Железные дороги,— делал вывод Ландсберг,— подобно армии находятся в состоянии разложения»[1]. 21 июля на заседании Экономического совета товарищ министра путей сообщения Л. А. Устругов сказал, что по состоянию на 1 июля в ремонте находилось 5044 паровоза[2].

На понижении производительности труда сказывалось отвлечение лучших рабочих и служащих для работы в различных выборных профсоюзных комитетах, а позднее в отрядах Красной гвардии. Бубликов на заседании Экономического совета приводил в пример станцию Тверь, где в местный профкомитет избрали четырех лучших мастеров-котельщиков. Оставшиеся, уже на следующий день, не справились с объемом работ по ремонту паровозов.

В своем выступлении на заседании Экономического совета 31 июля Бубликов признал, что действительное положение на железных дорогах значительно хуже, чем признается чиновниками министерства. По его мнению, паровозов, нуждавшихся в ремонте, гораздо больше, но служащие повсеместно скрывают их настоящее число, опасаясь «гнева начальства». На линию часто выпускались паровозы, которые еще год тому назад были бы признаны негодными к эксплуатации. Бубликов считал, что на многих дорогах неисправно до 50% локомотивов. По этой причине сообщение с Архангельском «висит на воло-

[1] РГИА. Ф. 273. Оп. 1, Д. 4377. Л. 61.

[2] Стенографический отчет заседания Экономического совета при Временном правительстве [21 июля] Пг., 1917. С. 4.

ске». И как вывод: «Мы вступили в преддверие остановки железнодорожных работ»[1].

Бубликов подверг критике изданный 27 мая Некрасовым знаменитый циркуляр № 6321, который вносил существенные изменения в управление железнодорожным транспортом, передав органам отраслевого профсоюза решение ряда административно-хозяйственных вопросов. Он весьма критически отзывался о всей кадровой политике Временного правительства. Очень часто, по его мнению, грамотных, профессионально подготовленных чиновников, в дни революции и позже меняли на менее квалифицированных, на чиновников второго сорта. Например, один из участков Северо-Западных железных дорог возглавил помощник присяжного поверенного. По словам Бубликова, «масса людей берется за то, в чем ничего не понимает»[2].

Основную причину падения Временного правительства автор воспоминаний видел в «идейной бесцветности» и безынициативности. Идея довести страну до Учредительного собрания не могла «зажечь сердца, повести за собою людей». Нельзя же предлагать народу отсрочку решений всех волновавших его вопросов «до неведомого будущего». Временное правительство могло, по мнению Бубликова, например, объявить переход всей земли к народу, а вот вопрос распределения — отложить до Учредительного собрания. Помещики (или их управляющие) в этом случае объявлялись правительственными чиновниками, управляющими казенными имениями. В этом случае доходы с имений поступали на депозиты Государственного казначейства, и уже государство вознаграждало бы помещиков за их труды и капиталы, вкладываемые ими в эксплуатацию земли. Во всяком случае правительство что-то должно было предпринимать для удовлетворения запросов основной части населения страны — крестьянства. Бубликов считал, что многое из того, что потом сделали большевики, вполне могло бы сделать Временное правительство.

[1] Стенографический отчет заседания Экономического совета при Временном правительстве [21 июля]. Пг., 1917. С. 13.

[2] Там же. С. 18.

Много страниц воспоминаний посвящено рассуждениям об экономическом состоянии России и мира. Огромные разрушения фабрик и заводов, износ станков ввиду форсированной работы и низкой квалификации людей, заменивших мобилизованных в армию квалифицированных рабочих, не позволят вернуться к прежнему объему производства. Миллионы рабочих сложили свои головы на полях сражений, миллионы вернулись калеками. Просидевшие 4 года в окопах, позабыли свое ремесло, а молодежь, призванная в армию в 18 лет, просто не успела ему научиться. А ведь и до войны промышленность и сельское хозяйство были на низком уровне. Например, российские черноземы приносили меньше урожая, чем пески Восточной Пруссии, поскольку сельскохозяйственная техника только появилась на полях, а искусственные удобрения были почти неизвестны. В промышленном секторе было занято едва 3 млн человек из почти 180 млн населения. Однако А. А. Бубликов верил в возрождение России. Для этого нужно восстановить уважение к личности и собственности, навести элементарный порядок и привлечь иностранные инвестиции. При этом иностранному капиталу нужно создать вполне привлекательные условия, иначе он уйдет «в более гостеприимные страны». Поэтому нужно всячески «уменьшить... аппетит к доходности» со стороны правительства. По мнению Бубликова, такие попытки возможны только в международном масштабе, при достижении межгосударственных договоренностей. Только в этом случае удастся предупредить нежелательное перемещение капитала.

Бубликов неоднократно в своих мемуарах обращается к социалистической идее. Он признает, что мир «идет к социализму» и спорить с этим «было бы неумно»: «слишком много грехов накопилось за капиталистическим строем, слишком много было страданий масс, слишком оскорбляет он чувство справедливости, чтобы человечество не чаяло в крушении капитализма пути к своему счастью». Но весь вопрос во времени и месте. «Россия,— по словам Бубликова,— начала свой социалистический опыт при таких условиях, которые не дают никакого шанса на успех. В крупных европейских странах разговор о социализме более уместен, поскольку капитализм «успел

уже слишком многое создать» и был смысл в поисках «способов наилучшего использования существующего». Бубликов приводит такие цифры: во всю русскую промышленность и торговлю было вложено в акционерной форме едва 5 млрд руб., все русские банки вместе взятые имеют лишь немногим более 1 млрд руб., вся русская железнодорожная сеть стоит менее 9 млрд руб., наконец, все национальное богатство России оценивалось в сумме не выше 120 млрд руб. Пытаясь это поделить, можно «сделать нищими богатых, но обогатить распределением массы — невозможно».

По мнению Бубликова, у человеческой деятельности есть только три стимула: любознательность, стремление к славе и стремление к комфорту. Если первые присущи немногим, то третий стимул присущ почти всем. Социализм, по мнению Бубликова, отрицает этот стимул (или «ослабляет его до чрезвычайности»), исключая возможность личного обогащения, делая всех равными участниками земных благ, независимо от степени продуктивности труда. Поэтому должно пройти еще много лет, много предстоит поработать над человеком, чтобы заставить его «во имя общего блага работать так же, как он сейчас, в условиях капиталистического строя, работает ради личного обогащения».

Вот почему в своем выступлении на Государственном совещании в Москве 15 августа Бубликов заявил, что Россию может спасти только «величайшее напряжение промышленного творчества, и торгово-промышленный класс величайшую свою государственную повинность усматривает именно в том, чтобы в самом широком масштабе на пользу родины проявить это творчество». На этом пути российские предприниматели готовы к сотрудничеству с российской социал-демократией. В конце своего выступления под аплодисменты всего зала Бубликов пожал руку видному представителю социал-демократического движения меньшевику И. Г. Церетели, что стало одним из кульминационных моментов совещания[1].

Бубликов несколько раз возвращается к проблемам государственного управления в России. Русское госу-

[1] Государственное совещание. М.; Л., 1930. С. 269.

дарство «было силою сколочено из многочисленных, довольно разнородных, частей и, следовательно, только известной долей силы могло быть удерживаемо в целости». Авторитарное правление за тысячелетие российской государственности пустило глубокие корни, стало частью российского менталитета. Государство вплоть до начала XX столетия держалось на авторитете царской власти. Российские монархи, подчеркнул Бубликов, «умели олицетворять собой Россию, были подлинными ее вождями, инстинктивно улавливали ее национальные задачи, понимали ее грандиозный масштаб, находили в трагические моменты ее истории слова, которые шли к ее сердцу, поднимали ее дух». Все изменилось при Николае II. Как будто нарочно он и его правительство делали все, чтобы создать такое общественное настроение, при котором единственным выходом казался государственный переворот. Э. Б. Войновский-Кригер полагал, что будь на престоле Александр II или Александр III, страна продержалась бы до конца войны, что позволило бы избежать разрушения великого государства[1]. Мелок был Николай II, отметил Бубликов, не по России. Все государственно мыслящие люди, да и весь народ в совокупности «каким-то здоровым инстинктом» всегда рвался к сильной власти (хотя власть в России всегда любили критиковать). Это «душенастроение» русских людей не уловило Временное правительство. Я думаю, писал Бубликов, что и успех большевиков «в значительной мере объясняется тем, что в них учуяли людей, склонных создать именно сильную власть».

Незадолго до Октябрьской революции Бубликов уехал в Америку и не застал процесс перехода власти в стране к Советам. В Россию он не вернулся. В феврале 1920 г. Бубликов стал одним из инициаторов создания Российского торгово-промышленного и финансового союза и был членом президиума железнодорожной секции при Совете союза. Многие годы сотрудничал с газетой «Новое русское слово» (Нью-Йорк) и опубликовал несколько книг по вопросам восстановления народного хозяйства России после Гражданской войны. Бубликов верил, что «если бы Россия, с ее несметными богатствами, со смышленым, та-

[1] Кригер-Войновский Э. Б. Указ. соч. С. 129—130.

лантливым, трудоспособным населением, сбросила с себя свою вековую лень, откинула несуразные фантазии, привычку к болтовне и залетанию в облака и принялась за реальную работу», то, без сомнения, встала бы в ряды самых развитых государств[1]. Александр Александрович умер в Нью-Йорке 29 января 1941 г.

Конечно, воспоминания А. А. Бубликова субъективны, как и вся мемуарная литература. В них есть отдельные фактические ошибки. Но вряд ли Бубликов имел возможность, находясь в США, перепроверять некоторые даты, чины, звания и др. А, может быть, не считал важным для описываемых им грандиозных событий в истории страны. Ценность воспоминаний А. А. Бубликова прежде всего в том, что они написаны не только очевидцем, но и непосредственным активным участником событий, которые определили судьбу страны в XX столетии. Особенность их в том, что они были написаны по горячим следам этих событий (Бубликов в предисловии поставил дату 20 февраля 1918 г.). Автор еще не знал, чем закончатся Первая мировая война, революция и Гражданская война в России, как надолго задержатся у власти большевики, какой станет страна в результате социалистического эксперимента. Воспоминания А. А. Бубликова поражают своей искренностью, в отличие от тех, что были написаны другими участниками революционных событий спустя десятилетия. Столетие революции 1917 г.— дата, заслуживающая особенно вдумчивого прочтения и анализа такого исторического источника, как воспоминания А. А. Бубликова.

Новое издание воспоминаний дополнено фотографиями из Центрального государственного архива кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга и личного архива А. С. Сенина.

А. С. Сенин, доктор исторических наук, профессор Историко-архивного института РГГУ

---

[1] Россия в Первой мировой войне. 1914—1918: энцикл.: в 3 т. Т. 1. М., 2014. С. 236—239.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я уже давно уклонился от активного участия в политике. Того менее предполагал я заниматься ею здесь, в Америке. Но мои здешние друзья и знакомые выражали такой интерес к моим личным впечатлениям и мыслям по поводу русской революции, что я решил выпустить настоящую книгу.

Претендую только на одно, что мои «мемуары» искренни и правдивы. Об их содержательности, а также о жизненности моих политических взглядов представляю судить читателям и... времени.

А. А. Бубликов.

Нью-Йорк,
20 февр. 1918 г.

А. А. Бубликов

Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет,
Забудет чернь к ним прежнюю любовь;
И пища многих будет смерть и кровь;
Когда детей, когда невинных жен
Низвергнутый не защитит закон,
Когда чума от смрадных мертвых тел
Начнет бродить...
И станет глад сей бедный край терзать,
И зарево окрасит волны рек!
В тот день явится мощный человек,
И ты его узнаешь — и поймешь,
Зачем в руке его булатный нож;
И горе для тебя!..— твой плач, твой стон
Ему тогда покажется смешон...

М. Ю. Лермонтов,
1830 г.

Неудачная русская революция 1905 г. весьма быстро выродилась в бандитизм.

Это до чрезвычайности облегчило императорскому правительству борьбу с нею.

Ряд отвратительных преступлений, совершенных под прикрытием революционного знамени, злоупотребление таким опасным для общего блага орудием, как всеобщая политическая забастовка, и крайняя нетерпимость крайних левых партий, которую можно было поставить вровень разве только с нетерпимостью правительственной,— все это, вместе взятое, отвратило от симпатий к революции всех лю-

дей имущих или мечтающих, путем упорного труда в мирной обстановке, добиться известного достатка.

Можно, пожалуй, сказать, что эти люди «благословили» правительство Столыпина на усмирение революции, ибо, действительно, только учуяв, что симпатии значительной части населения уже более не с революционерами, правительство возымело смелость начать беспощадную и систематическую с ними борьбу. Пошли расстрелы, карательные экспедиции, заполнение тюрем и массовая ссылка — словом, весь обычный арсенал реакции был пущен в ход, и революционеры, оставшиеся одинокими, быстро были разбиты наголову.

«Успокоение», поскольку оно достижимо мерами полицейскими, наступило весьма быстро. Но вскоре оно было закреплено и по существу: наступил энергический рост благосостояния широких масс населения. Заработали фабрики, заводы, железные дороги. Биржа, дававшая прыжки цен в десятки пунктов в день, проливала золотой дождь на толпы людей, осаждавших банкирские конторы. А кто же не знает, что материальное благополучие есть лучший бром против политических страстей?

Революция кончилась.

Об ней все позабыли.

Но и ни одна из общественных сил, в ней участвовавших,— ни революционеры, ни правительство, ни народ сам — никто не извлек из пережитого никакого урока на будущее.

Революционеры, частью заполнившие бесчисленные русские тюрьмы и безбрежную сибирскую тайгу, частью ушедшие искать гостеприимства в других странах, унесли с собою в изгнание и ссылку только крайнее озлобление против виновников своего поражения и чрезвычайную уверенность в своей правоте.

Они не хотели даже допускать мысли о том, что источник их поражения лежал в их же ошибках, в их оторванности от подлинного русского народа. Наблюдая проявленное им во время революции в широчайшем масштабе неуважение к чужой собственности, они заключали о том, что будто бы этот народ чрезвычайно склонен к социалистическому укладу жизни, тогда как значительной его части гораздо ближе была знаменитая идеология: если *ты* украл *мою* жену, то это — плохо, а если *я* украл *твою* жену, то это — хорошо. Они не поняли, что этот народ не дорос еще даже до буржуазной идеологии, целиком основанной именно на уважении к чужой собственности, что он где-то еще бесконечно далеко даже от современных европейцев и американцев.

Наконец, они не сумели сделать даже того напрашивавшегося вывода, что их теория перманентной революции носила источник своей гибели в самой себе, ибо спокойствие душевное есть в понимании широких народных масс такое великое «благо», за которое народы платили всегда самую дорогую цену, вплоть до цены собственной политической свободы. Свою профессиональную любовь к революционному действию они считали присущей и народу, тогда как для последнего революция всегда лишь средство и никогда — цель.

Революционеры упорно не хотели понять, что с тем материалом, который имелся на Руси, можно было только скомпрометировать социалистическую идею, а отнюдь не осуществить на земле социалистический рай, что русский народ, не прошедший курса элементарной политической свободы, если его не удерживать от слишком быстрого движения влево, всегда будет проявлять склонность шарахаться от крайних увлечений свободою в сторону самой же крайней реакции.

Правительство... разделило обычную участь всех реакционных правительств — проявило полную безыдейность. можно сказать, безграничную политическую глупость.

В упоении своей решительной победой над врагом внутренним, при помощи мер чисто полицейского порядка, оно забыло знаменитое положение французского политического деятеля, что штыками можно сделать весьма много, но только нельзя сделать одного —на них нельзя сидеть.

Знаменитая правительственная формула: «сперва успокоение, а потом реформы» расплылась весьма быстро. Из всех реформ была проведена, да и то не слишком энергично, только одна — были сделаны шаги к насаждению в России класса мелких единоличных земельных собственников. О каком-либо утверждении торжественно обещанных политических свобод не было больше и речи.

Правительство не поняло, что долго править страною против народа нельзя, что для того, чтобы прочно стоять во главе великой нации, надо уметь сохранять в себе великодержавный инстинкт — надо уметь предлагать народу задачи, достойные его, и в то же время непрерывно улавливать, в чем состоит его действительный, кровный интерес.

Правительство видело ясно бессилие дворянства и духовенства, а потому, пользуясь ими, оно в то же время глубоко их презирало, с их желаниями не считалось, тем самым питая даже в этой среде недовольство существующим строем.

Рабочих оно искренно ненавидело.

К крестьянству оно относилось явно недоверчиво, ибо последнее в дни революции задело интересы помещичьего класса, из которого рекрутировались представители высшей власти в стране.

В отношении интеллигенции им была усвоена столь любезная сердцу всех реакционных прави-

тельств мира политика «мелких уколов» — непрерывного мелкого издевательства над ее свободолюбивыми стремлениями.

Наконец, к торгово-промышленной буржуазии отношение было определенно враждебное. Бывший министр внутренних дел, кстати сказать, назначенный на этот пост бывшим царем за одно только достоинство — умение бесподобно изображать влюбленную пантеру (факт!) — говорил про буржуазию так: «Это будет похуже рабочих: тех можно пострелять. А что с этими сделаешь?».

Словом, не было в России класса или группы людей, с которыми русскому правительству было бы по пути.

Оно воевало со всеми, всех и всего боялось, всех угнетало, все молодое, свежее душило.

Идеолог русской реакции поставил такую задачу перед русской властью: «Россию надо подморозить — чтобы не жила», ибо твердая, прочная, незыблемая, застывшая в своих идеалах, власть возможна только над народом неживым, не движущимся вперед, не стремящимся к политическому совершенствованию.

И русская власть стояла над русским народом, сильная с виду, но совершенно одинокая, никому подлинно не нужная.

Ибо подняться до высоты просвещенного абсолютизма, точно отформулировать действительно исторические задачи своего народа и настойчиво их осуществлять было, конечно, не под силу русскому самодержавию, выродившемуся и духовно, и физически.

Его хватало только на работу отрицательную, на полицейский гнет. Творчество от него давно отлетело.

Поэтому урок революции 1905 г. прошел для него совершенно даром. Оно не поняло, что русский на-

род перерос старые рамки, что он уже *сильно* хочет новой, лучшей жизни и что он скоро начнет сам ее строить, если ему не даст ее его «Богом поставленная» власть.

Историческая фраза Александра II, сказанная им дворянству при освобождении крестьян: «Лучше начать сверху, чтобы не началось снизу»,— была совершенно не по плечу ничтожному Николаю II и его столь же ничтожным советникам.

Они не прислушались к первым раскатам народного грома и не сумели отвести от себя народного гнева настоящим служением народу — государственным творчеством в соответствии с бродившими в душе народа новыми идеалами.

«Успокоение» народа, прекращение им революционных «беспорядков» они приняли за отказ нации от своих желаний новой, лучшей жизни.

Сам народ, мыслящее общество... только что, казалось бы, испытавшие на своей спине последствия политического экспериментаторства, революционного и реакционного, не сделали того простого вывода, что для того, чтобы иметь «хорошую» политику, народу надо отстранить от этого дела профессионалов, безразлично, будь они справа или слева, и взять его в свои руки.

Наоборот, интерес к политике пал до невероятия. Если в чем и был неправ бывший русский премьер Коковцов, когда он утверждал, что в России в 30 верстах от железной дороги никто политикой не интересуется, то разве в том, что ею не занимались и те, кто жил вплотную у железной дороги.

Интерес, какой еще поддерживался к политике, носил чисто спортивный характер. Публика с полным политическим бесстрастием, хотя и не без любопытства, наблюдала: кто кого одолеет, революционеры ли — правительство, или правительство революционеров? Кто кого лучше подденет: прави-

тельство «оппозицию его величества», как именовал свою партию лидер кадетов Милюков, или оппозиция правительство?

Как будто это «кто кого одолеет?», «кто кого переспорит?» не касалось самых близких, самых существенных интересов гг. зрителей политической скачки с препятствиями.

Гос. дума решительно никакой поддержкой в стране не пользовалась. Правительство могло ее распускать сколько угодно, и в стране не раздавалось и тени протеста. Если ее не разгоняли вовсе, то только потому, что ее умели «обезвреживать» через законодательную обструкцию верхней палаты, и потому, что немного опасались заграницы — как бы не лишили кредита.

Маразм был полнейший.

Какое-то затишье перед бурей.

Всякая партийная жизнь прекратилась, и не потому, что ее убивало полицейское преследование, а потому, что пропал к ней интерес.

Все были недовольны, но никто не хотел деятельно бороться с нестроением государства. Все ушли в личную жизнь, и хотя все сознавали, что «так дальше жить нельзя», но ограничивались одной воркотней, фрондированием в узком кругу знакомых и друзей. Никто и не помышлял о создании влиятельного общественного мнения, о выработке политических идеалов и о настойчивом проведении их в жизнь.

Полным бессилием веяло от всего в стране. Не был на высоте задач, которые история должна была поставить перед Русским государством, никто — ни правительство, ни профессиональные политики, ни сам народ.

А между тем надвигались грозовые тучи величайших испытаний. И когда беда пришла, то мудрено ли, что разразилась вновь революция?

Было бы удивительнее, если бы она не пришла. Это, пожалуй, было бы признаком того, что народ безнадежно пал, если бы он не сделал даже той почти конвульсивной попытки спасти себя, какой являлась для него революция.

И удивительно ли также, что эта революция донесла его чрезвычайно быстро до крайних пределов отвратительной охлократии?

Ведь в народе к моменту революции не было ни одной интегрирующей, творческой силы. Все одряхлело, все изверилось в себе, ничто не давало и тени надежды на выход, на спасение. Не видно было никаких шансов справиться с положением с помощью старой политической машины. Этот старый строй не донес до момента революции ни одного действительно авторитетного политического деятеля, ни в среде правительства, ни в среде оппозиции, ни одного человека с волей и характером, на которого нация могла бы возложить свои надежды. Десятилетия систематической деморализации народа давали себя знать: в стране не оказалось никаких, подлинно государственных элементов.

При этих условиях неотвратим был *полный* переворот, неизбежен был хаос и попытка начать новое творчество из этого хаоса, из ничего, поиски каких-то совершенно новых идей и новых людей, ибо старые методы и старые деятели безнадежно потеряли всякий кредит в глазах страны.

При этом становится вполне понятным, что эти старые политические деятели дореволюционного периода не могли желать революции, а не желая,— и не верили в ее пришествие.

Эта их уверенность в невозможности революции заражала даже и сторонних наблюдателей. Недаром специальный английский посланец, посетивший Россию незадолго до революции, лорд М., еще чуть не накануне этой революции докладывал своему пра-

вительству о полной ее невозможности: ведь ему об этом говорили буквально все, с кем ему пришлось сталкиваться в Петербурге,— и представители власти, и представители оппозиции.

Да ни один ответственный политический деятель и не мог сознательно желать революции. Всякий понимал, что Россия, изнемогавшая под бременем внешней войны, не могла одновременно поднять на свои плечи еще и бремя перестройки всех внутренних отношений. Финансирование войны и финансирование в то же время социальной справедливости не могло быть по плечу экономически слабой стране, и так уже безудержно шедшей к банкротству.

Последующее вполне подтвердило эти опасения. Русское государство, доведшее свое кредитное обращение с 1 650 000 руб. перед войной до 8 млрд руб. к моменту революции, после нее, не воюя, пришло к 18 млрд в октябре прошлого года. Когда я уезжал из России (в сентябре), Экспедиция заготовления государственных бумаг выпускала в день до 72 млн руб. Впоследствии, говорят, ее «производительность» была повышена до 125 млн. Но если даже остановиться на цифре 72 млн в день, или 2 млрд в месяц, то сейчас бумажное обращение в России должно достигать 25—26 млрд руб. Далеко ли отсюда до полного крушения денежной системы, до полного банкротства? А финансовое банкротство является лишь внешним выражением непосильности для страны таких двух задач, как война и революция.

И было ясно вперед, что, изнемогая под бременем этих двух задач, страна попытается сбросить со своих плеч первую.

А выход из войны, перестройка всех внешних отношений в момент величайшего мирового кризиса представляли собой такой прыжок в неизвестность, который никак не мог предвещать для России ничего доброго.

Поэтому-то ни один ответственный политический деятель, даже такой, как лидер октябристов, А. И. Гучков, лично, почти физически не переваривавший Николая II, не заходил в своих желаниях дальше мечтаний о персональном низложении Николая, чтобы в период регентства Михаила над несовершеннолетним Алексеем попытаться создать в России нечто аналогичное английскому государственному строю с царем царствующим, но не управляющим.

И тем не менее революция пришла, никем не желанная, никем не подготовленная (ведь все революционные партии были совершенно разгромлены), для всех страшная той неизвестностью, которую она с собой несла.

Началась она как-то странно, почти подозрительно. Рабочие кварталы вначале оставались совершенно спокойными. Уличные беспорядки делала разношерстная толпа, в достаточной степени добродушно настроенная и уже нисколько не грозная, та самая толпа, которая так бесподобно охарактеризована Виктором Гюго в его рассказе мальчугана, раненного при усмирении. Мальчуган оправдывается перед матерью, что не он виноват в том, что он ранен, а солдаты, которые не соблюли правил игры,— начали стрелять раньше того третьего сигнала, после которого полагается удирать.

Такая же игра в беспорядки происходила и на улицах Петербурга. Люди толпились на Невском, шарахаясь в боковые улицы при виде конного патруля, порою кричали и свистели, а больше даже прогуливались молча или с шутками и смехом.

Вдруг войска (а кто говорил — переодетые солдатами полицейские) начали стрелять. Упали в разных местах ни в чем не повинные прохожие, частью

даже не имевшие ни малейшего желания участвовать в демонстрации и случайно проходившие по своим делам.

Применение огнестрельного оружия отнюдь не оправдывалось положением дела. Несомненно, ту толпу, которая ходила по Невскому, можно было рассеять несравненно более невинными средствами. Опасного для «существующего строя» в ней не было ровно ничего.

В аналогичных случаях, например, французская полиция не прибегает даже к палкам.

Поэтому раздавшиеся вдруг выстрелы невольно наводили на мысль, что кому-то было желательно довести дело именно до кровавого столкновения.

Охотно даешь веру сведениям о том, что самые «беспорядки» были инсценированы правительством.

Говорили мне и в Петербурге, и в Стокгольме, что они были согласованы во время знаменитых свиданий столь прославившегося русского министра внутренних дел Протопопова с германским агентом фон Люциусом в стокгольмском Гранд-отеле.

Намечалось будто бы, что, ссылаясь на угрозу революции, русское императорское правительство потребует от союзников согласия на заключение им сепаратного мира.

Если принять эту версию, то поведение властей в Петербурге в первые дни революции становится вполне понятным. Чтобы легенда о революционной опасности стала вероятной, надо устроить в действительности «маленькую революцию», а для сего — произвести уличную стрельбу, хотя бы в ней и не было никакой надобности.

Без такой задней мысли даже и глупое русское правительство не могло бы начать стрельбу в памятные дни конца февраля — для нее не было никаких показаний даже с чисто полицейской точки зрения.

Такие беспорядки бывали в Петербурге не раз, и всегда они ликвидировались без стрельбы.

Но тут сбылись евангельские слова о подъявших меч.

Уже в первый день произошел случай острого неповиновения войск: на Знаменской площади казак зарубил полицейского пристава, распоряжавшегося стрельбой. Самая же стрельба, явно намеренно со стороны стрелявших, оказывалась почти безрезультатной (ведь за время всей первой русской революции убитых в Петербурге оказалось менее двухсот).

На другой день произошло еще более яркое нарушение дисциплины. Волынский полк, отказавшись стрелять по мирным гражданам, вышел на улицу перед казармами и оттуда, по случайному совету одного из рядовых, направился к Таврическому дворцу — месту заседаний Государственной думы. Там в это время собрались и члены Думы, и уцелевшие от полицейского разгрома после первой революции члены революционных партий. В город устремились с окраин рабочие. В Думу стали приходить разрозненные части других полков. Только через два дня, после долгих переговоров с Родзянкой, пришел в полном составе во главе с командиром Преображенский полк — надежда династии.

Кончились «беспорядки», началась «революция».

Но в нее всё еще все продолжали не верить.

В этот момент пришел в Думу высочайший указ о роспуске Думы.

Говорилось впоследствии часто, что Дума отказалась разойтись. Это весьма неточно.

Дума и не собралась, как таковая.

Члены Думы, по получении указа, собрались в *частное* совещание для обсуждения положения дел, становившегося все более грозным.

Члены правых партий уже отсутствовали, но и остальные не проявляли никакой склонности к ри-

скованным решениям. Во всяком случае мое предложение перейти из «полуциркульного » зала в зал общих собраний и тем самым официально установить факт неподчинения формально выраженной воле монарха, не имело ровно никакого успеха, хотя я тут же пророчествовал: «Вы боитесь ответственности? Но от ответственности вы не уйдете, а достоинство свое уроните безвозвратно».

После долгих прений, во время которых, между прочим, прославившийся впоследствии своим радикализмом министр Некрасов выступал с предложением учреждения какого-то пятичленного комитета с никому не известным генералом Маниковским во главе, было, наконец, решено образовать «Временный комитет для поддержания порядка и для сношения с организациями и лицами» из 12 членов Думы.

Самая длиннота названия комитета нарочито подчеркивала его нереволюционность.

Уже во время прений в заседание ворвался офицер — начальник воинского караула с просьбой о защите против толпы солдат, студентов и рабочих, плотным кольцом обступивших дворец и желавших «снять» караул.

Толпа вошла во дворец и расположилась в Екатерининском и Круглом залах. Начался митинг, непрерывно продолжавшийся несколько дней и ночей. Сказался сразу великий грех русской интеллигенции, столь дорого впоследствии стоивший России,— пошли речи, речи и речи. Говорили без отдыха, до потери голоса, и никто не думал, что надо же начать действовать.

Толпа стала постепенно приводить представителей старого режима. Примыкавший к заседанию Думы «министерский» павильон, в котором раньше члены правительства собирались перед выступлениями в Думе, был превращен в арестное помещение.

Одним из первых был приведен председатель Государственного совета, бывший министр юстиции, всесветно прославившийся по делу Бейлиса, И. Г. Щегловитов.

Я тут же заметил, что половина сделана: из правительства вынуты мозги. Это был, несомненно, не только вреднейший, но умнейший из советников Николая.

Председатель Государственной думы, Родзянко, хотел было взять его под свое покровительство, но Керенский, в это время с каждым часом все более и более становившийся кумиром толпы, отстранил председателя. Произошла патетическая сцена, когда присяжный поверенный, только что собиравшийся идти под суд того же Щегловитова за последнюю свою думскую речь, арестовывал именем народа бывшего генерал-прокурора.

Старое правительство еще продолжало собираться, хотя глава его, ничтожнейший кн. Голицын, уже подал со страху в отставку. О его душенастроении можно судить по одной маленькой подробности, которую добродушно передавал один из этих бывших министров: «Когда мы заседали в последнем заседании Совета министров, то вдруг потухло электричество. Что тут за шум и гам пошел, что тут вообще произошло, я ясно себе не представляю. Но зато, когда электричество вновь зажглось, то я вполне ясно усмотрел себя сидящим под столом, вместе с другими министрами».

Разумеется, не с таким настроением бороться с революцией, и бывшие гг. министры начали разбегаться. Министр юстиции Добровольский сел в бест в итальянское посольство. Впоследствии он сам сдался и был отправлен в Петропавловскую крепость, где и сидит по настоящее время. За этим господином числятся дела чисто уголовного характера, и ему не избежать каторги при любом режиме. Министр вну-

тренних дел, Протопопов, спрятался было у весьма популярного в Петербурге знахаря Бадмаева, но потом сам приехал в Думу и сдался Керенскому, которого он, ко всеобщему смеху, приветствовал при этом титулом ваше высокопревосходительство. Протопопов тоже в Петропавловке и умирает от прогрессивного паралича. Министр земледелия Риттих спрятался так, что до сих пор о нем нет никаких сведений. Министры иностранных дел Покровский и путей сообщения Войновский-Кригер не были даже и арестованы. Последнего я только задержал на несколько дней в его же собственном кабинете в министерстве, чтобы охранить его от возможных эксцессов со стороны толпы. Покровский — авторитетный финансист и настолько уважаемый человек, что поговаривали даже о возможности включения его в коалиционный кабинет в качестве министра финансов. Теперь он избран председателем правления Сибирского банка. Министр путей сообщения Кригер-Войновский вернулся в частное железнодорожное дело и состоит председателем Правления богатейшей железной дороги на юге России — Владикавказской. Министр торговли сперва спрятался, а затем объявился в роли приказчика у известного и в Америке норвежско-русского пароходчика Ионаса Лида. Это такое ничтожество, что его даже арестовать не хотели.

В Государственной думе тем временем продолжались речи.

Я многократно обращался ко многим влиятельным членам Думы, в том числе к председателю Думы Родзянко, к Керенскому, к Чхеидзе, Некрасову и другим, с указанием на то, что это — занятие совершенно бесплодное и небезопасное, что пора уже брать власть в руки, иначе царь может собраться с силами, прислать войска с фронта и быстро подавить все движение, что захват власти всего лег-

че осуществить через занятие Министерства путей сообщения, которое обладает своей собственной телеграфной сетью, не подчиненной Министерству внутренних дел. Однако мои указания не встречали сочувствия, и лишь 28-го утром председатель Думы на мое повторное обращение несколько даже взволнованным тоном ответил: «Так если это необходимо, пойдите и займите».

В ответ на это я вынул из кармана заготовленное уже мною воззвание к железнодорожникам и предложил председателю его подписать, а также поручение от комитета Государственной думы занять Министерство путей сообщения.

Характерно, что в обращении этом слова: «старая власть пала», которыми оно начиналось, Родзянко заменил словами: «старая власть оказалась бессильной» — настолько еще в это время в Думе не верили, что революция уже совершилась и к прошлому возврата нет. Родзянко так и сказал: «Как можно говорить «пала»? Разве власть пала?».

Тем временем вокруг Думы творилось нечто невообразимое. Вся улица перед дворцом была забита грузовыми автомобилями, полными солдат. Толпа стояла такая, что было трудно пробиться. Ведь в Думе был центр всего, туда несли все: и захваченное на станции серебро, и пулеметы, и какие-то огромные несгораемые кассы, и ружья без конца, и ручные гранаты. Какие-то матросы принесли даже мину Уайтхеда. Динамита было столько, что если бы в здание попал снаряд, то, вероятно, от него ничего бы не осталось. Недаром великий князь Кирилл, который привел в Думу свой Гвардейский экипаж, недолго засиделся в Думе. Покосился, покосился на валявшиеся вокруг ручные гранаты и ушел домой.

В невероятнейшем шуме и толкотне стоило великого труда добиться от Военной комиссии Государственной думы назначения в мое распоряжение

пары грузовиков с солдатами. Третий грузовик я уже сам взял на улице и, на легковом автомобиле во главе этой своеобразной армии из солдат разных частей без одного офицера, я отправился в поход на государственную власть России[1].

По городу шла в это время непрерывная пальба из ружей и пулеметов — работали порассаженные по чердакам молодцы Протопопова.

Объезжая особенно «бойкие» места, добрались мы, наконец, до министерства.

Я расставил часовых у всех дверей, а сам, во главе толпы солдат, направился в кабинет начальника Управления железных дорог и потребовал к себе старших чинов ведомства.

Встреча мне была оказана, как я и предвидел, самая сердечная. Старший товарищ министра, инж. И. Н. Борисов[2] протянул мне руку со словами: «Ну, слава богу. Наконец-то! А мы вас еще вчера ждали».

---

[1] Остальные министерства были заняты сутками и более позже.

[2] Кстати напомню, что незадолго до революции закончила свои труды работавшая под председательством инженера И. Н. Борисова и при ближайшем моем участии особая комиссия из правительственных чиновников и представителей различных общественных учреждений и ученых обществ по выработке, согласно предложенной мною идеи так называемого «плана сети», т. е. списка дорог, которые подлежат сооружению в ближайшие годы, чтобы, с одной стороны, удовлетворить назревшие нужды страны, а с другой стороны — создать мощный, согласованный в своих частях единый железнодорожный аппарат, в котором ни одна часть не препятствовала бы, по недостатку мощности, работе остальных частей. Теперь, когда Америка решила ввести, по примеру России, объединенное руководство работою дорог, ей следует подумать о создании аналогичной комиссии из специалистов дела. Если этой комиссии и не слишком много будет труда по установлению списка еще недостающих линий в столь богатой дорогами стране, как Америка, то зато придется много потрудиться над разделением линий на разряды в зависимости от их мощности и тех требований на перевозки, которые к ним будут предъявляться при установлении планомерного разделения перевозок между дорогами, по сведению в одну мощную магистраль столь многочисленных в Америке параллельных линий, идущих зачастую на десятки миль рядом, без всякой пользы для населения, но с совершенно ненужными расходами для дороговладельцев, по разработке вопросов о конечных станциях и, особенно, по устранению этих ужасных пересечений в уровне, столь понижающих провозную способность

И действительно, было самое время кому-нибудь становиться во главе ведомства. Движение начинало разваливаться. Начальник Северо-Западных ж. д. Ф.М. Валуев был убит. Начальникам служб угрожали тем же. Служащие начинали разбегаться. Спасти положение могли только спокойные, уверенные распоряжения из центра.

Второй товарищ министра, Козырев, известный своей реакционностью, однако, тоже обещал полное содействие, оговорившись только, что он ничего не предпримет против священной особы Государя.

Так состоялось завладение государственной машиной, покинутой старыми хозяевами.

Безропотно подчинились старшие, с великой радостью — младшие. Впоследствии линии меня прямо засыпали выражением своего восторга от переворота и готовностью удвоить, утроить свои усилия на благо родины. Но как недолго все это длилось!

Первым моим делом было отправить по всей сети сообщение железнодорожным служащим о совершившемся и призыв к великой работе на пользу свободной отныне страны. Я писал им: «Государственная дума знает, что только величайшим напряжением энергии каждого железнодорожника можно восполнить недостаточную техническую мощность нашего железнодорожного аппарата, разрушенного плохим хозяйством старого режима. Родина ждет от вас больше, чем исполнения долга. Она ждет от вас подвига».

Вторым делом было узнать: где царь.

Оказалось, что он только что делал попытку пробраться в Петербург по Николаевской ж. д. (соединяющей Петербург с Москвой), но, доехав до ст. Тосно, узнал там, что Николаевский вокзал в Петербурге в руках революционных войск, и повернул

американских дорог. В России по однопутным дорогам мы пропускаем до 21 пары в сутки, а по двухпутным до 48 пар. На американских дорогах об этом и думать нельзя, и в значительной мере из-за пересечений в уровне.

обратно в Бологое в надежде обогнуть Петербург с юга, проехать в Царское Село по Виндавской или Северо-Западной ж.д. Я сейчас же отдал распоряжение, чтобы его не пускали севернее линии Бологое—Псков, разбирая рельсы и стрелки, если он вздумает проезжать насильно. Одновременно я воспретил всякое движение воинских поездов ближе 250 верст от Петербурга.

Но оказалось, что эти мероприятия были уже не нужны. Как мне впоследствии передавали лица царской свиты, как только царь узнал, что на сети командую я, а вокзал Николаевской ж. д. занят каким-то неведомым поручиком Грековым, он как-то сразу сдался[1].

[1] В то же время и сделать попытку войти в сношения с великим князем Николаем Николаевичем, в то время наместником на Кавказе. Для этого я ему телеграфировал: «Ввиду исключительной стратегической важности скорейшего окончания Черноморской ж. д. и ввиду обнаруженной главным инженером этой дороги явной неспособности ускорить постройку полагал бы его удалить и назначить главным инженером лично мне известного чрезвычайно энергичного строителя, обладающего опытом в скорой постройке дорог, инж. Перлова. Испрашиваю на это назначение согласия Вашего высочества. Комиссар Государственной думы Бубликов». Великий князь понял ловушку и стал запрашивать Ставку, как ему поступить, ибо по существу он-де совершенно согласен с Бубликовым, но не знает, как ему сноситься с таким новым должностным лицом. Не знаю, ответ ли Ставки или демонстрации перед дворцом, вызванные моей депешей железнодорожникам, убедили в необходимости меня признавать, но через два дня я имел уже ответ великого князя.

Впоследствии в ловушку, устроенную ему Временным правительством, великий князь уже попался. Он получил назначение Верховным главнокомандующим, выехал от преданной ему Кавказской армии, но по дороге получил распоряжение Временного правительства о его смещении. Это была все та же боязнь контрреволюции, и, несомненно, интерес армии тут приносили в жертву. Великий князь, несомненно, нашел бы в себе больше энергии противостоять развалу армии, чем ген. Алексеев. Всего вероятнее он, прежде всего, перешел бы в наступление, не дожидаясь лета, да и Калуш и Тарнополь при нем не прошли бы безнаказанно и этот позор русской армии, если бы и произошел, то был бы им смыт.

Ужас берет, когда вспоминаешь об этом постыднейшем эпизоде русской истории. Особенно когда знаешь твердо, что в эти самые дни Австрия готовилась сдаваться. Богемия была накануне бунта, галицийские поляки в парламенте открыто говорили, что они знают, откуда придет удовлетворение их национальных стремлений и не желают терять время

Правда, он еще делал попытки вступить в переговоры с председателем Государственной думы, просил его приехать к нему на встречу, но это уже была агония.

Председатель Гос. думы еще колебался, ехать ли ему или нет. Я даже держал для него под парами три экстренных поезда на каждой из прилегающих к Петербургу дорог.

Но события назревали быстро. Захватив думские помещения, осколки революционных партий 1905 г., каким-то чудом уцелевшие в Петербурге, спешно формировали Совет рабочих и солдатских депутатов, разумеется, совершенно самочинно, без какого-либо подобия выборов, и Совет этот с каждым часом поднимал голову, становился требовательнее.

Еще в ночь с 1-го на 2 марта Милюков на вопрос: «Какова же будет программа нового министерства?» отвечал: «Ну, конечно, программа блока!» (блоком называлось весьма умеренное соглашение всех думских партий, кроме крайних правых и крайних левых, созданное усилиями Милюкова в целях парламентарной борьбы с царским министерством).

А через два часа в заседание думского временного комитета явился представитель Совета Стеклов и стал требовать полного отречения и республики.

Я телеграфировал дворцовому коменданту, легендарному ген. Воейкову: «Передайте Его Величеству, что председатель Государственной думы по изменившимся обстоятельствам приехать не может».

Поехали в Псков не Родзянко, а Гучков и Шульгин, и не для соглашения, а с требованием отречения.

и энергию на переговоры с австрийским правительством. Даже австрийские офицеры в Вене, не стесняясь, громко говорили: «Ну, теперь — конец! Больше мы воевать не можем!» И вдруг...

Сбылось гинденбурговское предсказание о нервах.

Им не пришлось убеждать императора. Они его нашли уже покорным народной воле, с готовым текстом акта отречения в руках.

Надо, впрочем, признать, что и попытка сопротивления была бы почти безнадежна. В это время мое обращение к железнодорожникам с извещением о начавшейся революции облетело уже всю Россию и всюду встречено было взрывом энтузиазма. Даже попытка не сразу объявить служащим мое обращение была сделана только одним начальником Южных дорог. Через день уже вся Россия знала от железнодорожников, что Государственная дума встала во главе революции и царству Николая II пришел конец.

Одной из основных черт характера семьи Романовых является их лукавство. Этим лукавством проникнут и весь акт отречения.

Во-первых, он составлен не по форме: не в виде манифеста, а в виде депеши начальнику штаба в Ставку.

При случае это — кассационный повод.

Во-вторых, в прямое нарушение Основных законов империи Российской, он содержит в себе не только отречение императора за себя, на что он, конечно, имел право, но и за наследника, на что он уже определенно никакого права не имел.

Цель этого беззакония очень проста. Права наследника этим нисколько по существу не подрывались, ибо по бездетном и состоящем в морганатическом браке Михаиле, в пользу которого отрекся Николай, все равно автоматически имел право вступать на престол Алексей. Но зато на время беспорядков с него как бы снимался всякий odium, как с отрекшегося от своих прав.

Какая ирония судьбы! Этот акт самонизложения монарха пришлось получать из его рук двум убежденным монархистам — Гучкову и Шульгину.

И они продолжали не верить, что революция совершилась, что в России нет и больше быть не может монарха.

Гучков, приехав в Петроград, смело пошел объявлять акт отречения в мастерские Северо-Западных дорог, невзирая на старательные убеждения не делать этого со стороны только что назначенного мною, на место убитого Валуева, нового начальника дорог — Павловского, который хорошо знал, чем это кончится.

Рабочие обступили Гучкова, и когда он, прочитав акт отречения, воскликнул: «Да здравствует император Михаил II!», то рабочие пришли в страшную ярость и, закрыв помещение мастерских, проявляли недвусмысленное намерение акт уничтожить, а Гучкова линчевать.

Лишь с великими трудами удалось одному из моих агентов, присутствовавшему при этом, убедить рабочих, что недостойно было бы с их стороны убивать доверчиво пришедшего к ним человека, когда этому человеку ничего не сделал даже Николай.

Самый акт потихоньку, с заднего крыльца, увезли мои подчиненные с вокзала ко мне в министерство, и я хранил его у себя в кабинете.

Вокруг вопроса, поднятого сразу рабочими Варшавских мастерских, разгорелась страшная борьба.

Решение в первую голову зависело от самого Михаила.

К нему отправилась на частную квартиру на Миллионной депутация из шести членов Государственной думы, по три из числа защитников принятия им престола и адвокатов полного отречения также и Михаила в пользу Учредительного собрания (Набоков, Милюков, Шульгин, Керенский, Некрасов и еще один, которого фамилию я забыл).

Нетрудно было сторонникам второго решения привлечь Михаила на свою сторону. Он никогда не

выражал желания царствовать, даже когда был наследником (до рождения Алексея), и тем менее мог он прельститься этой перспективой в столь трудное время.

«Уговоры» не заняли долгого времени. По крайней мере, я скоро, всего через несколько часов, вслед за первым отречением получил и второе, и мы приступили к их печатанию. Эта лестная обязанность пала на типографию Министерства путей сообщения, ибо все другие типографии в городе не работали (кроме одной типографии «Нового времени», печатавшей бюллетень, издаваемый думскими журналистами), а рабочие министерской типографии были с утра мною задержаны именно ввиду предстоявшего печатания манифестов[1].

Еще до отречения Михаила уже был составлен новый кабинет.

Состав его был следующий:

Министр-председатель, он же министр внутренних дел кн. Г. Е. Львов.

Министр иностранных дел, член Гос. думы П. Н. Милюков.

Министр юстиции член Гос. думы А. Ф. Керенский.

Министр военный и морской А. И. Гучков.

Министр финансов М. И. Терещенко.

Министр земледелия, член Гос. думы А. И. Шингарев.

---

[1] Любопытная подробность. Совет министров, получив отречение Михаила, обсуждал в Таврическом дворце, в какой форме его опубликовать. Кн. Львов предложил начать его с обычных: «Божией милостию, Мы, Михаил II...», и только присутствовавшие (?) в этом заседании Совета министров мои сотрудники по Министерству путей сообщения, инж. Ю. В. Ломоносов и прис. пов. Е. Ф. Седельников, отправленные мною за актом отречения, восстали против этой попытки смутить народ каким-то неведомым ему императором Михаилом и объяснили кн. Львову, что народ знает великого князя Михаила Александровича, а никакого Михаила II не знает. Таким образом, лишь благодаря вмешательству случайных лиц не была сделана еще одна нелепость. Характерный образчик беспомощности кн. Львова.

Министр путей сообщения, член Гос. думы Н. В. Некрасов.

Министр торговли и промышленности, член Гос. думы А. И. Коновалов.

Министр народного просвещения, проф. Мануйлов.

Государственный контролер, член Гос. думы И. В. Годнев.

Обер-прокурор Святейшего Синода, член Гос. думы В. Н. Львов.

Общая черта всех этих новых министров была та, что все это были люди «хорошие», честные, благожелательные, искренне преданные родине, почти сплошь хорошие ораторы, но в деле государственного управления совершенные новички. Если еще хотя кн. Львов и Гучков стояли в течение последних двух лет во главе больших общественных учреждений — Земского союза первый и Центрального военно-промышленного комитета второй, и Коновалов был наследственным фабрикантом (его мануфактура — первая по времени учреждения в России), то все остальные никогда ни с каким практическим делом ничего общего не имели.

Это был в существе не Кабинет министров, умеющий управлять великой страной в ответственнейший момент ее истории, а некий семинарий государственного управления.

Всем приходилось, прежде всего, учиться, потому что знали они, в сущности, только одно дело — говорить речи и критиковать чужую работу.

По политической окраске кабинет был определенно кабинетом «кадетского засилия» и не соответствовал политической обстановке, определившейся уже к моменту его образования.

Из 11 министров четыре — Милюков, Шингарев, Некрасов и Мануйлов официально состояли членами кадетской партии, а два — кн. Львов и Коновалов,

хотя и числились прогрессистами, но были к ней весьма близки, настолько, что Львов перед революцией даже состоял официально членом партии, и лишь вышел из нее по какому-то пустяковому разногласию, а Коновалов, наоборот, вступил в партию после выхода своего в отставку из министров.

Далее в кабинет входили два члена совершенно мифической партии октябристов — Гучков и Годнев и один даже правее октябристов — член так называемой партии центра, В. Н. Львов.

Обе эти партии были в свое время измышлены правительством для создания видимости правительственного большинства в Думе и никаких корней в стране не имели. Лучшее тому доказательство, что после революции эти партии ровно ничем не обнаружили своего существования.

Любопытно отметить, что «правые», В. Н. Львов и И. В. Годнев, держали себя в кабинете неизменно левее кадетов и являются виновниками многих нелепых действий первого Временного правительства.

Левые партии были представлены только одним А. Ф. Керенским, социалистом-революционером по партийной принадлежности.

Наконец, совершенно исключительный по курьезности элемент правительства являл собой новый министр финансов — М. И. Терещенко.

Абсолютно нельзя объяснить, кого он представлял в кабинете, так же как никогда после нельзя было добиться, кто его «выдумал», — все открещивались, и Родзянко, и Гучков, и Милюков[1].

Молодой человек со стажем маленького чиновника по балетной части, никому в России не известный, в финансах ровно ничего не смыслящий, он, однако, только один с Керенским умудрился удер-

[1] Когда я сказал Гессену, соредактору «Речи», что честь изобретения Терещенки приписывается П. Н. Милюкову, то он мне с живостью ответил: «Это клевета на Милюкова!»

жаться на министерском посту — сперва финансов, а затем иностранных дел — вплоть до большевистского переворота.

Его управление ведомством носило весьма своеобразный характер. За 3 месяца, что он стоял во главе Министерства финансов, он ни разу не удосужился принять доклад от директора Департамента Государственного казначейства — этого главного бухгалтера государства Российского! Из высших чинов ведомства сменился только один товарищ министра А. И. Николаенко — за смертью. Во главе Государственного банка продолжал стоять И. П. Шипов, у которого хватало лояльности самому громогласно удивляться, как это могут его (!) держать при новом правительстве.

В то время когда поддержание финансов государства являлось делом первейшей важности, мы побоялись, страха ради иудейска перед улицей, поставить во главе ведомства авторитетного банкира или экономиста-практика и предпочли взять юношу без всяких знаний и опоры в стране. Естественно, что для «укрепления» своего «завоевания революции» — министерского портфеля — он должен был начать с первого же дня раздачу государственных средств,— ведь надо же было быть приятным. И раздача началась. Закладывался фундамент будущего краха. Ни одной финансовой реформы не было проведено, ни даже намечено. В области практики финансовой Министерство финансов «не замечало» такого явления, как захват русских банков и промышленности отдельными лицами. Стахеев и К° контролирует свыше 50 предприятий и 4 банка (Русско-азиатский, Петербургский частный, Соединенный и частью Волжско-Камский), Ярошинский имеет тоже 4 банка (Русский торгово-промышленный, Русский для внешней торговли, Киевский частный и, почти, Петербургский международный) и свыше 350 миллионов «долгу» в них. Денисов — владелец Сибирского банка, Живо-

товский — Ростовского, Немировский — Воронежского и т. д. Явление — новое для России и, казалось бы, не лишенное интереса для министра финансов, но Терещенко и не подумал подвергнуть его официальному и всестороннему расследованию и изучению — как оно должно отразиться на интересах национального хозяйства. Биржа не была открыта, и этим, с одной стороны, затруднилась реализация займа Свободы, а с другой — сделалась невозможной нормальная переоценка промышленных бумаг на новый, обесцененный рубль. Теперь, благодаря этому, немцы скупят русские промышленные акции по баснословно низким ценам (и, разумеется, после этого отменят большевистскую «национализацию»). С займом Свободы запоздали на добрый месяц, не использовали весь энтузиазм первых дней революции и дождались, пока буржуазия уже успела перепугаться безудержной агитации крайних левых, а эти последние — додумались до агитации против займа Свободы.

В публике за Терещенкой закрепилась образная кличка «жениха с состоянием». Объясняется она тем, что он — молод, красив и от отца, известного на юге сахарозаводчика, унаследовал состояние в десятки миллионов.

Это был анекдотический элемент кабинета.

Но положительным его несчастьем был сам министр-председатель, кн. Г. Е. Львов. Вечно растерянный, вечно что-то забывший, ничего не предусматривающий, постоянно старающийся всем угодить, всем быть приятным, ищущий глазами, кому бы еще уступить, какой бы еще выдумать компромисс, он был как бы ходячим символом бессилия Временного правительства.

Необходимой по переживаемому моменту властности в нем не было и помину. Наоборот, он весь точно пропитан был непротивленством.

Это ему мы в значительной мере обязаны всемирно прогремевшей историей с захватом дачи Кшесинской, в которой безнадежно утонул престиж и Временного правительства да, пожалуй, и всякой власти на Руси вообще, и психологически подготовилось пришествие большевиков.

Это он всегда, на все предложения разогнать эту банду силой отвечал: «Нет, пусть они начнут! Пусть не на нас падет вина в пролитии крови!». И эта боязнь крови заставляла отказываться от всякого действия там, где, быть может, было достаточно простого брандспойта или даже одного энергичного окрика (недаром ведь большевистскую репетицию 3 июля прикончил дождь). Боялись капель крови, а ее пролилось и прольется еще целое море, потому что страна, перестав уважать власть и бояться ее, впала в анархию.

Но нельзя особенно за это винить кн. Львова и его кабинет. У них есть серьезнейшее оправдание.

Русская интеллигенция, уже десятки лет созревшая для участия в политической жизни страны, но не допускаемая правительством до нормальной, здоровой, политической борьбы, уже давно поддалась искушению перенести политический спор в область морали.

Она доказывала — и действительно доказала и своей стране, и всему миру, — что русская самодержавная власть не моральна, ибо держится она только насилием.

Трудно поэтому было русской интеллигенции, когда власть неожиданно свалилась ей в руки, сразу же начать применять принуждение — силой заставлять непокорных исполнять веления власти.

Эксперимент управления при помощи одного убеждения был для русской интеллигенции психологически неизбежен.

Но за кн. Львовым были еще и другие грехи, в которых он не имеет уже никакого оправдания.

Этого человека уже два года называли в качестве «общественного» кандидата на пост председателя Совета министров, и, однако, к моменту революции у него не оказалось даже готового списка новых губернаторов, ни даже непосредственных сотрудников.

Своим первым товарищем, фактическим управляющим Министерством внутренних дел, он взял первого подвернувшегося под руку сотрудника по Земскому союзу — Д. М. Щепкина, вечно заспанного, совершенно бесцветного юношу, пригодного разве для составления журналов заседаний по несложным вопросам, каковую роль он до того и исполнял в канцелярии Государственной думы.

Немудрено, если с таким сотрудником деятельность кн. Львова сразу приобрела анекдотический характер.

Одним из первых действий нового министра было смещение всех губернаторов и градоначальников. Но так как своего списка кандидатов не было, то был применен следующий «оптовый» прием: губернаторами и градоначальниками были назначены соответственные председатели земских управ и городские головы.

При этом было упущено из вида, что эти «выборные» по закону должности на деле в подавляющем числе случаев были замещены или прямо по назначению губернаторов, или такими «земскими» людьми, которые для губернского «начальства» были заведомо «приемлемы», т. е. попросту более или менее реакционны. В результате чиновники 1-го сорта были заменены такими же чиновниками, но только 2-го сорта.

Иногда же подобный прием управления приводил к прямому скандалу. Так, например, в Одессе был

случайно весьма приличный градоначальник — Сосновский и уже совершенно неприличный городской голова Пеликан — известный на всю Русь глава местной черной сотни, абсолютно ненавидимый населением, человек, которому за многие дела единственное место было —тюрьма.

И вот такой-то человек оказался градоначальником Одессы волею революционного Русского правительства!

Мудрено ли, что на местах поспешили поскорее отделаться от подобных агентов центральной власти и приступили повсеместно к выбору губернских «комиссаров» на место львовских горе-губернаторов.

Если к этому прибавить, что уже в первые дни революции всюду была разогнана вся наружная и секретная полиция, а создававшаяся кое-где милиция была в подчинении у местных выборных учреждений, то оказывается, что в несколько дней в России был уничтожен весь аппарат власти и Министерство внутренних дел с тех пор занималось лишь составлением, по получавшимся со всех концов телеграммам, весьма изящных картограмм аграрных и иных беспорядков в стране да посыланием ответов, что оно лишено возможности что-либо сделать и обратилось к содействию военных властей.

На Руси, в сущности, не стало никакой власти. А между тем потребность во власти сильной чувствовалась всеми и раньше, и после. Даже у Керенского она выразилась в его «страшной» риторике на Московском совещании. Но это уже была только риторика без всякой возможности реального осуществления. Слушатели слушали и невольно думали: «пужает, а не страшно».

Таким-то способом кн. Львов даже и материально подготовил будущее торжество большевиков.

Каким же действительно образом всякая власть, будь она коалиционная, или не коалиционная, и в

любой стране, могла бы сопротивляться первой же попытке насилия над ней, если у нее не имелось никакого аппарата для воздействия на непокорное меньшинство?

Между тем в России имелась еще и специальная причина, по которой требовалась бесконечно сильная власть.

Эту причину выяснил уже более 100 лет тому назад Монтескье в своем Esprit des lois. Он там выводит закон, по которому каждому пространственному размеру государства соответствует определенная форма правления и нельзя безнаказанно для формы правления менять размеры государства и, безнаказанно для размеров его,— менять форму правления. Поскольку, говорит он, государству малому приличествует форма правления республиканская, а государству размеров средних — монархия, постольку государство огромное токмо деспотией в целости удерживаться может[1].

Поэтому не только все государственно мыслящее в России, но весь народ в совокупности каким-то здоровым инстинктом всегда рвался к этой сильной власти. Я. думаю, что и успех большевиков в значительной мере объясняется тем, что в них учуяли людей, склонных создать именно сильную власть.

---

[1] Весьма популярное возражение против мысли Монтескье состоит в том, что он не предусматривал возможности еще одного решения, которое будто бы нашла Америка. Она существует при всех ее огромных размерах, не превращаясь, однако, в деспотию. Но при ближайшем рассмотрении легко убедиться, что Северо-Американские Соединенные Штаты в первый же раз, когда их страна подверглась экзамену как государство, немедленно же, инстинктом деловых людей, учуяли, в каком направлении надо начать строить свою государственную власть. Началось невероятное увеличение силы и власти президента. Я думаю, очень недалеко то время, когда в его руках будет сосредоточена такая власть, которой позавидовал бы любой Артаксеркс. Эта власть не имеет диких выражений, она умеряется общественным мнением, но это не мешает ей быть безответственной, дискреционной и централизованной в одном человеке.

А Временное правительство кн. Львова не только не утвердило твердую власть, но уничтожило даже самую возможность ее утверждения.

Поэтому-то я и считаю кн. Львова прямо человеком фатальным для русской свободы.

Русскому народу, помимо того, что Русское государство было силою сколочено из многочисленных, довольно разнородных, частей и, следовательно, только известной долей силы могло быть удерживаемо в целости, сильная власть была нужна еще и по мотивам психологическим.

Русские люди за долгие годы, когда им отказывали в праве на активное участие в устроении судеб родной страны, чрезвычайно привыкли к безответственной оппозиции, к политической воркотне и фрондерству. Свою нелюбовь к власти самодержавной они неминуемо должны были перенести и на всякую власть вообще.

Надо было предусматривать, что еще долгое время всякая власть на Руси будет носить в себе источник своей смерти в день своего рождения. Всякого человека будут переставать любить и начнут критиковать и ему сопротивляться, как только он возьмет власть в руки, и только за то, что он — власть.

С этим душенастроением русских людей (вполне, кстати сказать, уживающимся с ясным *сознанием* необходимости сильной власти) необходимо было самым настойчивым образом бороться, с одной стороны, путем энергического творчества в духе народных желаний, а с другой — путем не менее энергического подавления всяких попыток к непослушанию воле страны со стороны отдельных лиц и групп.

А кн. Львов занял позицию упорного ничегонеделания и непротивления.

Итог его деятельности, с удивительным сарказмом и остроумием, подвел популярный в Петрогра-

де юмористический журнал «Сатирикон». В «министерском» № этого журнала, где были более или менее удачно высмеяны все министры, кн. Львов изображен в виде мраморной фигуры, сидящей на троне. Подпись на монументе: «Кн. Львову за благонравие и безвредность». Пояснение к картине гласит: «Личность легендарная. Говорят, будто бы был министром внутренних дел». Будто..!

Не надо было обладать большим даром предвидения, чтобы предугадать, что из этого всего получится.

Поэтому, когда 3 марта ко мне в министерство приехал вновь назначенный министр путей сообщения Некрасов и стал меня уговаривать сотрудничать с ним в качестве его товарища, пока ему удастся — вероятно, в ближайшем же будущем — убедить Совет министров назначить его министром без портфеля, то я постарался уклониться от этой чести.

Главным моим мотивом было то, что, по моему глубокому убеждению, с *таким* председателем Временное правительство должно будет свалиться через каких-нибудь два месяца, увлекши в своем падении и кадетскую партию — единственную, на которую Россия еще могла надеяться.

Неизбежность прохождения Россией периода увлечения крайними политическими и социальными учениями вырисовывалась для меня уже тогда вполне ясно.

Поэтому, сдав через несколько дней министерство Некрасову, я закончил свое участие в правительственной деятельности.

Вспоминая теперь эти 6 дней и ночей беспрерывной работы, я думаю, что я могу ими гордиться.

Железнодорожники, увлеченные моим призывом и личным примером, работали действительно богатырями.

Невзирая на свирепствовавшие в дни революции по всей России небывалые заносы, наша сеть рабо-

тала как никогда. В Петербург, например, подавалось до 2000 вагонов, чего не бывало ни до, ни после революции.

Благодаря этому Петербург в дни борьбы не испытал голода. Теперь, когда этого не произошло, трудно даже себе представить, что бы было в обратном случае.

Миллионной железнодорожной армии сразу же была привита единственная спасительная для всего будущего России мысль, что спасение страны, спасение собственного благополучия лежит только в величайшем напряжении труда народного и ни в чем другом.

И люди с восторгом несли этот свой труд на благо своей отныне свободной родины.

И как все это потом изменилось!

Что делали в это время другие важнейшие на Руси факторы?

Совет рабочих и солдатских депутатов за эти дни успел родить свой знаменитый «Приказ № 1», с которого пошло разрушение нашей армии, падение внешнего престижа государства и исчезновение всякой внутренней безопасности, и деятельно работал над созданием своих разветвлений по всей стране. Словом, готовился к захвату власти в будущем. Пока же он определенно занял позицию печальной памяти «Звездной палаты», т. е. безответственного закулисного органа, фактически ведущего государственную политику за спиной якобы полномочного, ответственного лишь перед всем народом Кабинета.

Временное правительство... начало свою деятельность с того, что, обойдя молча этот проклятый приказ, прикрыло его своим авторитетом, вернее, сразу поставило себя в подчиненное в отношении Совета положение.

Первый шаг к разрушению русской государственности прошел без протеста со стороны новой государственной власти. Русская интеллигенция, составившая эту власть, так привыкла в царские времена только ворчать на культурно- и государственно-разрушительные действия императорского русского правительства, а не бороться с ними, так и теперь ограничилась только тем, что понегодовала на безумное, самоубийственное для России действие нового пана, но не сделала ни малейшей попытки серьезно бороться с анархическим духом приказа, даже впоследствии, руками Поливанова и Гучкова (!), постаралась придать ему quasi закономерный вид.

Политически более зрелым людям было, однако, уже тогда ясно, что этот приказ — начало конца. Я помню, как представитель французской армии на Кавказском фронте, доблестный полковник Шардиньи, с рыданием спрашивал: «Зачем это? Ведь это — конец России!»

И верно: il n'y a le premier pas qui coute.

Дальнейшее разрушение русской государственности пошло уже гладко.

И что удивительного, что Россию разделенную, растерзанную взаимным недоверием и ненавистью, немцы теперь берут голыми руками? Tu l'as voulu...

Не понимаю я также, чего обвиняют большевиков в том, что они «лишили» Россию армии. Разве большевики писали «Приказ № 1»? Разве они положили прочное основание делу уничтожения русской армии? Разве большевики смолчали перед Калушем и Тарнополем? Наоборот, большевики грабителей, насильников и мародеров, насколько слышно, расстреливают даже без суда.

Земства и города... усиленно «демократизировались», но, к сожалению, заполнялись при этом людь-

ми, весьма малопригодными для реальной работы, но зато весьма склонными к неудержимой раздаче земских и городских средств без всякого соображения с их доходным бюджетом.

Началось разрушение культурной работы десятилетий, работы, которой с полным основанием гордилась Россия и которой удивлялись иностранцы. Ненавистный царскому правительству земский «третий элемент» частью разогнан, частью разбежался сам. То, что не удавалось Плеве и Маклаковым, то с легким сердцем довольно быстро сделали преобразованные земские и городские самоуправления.

Государственная дума... утвердив, через свой Временный комитет, первый состав Совета министров, как бы почила от дел. Она не собиралась даже и в частные совещания. Часть членов ушла в министры и в товарищи министров, часть уехала на места в качестве комиссаров или по личным делам. Играть какую-либо роль она и не пыталась. Тем более что в это время была создана теория, по которой вся государственная власть в России преемственно сосредоточилась в руках Временного правительства, и Гос. дума, как таковая, даже и собираться не имеет права. На этом особенно настаивал П. Н. Милюков. Это не помешало ему впоследствии, после ухода в отставку, прийти в частное совещание этой же Думы жаловаться на немецко-советскую интригу, жертвою которой он будто бы пал. Несомненно, что только усилиям Милюкова дума обязана тем, что ею не было сделано даже малейшей попытки как-нибудь влиять на ход событий. Ведь не на заявления же В.Н. Львова, что кн. Львов получил власть из рук самодержавного царя Михаила II и перед Думой не ответственен, обращали внимание, когда Думу не созывали и не делали попыток и ее демократизировать

по тому методу, по которому демократизировались городские думы и земства, хотя бы через включение всех «неправых» членов первых трех Дум? Постепенно Дума лишалась всякого значения, всякого влияния на ход событий. Думский комитет замкнулся в узкий круг дел по распределению пожертвований, поступавших в Думу, и лишь в самое последнее время, когда события стали уже явно угрожающими, Дума стала пытаться высказывать свое мнение. Но ее бессилие, отсутствие всякой опоры в стране начало чувствоваться с первого дня. Поэтому все раздавшиеся впоследствии крики против «контрреволюционной»» Думы и требования ее разгона являлись результатом просто напуганного воображения крайних партий. Дума медленно, незаметно умирала. Агония ее началась еще в последние дни февраля, когда она не проявила мужества открыто и смело стать во главе движения, взять его в свои руки. Еще весной, к немалому негодованию моих думских коллег, я позволил себе в газетном интервью высказать, что Дума — это политический труп, который ничто уже не может гальванизировать.

Действительность, увы, оправдала мое предсказание.

Политические партии... начали всероссийскую партийную грызню, натравливание всех против каждого и каждого против всех, проповедь классовой и всякой иной ненависти.

В дни, в которые требовалась консолидация всех сил нации, когда надо было, ценой взаимной уступчивости, сгруппироваться вокруг одного знамени и порешить с первейшей и важнейшей национальной задачей — поскорее прикончить войну, чтобы затем переходить к другим задачам государственного творчества, началась исступленная пропаганда всякого

разъединения. Последующая проповедь гражданской войны была только дикарски прямолинейным выводом из посевов, сделанных в первые дни. (Еще бы, ведь во всех книжках сказано, что в культурном государстве требуется партийная борьба и существуют классовые противоречия, так разве можно хотя на день отложить их выявление и обострение?).

Слова: Россия, родина, отечество — стали почти неприличными и из употребления на митингах были совершенно изъяты. Можно было «спасать революцию», но «спасать Россию» — это было уже нечто контрреволюционное.

И Россия, коренная Россия, словно обомлела перед этим натиском всевозможных наглецов. С веками выработанной привычкой к повиновению и уступчивости перед каждым окриком, она терпеливо сносила это всенародное оплевание. Можно было безнаказанно выкинуть плакат «Да здравствует Германия», как это было сделано в Белоострове возвращающимися на родину «спасителями», но едва ли кто рискнул бы, да и смог бы безопасно пройти по Невскому с плакатами «Да здравствует Россия!», «Все для Родины», «Долой ненависть», «Да здравствует единение и любовь всех без изъятия русских людей!»

19 марта собрался в Москве первый Всероссийский съезд Союза торговли и промышленности. Состав его был весьма демократический. Это не была европеизированная петербургская буржуазия, а простые, немудрящие купцы из разных российских захолустий — почти «хозяйственные мужички», а не купцы. На их лицах отпечатывалось полнейшее недоумение перед тем, что происходит, перед этим оплеванием и отрицанием родины. И надо было видеть их неподдельный восторг, их слезы, их крики без конца, когда, после долгих и не всегда для них понятных речей, я обратился к ним с простыми словами русского человека, «осмелился» заговорить о

любви к России, о необходимости ей послужить в первую голову, а не чему-либо другому, когда я призывал их стеной стать «за родину». Если бы кто видел этих плачущих людей, обнимавших меня, хотя бы того древнего старика, что бросился целовать мне руку, тот, может быть, понял бы, сколько лжи, сколько противоречия всей русской натуре было в проповеди ненависти. Но... на любовь и самопожертвование тогда не было моды. Кошмарные тогда переживала Россия дни, и надо было, чтобы начали ее рвать по кускам, чтобы проснулись здоровые чувства, чтобы даже партийные болтуны заговорили о необходимости спасать Россию и революцию, перестали замалчивать и забывать ее, многострадальную родину-мать.

Пресса... сразу же разделилась на две части.

Одна стала систематически заподозревать каждый шаг Временного правительства, другая — так же систематически замалчивать его грехи, и неизвестно еще, что было вреднее.

Демагогия Некрасова вызывала крайнее негодование «буржуазных» журналистов весьма различных оттенков, но на вопрос, почему же это негодование не отражается на листах газет, отвечали неизменно: наш mot d'ordre[1] — поддерживать Временное правительство. Лишь много времени спустя, уже после того, когда даже Церетели резко разошелся с Некрасовым в понимании прерогатив министра и его подчиненных, появились, наконец, статьи против некрасовской демагогии и то, кажется, только в одних «Биржевых ведомостях». Замалчивали все. Не трогали даже нелепого Мануйлова, хотя в газетной среде имело большой успех mot[2] одного из журналистов:

[1] лозунг *(фр.) — примеч. ред.*
[2] острота *(фр.) — примеч. ред.*

«В моих глазах Кассо[1] оправдан, ибо он выгнал Мануйлова из Московского университета. Это, ей-богу, не было ни глупо, ни вредно для России».

Впрочем, гг. министрам газет и некогда было читать. Одни, как, например, Коновалов, работали так, что едва урывали 4—5 часов на сон, другие носились с митинга на митинг и... ухаживали. Петербург — великий сплетник, и амурные похождения некоторых из министров немало способствовали падению престижа власти. Конечно, все это частная жизнь, но «публика» любит быть очень строга к старшим и хочет, чтобы «излюбленные» люди были, как жена Цезаря. Пресса отвечала этому настроению, и долгое время не появлялось в Петербурге не только что карикатур на министров, но даже и почтительной критики. Считалось непозволительным *таких* людей затрагивать. Некоторых же, как Керенского, возвели на такой пьедестал, что не могла у него не закружиться голова.

Едва ли можно признать, что пресса, особенно буржуазная, была на высоте исторической своей задачи.

Что делал в это время царь?

Царь, к великому моему удивлению, отправился из Пскова в Ставку. Как только я получил справку о назначении в Могилев для литерного поезда «А», в котором царь путешествовал по России, я немедленно же телефонировал Гучкову, с согласия которого это, конечно, только и могло произойти, чтобы высказать ему свое недоумение и опасение, как бы царь в Ставке не вздумал организовать сопротивление. Но Гучков спокойно ответил: «Он совершенно безвреден».

---

[1] Ультрареакционный министр народного просвещения при Николае II.

И действительно, он совершенно добросовестно подчинился своей участи. Последнее его приказание было ген. Иванову, который пытался прорваться в Петербург с двумя эшелонами георгиевских кавалеров,— прекратить сопротивление и подчиниться новой власти.

Но все-таки разрешение уволенному в отставку царю свободно разъезжать по стране, направляться к войскам, среди которых могли оказаться и преданные ему,— все это не могло не казаться странным с первого взгляда.

Мотивом же согласия на это со стороны Гучкова могло быть только его величайшее — и демонстративное — презрение к ничтожной личности Николая II.

Совет рабочих и солдатских депутатов таких «тонких» чувств, разумеется, разделять не мог и стал требовать его ареста.

13-го числа марта меня вызвали сперва к Родзянко, а затем в Совет министров и предложили, совместно с тремя другими членами Гос. думы, отправиться в Могилев, арестовать там царя и доставить его в Царское.

Первым моим движением было отказаться от этой «почетной» роли. Слишком мне претило разыгрывать из себя тюремщика. Но затем, поразмыслив, я решил принять поручение. Мне представлялось, что другое лицо на моем месте (я ехал в качестве председателя), пожалуй, не воздержится от искушения проявить в чем-нибудь свою «власть» над бывшим царем, а всякая даже непочтительность по его адресу, в моем понимании, легла бы пятном не на него, а на молодую русскую свободу. Ведь всякая выходка в отношении человека, перед которым еще вчера дрожали 180 миллионов человек, слишком бы уже напоминала известную басню Крылова. А в те дни

русская революция мыслилась еще как нечто чрезвычайно красивое.

Надо было, следовательно, выяснять свои задачи и устанавливать целый ряд положений. Заседание Совета министров произвело на меня впечатление чрезвычайной бестолковщины, многоговорения и отсутствия предусмотрительности.

Этими качествами отличались, впрочем, все заседания Временного правительства. Например, серьезный (?) вопрос о закрытии Пажеского корпуса и об устройстве на его месте Садовой школы прапорщиков отнял у Совета министров 3 часа. При этом многие министры постоянно бегали к телефону справляться с мнениями и настроениями Совета рабочих и солдатских депутатов.

Понятно, что вопрос об аресте царя потребовал длительного обсуждения, тем более что и представлен он был Совету министров в совершенно сыром виде, как голая мысль.

Самый акт ареста решено было наименовать — объявлением царя «лишенным свободы». На мой вопрос, как его именовать в третьем лице и при обращении, буде таковое потребуется, решили именовать: «бывшим императором», а относительно титулования при личном обращении, поколебавшись немного между Вашим Высочеством и Вашим Величеством, остановились на последнем, однако без прибавления слова императорское.

Попутно выяснилось, что царь обращался к Временному правительству с тремя просительными пунктами: 1) об обеспечении ему безопасного проезда из Могилева до Царского, 2) об охране его во время пребывания в Царском и 3) об обеспечении его проезда на Мурман и в Англию.

Решено все три просьбы удовлетворить и вписать об этом в постановление Совета министров, коим царь объявлялся лишенным свободы.

Когда я выразил сомнение в том, чтобы по только что открытой для движения Мурманской ж. д. удалось пропустить весьма тяжелый императорский поезд, то министр путей сообщения весьма наивно ответил, что тогда придется подождать до весны. Пришлось мне ему разъяснять, что весной уже наверное не придется вообще проехать по этой дороге, ибо ее на весьма значительном протяжении не будет даже и существовать, сейчас же она держится только тем, что на ней работает дорожный мастер «мороз». Министр поспешил согласиться, что на дороге что-то неладно, и обещал послать на нее высшего чиновника ведомства для осмотра.

Попросив министра о назначении мне к вечеру экстренного поезда по Виндавской ж. д., я удалился из Совета министров.

Вопрос о приставлении к арестованному царю стражи и об отобрании у него шпаги так и остался не обсужденным, ибо я молча решил этих церемоний не проделывать.

Когда вечером я приехал на вокзал, то оказалось, что наша «секретная» миссия разоблачена, ибо нас встретила целая толпа журналистов с просьбою пустить их в поезд.

Посоветовавшись, мы решили им этого не разрешать. Однако один из них, сотрудник «Речи», оказался не менее энергичным, чем его американские коллеги, и умудрился как-то пробраться в служебное отделение.

С утра наше путешествие стало превращаться в триумфальное шествие. По линии наша поездка стала известна, нас встречали на каждой станции толпы железнодорожных служащих и населения, говорились приветственные речи, раздавались крики «ура». Я старался отвечать, хотя 6 суток без сна и с постоянными разговорами по телефону давали себя знать — я почти лишился голоса.

В Могилев мы прибыли тоже под общие крики «ура».

Сейчас же мы отправились на автомобилях в город к начальнику штаба Верховного главнокомандующего — ген. Алексееву.

Считая, что бывшему императору будет легче получить приказ об аресте из рук более ему близкого, военного человека, я просил ген. Алексеева принять на себя эту миссию, и мы отправились, после короткой беседы, обратно на вокзал.

Императорский поезд литерный «А» стоял по правую сторону промежуточной платформы. Напротив него, по другую сторону платформы, стоял императорский поезд лит. «М» — вдовствующей императрицы-матери Марии Феодоровны, только что прибывшей из Киева, чтобы проститься с сыном.

Бывший император находился у матери. На платформе сновали лица свиты. Почему-то счел нужным подойти ко мне и представиться герцог Лейхтенбергский, бывший командир эскадры миноносцев на Черном море. Затем подошел лейб-хирург проф. Федоров. Мне невольно бросилось в глаза, что у него на погонах выцарапан вензель Николая. Впоследствии оказалось, что это — только на погонах пальто. Еще бы — ведь надо было идти пить чай к бывшему хозяину. Проф. Федоров выразил желание передать мне кое-что со слов иностранных агентов при Ставке, и я его пригласил прийти в пути ко мне в вагон, который я тем временем приказал прицепить к императорскому поезду. Когда потом проф. Федоров пришел ко мне в вагон, то оказалось, что на его тужурке вензеля в целости. По приезде я повез проф. Федорова к председателю Гос. думы, чтобы он сам ему доложил сообщенные мне сведения. В Гос. думе проф. Федоров в ожидании, пока его примет председатель Гос. думы, поспешил сбегать в уборную и там выцарапал вензеля и на тужурке. Я рассказываю этот глупый эпизод как образчик того, как

ближайшие к бывшему царю лица спешили хамски-пошло от него отмежеваться. На обратном пути нас осаждали депутации от императорского конвоя, от поездной железнодорожной бригады и даже от придворных лакеев и поваров с выражениями верноподданнических чувств по отношению к революции и с просьбою передать Гос. думе собранные между собой небольшие суммы «на дело свободы». Но рекорд хамства впоследствии побила гофмаршальская часть, которая обратилась к комиссару по делам бывшего Кабинета Его Величества, члену Гос. думы И. В. Титову, с запросом, давать ли с фермы молоко детям бывшего императора. Это больным-то детям своего бывшего повелителя!

Вот уже поистине, как у Островского: «Позвольте мне для Вас какую-нибудь подлость сделать».

Конечно, Николай II слишком многое сделал, чтобы отвратить от себя сердца своих подданных, но все же ничто не оправдывает этих приближенных к нему лиц, всю жизнь пользовавшихся его милостями, в их стремлении поскорее отмежеваться от своего бывшего барина в дни постигшего его несчастья.

С действительным достоинством держал себя только обер-гофмаршал Высочайшего двора, князь Долгорукий, который, кажется, и посейчас не оставил бывшего царя.

Бывшего министра императорского двора, гр. Фредерикса, и пресловутого дворцового коменданта ген. Воейкова, знаменитого автора «Куваки» — скверной ключевой воды, которую бывший министр путей сообщения, С. В. Рухлов, чтобы иметь «руку» при дворе, всучивал насильственно русским путешественникам на всех станциях и в вагонах-ресторанах, в Ставке уже не оказалось. Они уехали еще раньше нашего приезда и были впоследствии арестованы в дороге.

Из лиц государевой свиты мы решили не брать с собою только адм. Нилова, пользовавшегося дурной

славой в народе. Когда я его потребовал к себе, то предо мной предстал, руки по швам, старик с лицом пропойцы и трясущимися руками и тихим голосом отвечал по-военному: «Слушаюсь».

Он был просто жалок, этот старик, который, однако, тоже имел на совести немало зла, принесенного России. Он тоже был членом той банды, которая десятилетиями старалась деморализовать и душить страну и в результате дала нам эту Россию без характеров, без грамотных и честных граждан, а лишь до предела озлобленных за долгие годы страданий людей.

В окне вагона императрицы виднелся ее силуэт — женщины в черном с белым платком у глаз. Видно было, что они прощались.

Бывший император выскочил из вагона императрицы на перрон и быстрым, бодрым шагом пошел наискось к своему вагону.

На лице у него совершенно не отражались трагические события, которые им переживались. Повидимому, все окружающие были больше взволнованы, чем он.

В живописном костюме собственного Его Величества конвоя в лихо заломленной набекрень папахе, с закинутой назад головой, пронесся он по перрону, на ходу козыряя небольшой, в 2—3 десятка людей, кучке, собравшейся к тому времени на перроне.

Бросился было к нему поцеловать его руку адм. Нилов, но он, не остановившись, с видимой брезгливостью вырвал свою руку.

Вслед за императором в вагон вошел ген. Алексеев. Через несколько минут он вышел обратно на перрон с постановлением Совета министров в руках, которое и вернул мне. Акт объявления бывшего императора лишенным свободы состоялся.

Попрощавшись с ген. Алексеевым, я прошел в свой вагон и приказал двигаться.

Люди на перроне — несколько дворцовых и железнодорожных служащих и 2—3 солдата — с ген. Алексеевым во главе, молча провожали нас глазами. И это молчание преследовало нас вплоть до Царского... Только завидя меня у окна заднего салона-вагона, люди молча козыряли или снимали шапки: народ точно чувствовал, что везут мертвеца.

Мы выехали из Могилева в 4 ч 45 мин вечера. Вскорости в императорской столовой был сервирован five o'clock tea. Мне передавали потом, что за разговором во время чая между прочим бывший император сказал своим собеседникам: «Да, Вы знаете? Я лишен свободы»...

Чем это хуже знаменитого «Rien!» в дневнике Людовика XVI в день взятия Бастилии?

Кончается целая эпоха, рушится целый мир, и вдруг... пикантная новость: знаете?..

Что будет написано, в конце концов, в новой главе русской истории, начавшейся в памятные мартовские дни,— еще неизвестно. Но романовская 300-летняя глава закончилась поражающе бесцветно.

Даже никакого драматического момента.

Главное действующее лицо — какой-то деревянный солдатик, на котором ничто не отражается.

Падение с головокружительной высоты, вчера — возможность снести любую голову, сегодня — «лишение свободы»; вчера — в руках рычаги не только русской, но мировой истории, сегодня — полное бессилие и ничтожество; кругом — измена самых близких людей, крушение дела всей жизни, позор и... ни один мускул на лице не дрогнет...

Ко мне в вагон пришел кн. Долгорукий с просьбой разрешить отправить в Царское Село две депеши о высылке на вокзал автомобилей и экипажей для багажа. Я пометил на депешах «Передать разрешаю. Комиссар Государственной думы А. А. Бубликов».

Начальник Риго-Орловской дороги инж. Гейнрихсен принес мне на просмотр депешу на имя бывшего императора от герцога Коннаутского. Я, не читая, приказал передать ее адресату.

Кн. Долгорукий спросил, не пожелаем ли мы обедать. Я поблагодарил и отказался. Долгорукий ушел.

Обращался еще ко мне с просьбой гр. Мордвинов — чтобы остановили поезд в Гатчине.

Торопились царские слуги поскорее с ним расстаться. После, в Царском Селе, их не оказалось уже ни одного, кроме Долгорукого. Императрица сама должна была, в роли сиделки, ухаживать за больными детьми. Ни одна из «дам света» не пожелала ей помочь.

Пришел в вагон проф. Федоров и стал рассказывать разные сплетни из придворной жизни.

Одна из них мне запомнилась, как весьма характерная для личности Николая II.

Пришло в эти дни, с нарочным, письмо к нему от императрицы из Царского. Положение его детей было очень опасное — корь в таком возрасте ведь болезнь очень серьезная. Поэтому совершенно нельзя даже понять, для чего он, нежный отец, почти две недели сидел в это время в Ставке. Вероятнее всего, по инерции — слишком он привык за последние годы прятаться туда от истерички-жены, постоянно закатывавшей ему грандиозные сцены. По Петербургу даже циркулировало шуточное стихотворение, кончавшееся после каждого куплета припевом:

«Царь же все ездил из Царского в Ставку».

Совершенно ясно, какой интерес должно было представлять для него полученное им большое письмо.

Однако когда он начал было его читать, то вдруг заметил, что уже 10 часов утра — время, полагающееся по расписанию на чаепитие. И, отложивши письмо в сторону, он до 11 часов пил чай!

Какое-то каменное сердце!

У этого заводного человека, кажется, была одна только страсть, да и та пассивная, как пассивно было и его упрямство, это — зависть.

Здесь не раз ослаблялись его задерживающие центры.

Любопытный эпизод рассказывал гр. Витте. Когда намечалась поездка царя во Францию, то, после того как все было уже согласовано с французским правительством и французские газеты разболтали все подробности церемониала приема, он «вдруг» уперся и заявил, что не поедет. Вероятнее всего, из-за каких-либо сообщений заграничной секретной полицейской агентуры. Министр иностранных дел был в отчаянии. Звонит к гр. Витте, с ужасом рассказывая о том всесветном скандале, который вызовет этот отказ от поездки, и прося помощи. Витте спокойно ему отвечает, что он к завтрему это дело уладит. И, действительно, назавтра Николай взял назад свой категорический отказ и вновь решил ехать.

Ламздорф (кажется, мне память не изменяет) пристал к Витте с просьбой объяснить, как он добился этого «чуда». Витте отвечал: «Очень просто! Я ему сказал, что если решение Его Величества не ехать непоколебимо, то придется французов, ввиду того, что дело получило слишком большую огласку, чем-нибудь утешить и кого-нибудь послать, например, наследника Михаила Александровича. Тогда он весьма быстро сообразил, что все чествования, овации и т. п. выпадут на долю Михаила, весь вспыхнул и злым тоном отрезал: «Нет, я сам поеду».

Звезда Столыпина, как-никак крупнейшего после Витте человека на министерском посту за все царствование Николая, несомненно, стала меркнуть уже задолго до его смерти и, не застигни его предательская пуля агента-охранника, он скоро уже был бы в отставке. И единственно по той причине, что он

в известных кругах, благодаря своему выдающемуся ораторскому таланту, стал пользоваться слишком большой популярностью.

Бывший министр народного просвещения, гр. Игнатьев, единственный из министров Николая пользовавшийся всеобщими симпатиями, так прямо в Думе и говорил: «Господа, хвалите меня, пожалуйста, поменьше: ведь иначе выгонят».

Поразительно мелкая душа вырисовывается из этих мелких фактов!

Вчера — самодержец Всероссийский, сегодня — полковник Николай Романов. Николай Последний, Николай Кровавый[1] (последнее название после большевистской эры едва ли за ним утвердится), он вернее всего должен был бы называться Николай Ничтожный.

Чего мы боялись? Перед чем трепетали? Чему одни молились? Что другие ненавидели?

Пустое место!

Утром мы уже были в Царском. Пока мы шли из своего вагона к Царскому павильону[2], бывший царь

---

[1] Когда, во время коронования Николая II, произошла известная Ходынская катастрофа (народ, в погоне за даровым царским угощением, устроил давку, в которой погибло несколько сот человек), то все русские ясновидцы в один голос твердили: «кровавое будет царствование». И, оказывается, были правы. Я слышал в детстве об одном еще более замечательном предсказании. Мне передавали со слов прадеда, что Александру I знаменитая ворожея, девица Ленорман, предсказала, что после него три императора взойдут на престол, того не ожидая (Николай I, Александр III и Михаил II), три умрут не своей смертью (Николай I отравился, Александра II убили революционеры...), а через 100 лет род Романовых на престоле Российском прекратится. Довольно курьезная легенда?

[2] Между Петроградом и Царским Селом устроена, вдоль Виндавской ж. д., для проезда царя, отдельная железнодорожная ветка в 16 миль длиною с отдельным вокзалом в Петрограде и в Царском. В последнем вокзал представляет собою прелестное здание в древнерусском стиле. Стоила эта ветка много миллионов, но не является уже такой «безумной» роскошью. До ее сооружения проезды царя, его родных и приближенных создавали бездну неудобств для публики, движение которой по Виндавской ж. д. весьма интенсивно.

уже успел выскочить из вагона, пробежать до автомобиля, сесть и поехать во дворец.

Больше я его не видел.

Это была его последняя поездка на «императорском» автомобиле. Теперь на них ездят члены Совета рабочих и солдатских депутатов.

Я приказал прицепить к моему вагону паровоз, и мы по «царской» ветке через час прибыли в Петербург и отправились в Гос. думу для доклада председателю об исполненном поручении.

Печальная судьба связала меня с этим человеком.

28 февраля я первый взял из его ослабевших рук государственную власть.

Ощути он тогда хотя малейший прилив энергии, и я был бы на виселице.

Ведь в Петербурге была такая неразбериха. Петербургский гарнизон уже тогда был настолько деморализован, на «верхах» так мало было толку, порядка и действительно властной мысли, что достаточно было одной дисциплинированной дивизии с фронта, чтобы восстание в корне было подавлено. Больше того, его можно было усмирить даже простым перерывом железнодорожного сообщения с Петербургом: голод через три дня заставил бы Петербург сдаться. Мне это, сидя в Министерстве путей сообщения, было особенно ясно видно.

Как в октябре могли без чьего-либо сопротивления прийти большевики, так в марте мог еще вернуться царь. И это чувствовалось всеми: недаром ведь в Таврическом дворце несколько раз начиналась паника.

А 14 марта я, фигурально выражаясь, вбивал последний гвоздь в его гроб.

В России может быть все, можно воображать себе еще многое, но невозможно одно: восстановление на троне Николая II.

Даже в корниловские дни, когда, компрометируя этого честного генерала, зашевелились в России монархисты и потихоньку начали мечтать о возможности реставрации, то и им ни одному не приходил на ум Николай II.

И честь и слава Керенскому, что он вовремя убрал его в Тобольск. Если бы в ноябрьские дня толпа с ним расправилась, то это легло бы величайшим и бессмысленнейшим позором на свободную Россию.

«Оставим мертвых хоронить своих мертвецов».

Николай II — это политический труп, который никогда не восстанет.

Ибо нет для «таких» Христа.

Не нужны «такие» народу даже в дни самого великого отчаяния.

И не понадобится России Николай, даже если немцы в союзе с русскими большевиками и анархистами скомпрометируют в глазах народов идею демократии, покажут народам наглядно, что «за царем надежнее».

Казалось бы, *теперь* можно было бы, наконец, уверовать в революцию, в то, что она совершилась.

Однако все последующее показывает, что в корне именно этой уверенности-то и не существовало.

Ибо ясно, что человек, действительно уверенный в существовании известного явления, в его прочности, не станет никогда предпринимать, для закрепления этого явления, шаги и действия, которые, будучи, быть может, весьма действительными и полезными в данный момент, в будущем неминуемо подорвут или уничтожат это самое явление.

Не станет же, например, человек, твердо убежденный в прочности своего здоровья и крепости своего сердца, принимать для подкрепления сил морфий, спермин и т. п. специи, ибо они, если и взвинтят его

энергию и работоспособность на данный короткий промежуток времени, то зато в будущем неминуемо подорвут в корне его здоровье.

Между тем что происходило в это время в России?

Началась всеобщая «защита революции», «закрепление» ее «завоеваний».

Для этого требовалось политически аморфную, можно сказать, совершенно аполитичную, безграмотную российскую публику поскорее распропагандировать и разобрать по партийным лавочкам.

Каждая партия наперебой старалась навербовать себе членов, нисколько не всматриваясь в их умственное и моральное содержание.

В это-то самое время и народились «мартовские» социалисты, как их презрительно называли «буржуи», или люди, у которых было достаточно совести, чтобы не примазываться к социализму из личных выгод. Быстро усмотрев, что в ближайшем будущем политический радикализм будет весьма ходким товаром, эти quasi-социалисты старались друг друга перещеголять крайностью своих «убеждений».

Один известный итальянский депутат-социалист, посетивший Россию после революции, уезжая, резюмировал свои русские впечатления так: «Я, конечно, как социалист, не могу не радоваться успехам социализма в России. Но вот то обстоятельство, что в России, столь слабо развитой экономически, и вдруг так много социалистов, заставляет меня сомневаться: да подлинные ли они?».

Увы, скептицизм почтенного опытного политика едва ли не был весьма и весьма обоснован.

Вполне ясно представить себе картину уклада жизни в случае торжества социалистических идей, без права собственности и т. п., и действительно всем существом своим проникнуться уверенностью, что в этом «новом мире» познаешь истинное сча-

стье,— все это, да еще при отсутствии всякой, не только что политической, а элементарной умственной подготовки, вещь абсолютно невозможная в течение нескольких дней.

Поэтому если среди рождавшихся в эти памятные дни марта сотен тысяч новых социалистов и были люди искренние, то это был простой, серый народ, который воспринял социализм не умом, а сердцем, как некую новую религию, которая должна создать счастье и правду на земле. А интеллигенты, которые в мартовские дни «заделались» социалистами, почти сплошь руководствовались соображениями карьерными. Ибо что же, прежде всего, мешало им быть социалистами до переворота?

Увы, многие из них в то время состояли в Союзе русского народа, в националистах или вообще где-нибудь пресмыкались.

Мне, например, лично (а также и находящемуся сейчас в Нью-Йорке моему помощнику по министерству в дни революции профессору Ломоносову) очень хорошо известен случай, когда человека, для «убеждения» в необходимости некоторых действий, не особенно приятных Его Величеству, приходилось ознакомливать с видом револьвера, приставленного к животу. А потом, спустя несколько дней, он оказался на очень видном посту и официозная пресса рекомендовала его как «убежденного» социалиста (не от того ли, что его «убеждали» револьвером?).

И таких была бездна среди партийных неофитов.

Не могли же партийные вожди не понимать, что подобные господа могут только проституировать любую политическую мысль и вести в будущем к моральному вырождению партию, которая имела неосторожность залучить их в свои ряды?

Если же, тем не менее, за подобными адептами своих учений люди все-таки гнались, то это может быть удовлетворительно объяснено только тем, что

они в душе своей не были твердо убеждены в прочности нежданного счастья — революции и старались это счастье закрепить, хотя бы опасной ценой подрыва всего дела в будущем.

За эту политическую слепоту все наши политические партии, особенно более крайние, заплатят еще в свое время весьма дорого. Расплатится и вся Россия.

А что она имела место — это видно не только из того, что с самых же первых дней начались разговоры об опасности контрреволюции, опасности совершенно мнимой, ибо вся Россия поголовно приняла известие о революции с величайшей радостью (люди плакали, целовались друг с другом на улицах), но особенно из тех приемов, которые применялись для партийной вербовки.

Эти приемы политического разврата раз навсегда, можно сказать гениально, были разработаны и сформулированы Мирабо во время его тайных сношений с версальским двором.

Это — всеобщий подкуп.

Раздача благ земных и особливо обещаний.

И раздача началась.

И какая!

Вот, например, первые попавшиеся под руку цифры вознаграждения, уплаченного служащим и рабочим на одной петербургской мануфактуре по месяцам (при одном и том же количестве рабочих):

в январе	1 028 000 руб.
в феврале	1 277 000 »
в марте	1 294 000 »
в апреле	3 458 000 »
в мае	3 766 000 »
в июне	4 789 000 »

Средний заработок с 67 руб. поднялся до 294 руб. в месяц. Впоследствии дело на этом, разумеется, не

остановилось и прибавки продолжались, пока, наконец, фабрика не стала.

Буквально такая же картина наблюдалась и всюду.

Трудно, конечно, говорить, что это были прибавки «на дороговизну». Дороговизну они, несомненно, значительно опережали.

Это видно из всего уклада, например, петербургской жизни. Общий темп расходов в массе, несомненно, чрезвычайно повысился. Сапог не было, сапоги были безумно дороги (уже к лету женских сапог нельзя было купить дешевле 65 руб. Теперь они, говорят, доходят до 400 руб. пара), а на улице нельзя было увидеть женщину со стоптанными каблуками. *Все* франтят, все покупают разные ненужные вещи, сласти (шоколад по 6—8 руб. за фунт, арбузы 3 руб., персики 12 руб. штука, груши 7 руб. продавались на улице еще летом, денатурат до 50 руб. бутылка), предметы роскоши и т. д.

Иногда под «требования», выдвигавшиеся по подговору партий, пытались подвести некие «научные» основания. Например, съезд железнодорожников потратил много труда на выработку экзистенцминимума. Для Петербурга, где до войны низшая оплата железнодорожного агента падала до 25 руб., этот расчет дал 285 руб.

Не говоря уже о том, откуда государству было взять деньги на такое катастрофическое увеличение вознаграждения своим агентам, но если взять и перемножить количество тех предметов, которые приняты при исчислении экзистенцминимума, как «совершенно необходимые», число железнодорожных служащих, то получается сейчас же арифметически непреложное доказательство абсурдности всего метода расчета.

Многие предметы «совершенно необходимы» для 6 миллионов железнодорожников с их семьями в количестве, превышающем общее наличие этих пред-

метов в стране, подлежащее распределению между всеми 180 миллионами населения России.

Буквально та же картина получилась и при исчислении нормы пайка для солдаток. Тем присудили на съедение большую часть скота, а масла больше, чем в России имеется.

По всей Руси несся один клич: «Подай!».

Партийные руководители, вместо того чтобы обращаться к простым русским людям, с не просвещенными знанием головами, с речью, примерно, такого содержания: «Граждане, свобода еще не синоним материального благополучия. Свобода не подачка. Свобода есть лишь то непременное условие, та атмосфера, в которой народ легче всего, скорее всего, может, своим ударным трудом, создать свое материальное благополучие. Страна наша разорена плохим управлением и войной. От того, что мы добились свободы, мы сразу разбогатеть не можем. Пуще же всего остерегайтесь предъявлять требования к казне. Казна теперь не царская, а народная. Разоривши своими непомерными требованиями казну, вы разорите все государство. Разоривши государство, вы, свободные его граждане, расплатитесь за это сами. В казне средств нет и платить она может только бумажками. А каждый вновь выпущенный рубль понижает цену всех выпущенных ранее. Бумажки — это векселя, по которым рано или поздно придется платить. Если же не заплатим, то разорится тот, кто им поверил и отдал за них свой товар. Бумажка в России собирается вся у мужика, у богачей и в банках ее нет[1]. Если разорится мужик, то разорится и вся Россия, а с нею и вы. Богачей мы обложим так, как только можно, но не ждите себе от этого большой

---

[1] На 1 декабря 1916 г. во всех 800 отделениях всех русских коммерческих банков было всего 180 млн наличных рублей в кассах. С тех пор они систематически уменьшали кассовую наличность. К моменту большевистского переворота едва ли в кассах нашлось бы и 50 млн руб.

прибыли. Богачей в России мало. Да и мало у них добра, нужного народу. Если мы у них отнимем все, чем они владеют, то от этого не прибавится у вас ни сапог, ни гвоздей, ни муки. Дороговизна, тяжесть жизни вызваны прежде всего тем, что в России не стало всех товаров. И ничем этой беде не помочь, как усиленным их производством. Поэтому, граждане, поменьше надейтесь на золотой дождь, поменьше говорите, побольше трудитесь, изо всех сил, *и сберегайте каждую копейку, не покупайте ничего такого, без чего можно обойтись.* Тогда благоденствие к вам придет, может быть, не сразу, не завтра, но зато придет уже наверно и будет прочно.

Вместо всего этого на всех бесчисленных митингах несся лишь один клич: «Товарищи, требуйте!..».

И подкуп шел вовсю.

Солдат подкупали обещанием мира (точно он от нас зависел, мало-мальски не позорный, не кабальный) и безнаказанности за непослушание начальству и закону.

Крестьян подкупали обещаниями земли. Как будто их могли сделать богатыми те 50 млн десятин помещичьей или 80 млн десятин всякой вообще не крестьянской земли, которые ныне подлежат распределению между 40 млн крестьянских «дворов», особенно если вспомнить, что помещики платили за обработку своей земли — тем же в конце концов крестьянам — больше, чем крестьяне получат валового дохода на «распределенной» помещичьей земле. Ведь многополью, всякой усовершенствованной культуре, всему тому, что повышало урожайность помещичьей земли до 90—100 пудов на десятину против 50—60 пудов на земле крестьянской, всему этому — крест?

Рабочих подкупали всего реальнее — головокружительным подъемом заработных плат.

Иногда эти платы получали прямо фантастический характер. Подростки, женщины, простые чернорабочие временами получали больше, чем квалифицированные рабочие в Америке.

В газетах сообщалось, например, что простые катали-грузчики угля, работавшие для Петербургского городского управления, вырабатывали до $78^1/_2$ руб. в день.

Лично мне известно, что на заводе противогазовых масок Центрального военно-промышленного комитета в Петербурге простые, не знающие никакой специальности бабы получали до 18 руб. в сутки. И за какую работу! Ровно вдвое менее производительную, чем до революции!

За перегрузку угля из вагонов в речные баржи или обратно требовали до 18—24 и даже 48 руб. с тонны. И платили. Потому — «требуем!».

Индустриальную буржуазию освободили от каких-либо доходов весьма быстро. Большие заводы еще держались и держатся, залезая в неоплатные долги, ибо стоимость производства сплошь и рядом превышает контрактную плату, но мелкие промышленные предприятия закрывались десятками. Уже к началу октября закрылось 204 предприятия с 50 тыс. рабочих.

Не пощадили в этом походе, разумеется, ни городов, ни государственной казны.

В городах «демократизированные» думы зачастую прибавляли больше, чем хотели сами «требующие». В Петербурге, например, сиделкам в больницах знаменитый Никитский сразу назначил 300 руб. в месяц, когда они сами мечтали о 100 руб.

Городские самоуправления уже к осени были разорены все сплошь. Надо было ожидать закрытия всех их учреждений: школ, больниц и т. п. Ремонта и очистки улиц — никакой.

Теперь финансы городов улучшены конфискацией в их пользу всех частных домов. Но едва ли надолго хватит и этого «воспособления».

Трамваи в Петербурге при 5-копеечной плате были исключительно доходным предприятием. Теперь, хотя они работают так, что публика стоит в три ряда, висит на подмостках, они стали при 15-копеечном тарифе дефицитным делом.

Но зато кондукторши получают по 300 руб. в месяц.

Та же картина во всех государственных предприятиях и учреждениях.

Товарные тарифы повысили, сперва в три, а потом даже в четыре раза, и все-таки дороги едва сводят концы с концами.

Не только цена, но и количество чиновников растут в геометрической прогрессии. Всякие комитеты родятся, как грибы после дождя[1]. Хлебные комитеты, по сообщению министра финансов, еще в июле месяце прошлого года съедали на свое содержание до 520 млн в год. Плата за хлеб производителям нигде в России не превышала 2 руб. 50 коп. за пуд, а в то же время в потребительных районах он продавался продовольственными комитетами по цене до 5 руб. за пуд. 2 руб. 50 коп. составляли «накладной» расход на перевозку и «содержание» комитетов.

Русские купцы-хлеботорговцы и во сне не видели таких заработков.

А уж их ли не корили и не позорили, как паразитов русского хлебороба!

Еврей-скупщик на юге был счастлив, если он имел от 1000-пудового вагона заработка 10 руб. Иногда же он довольствовался и тем, что на руках оставалась

[1] Кстати сказать, явление тоже не новое. Во время французской революции было буквально то же. Но там пошли еще дальше: для предоставления свободным гражданам возможности бывать в клубах, за посещение выдавалось по 40 су в день.

накладная. Авось удастся получить «претензию» с железной дороги![1]

Почта и телеграф почти перестали функционировать. Простые депеши доставляются только почтой. Даже и срочные (за тройную плату) зачастую постигает та же участь.

Но зато почтово-телеграфным чиновникам в один прием прибавлено 160 млн руб. И это их нисколько не удовлетворило. «Требования» продолжались и вновь удовлетворялись.

Уже в июле прибавки правительственным чиновникам, кроме железнодорожников, составляли 720 млн руб. в год. А сколько их было потом? Железнодорожники требовали 850 млн.

Фонтан кредитных билетов бил вовсю.

Государственное казначейство на всех парах неслось к банкротству.

Но, быть может, это, даже головокружительное, повышение заработных плат еще не слишком угрожало бы благосостоянию России, если бы параллельно не стало наблюдаться еще другое, куда более грозное явление.

Ведь повышение заработных плат и разных цен вызывает только перераспределение общего национального дохода между отдельными элементами страны, но общего благосостояния страны почти не захватывает.

Правда, при этом деньги переходят в руки классов населения, менее склонных к сбережению, а больше — к трате всего заработка на усиленное потребление. Но национальный доход, в сущности, не меняется. Ухудшается расходный бюджет и уменьшается накопление. Это — ущерб для национального

[1] Русские железные дороги обязаны доставлять грузы в не определенные в законе сроки. За запоздание в доставке они платят штраф, который в известных случаях может доходить до 100% провозной платы.

хозяйства, ухудшает его перспективы на будущее, но все же это еще терпимо.

Но, параллельно с требованиями повышения заработка, пошла куда более страшная проповедь уменьшения производительности труда, проповедь борьбы со всеми способами его интенсификации. Я имею в виду не введение 8-часового дня, хотя и таковое в военное время подвержено сомнению в своей рациональности, но страстный поход против всякой премировки труда и сдельной платы. Этот поход был положительно ужасен.

В русской рабочей среде, еще весьма не культурной, он дал чрезвычайно быстро весьма горькие плоды.

Страна страдала от недостаточного производства, а мы в это время с каким-то сладострастием понижали ее производительность.

Во многих областях промышленности уже к осени падение производства было удручающим. Например, Донецкий угольный бассейн в августе 1916 г. дал 135 млн пудов, а в том же августе 1917 г. уже всего 85 млн пудов. Так как около 40 млн пудов берут железные дороги, то приходилось разрабатывать план закрытия ряда домен, т. е. понижать производство железа, значит, подрезать в корне всю промышленность вообще.

Сейчас Донецкий бассейн едва ли дает и полсотни млн пудов в месяц. Ведь в антрацитном районе идут беспрерывные бои большевиков с казаками: где же тут думать об угле?

Недобор угля и вообще падение всякого производства, впрочем, объясняется еще и тем, что лозунг восьмичасового рабочего дня в России был понят довольно своеобразно.

Например, в Царицыне его истолковали так, что в него должен входить и 1 час на обед и 15 мин отды-

ха в каждом часе работы. Иначе говоря, получался, вместо 8-ми — $5^1/_2$-часовой рабочий день.

Все конторщики и служащие заводской «администрации» потребовали себе уже прямо 6-часового дня.

Углекопы-забойщики стали работать до 4—5 часов в день, а число выходов на работу понизили коегде до 4 в неделю.

«Чего мне стараться? С меня довольно зарабатываю. Да и водки не купишь. Так на что деньги?».

Но помимо таких, почти что анекдотических случаев, вся Россия, быстро восприяв европейский 8-часовой рабочий день, отнюдь не подумала об одновременном введении европейского количества праздников. Праздники остались русские. Отпали, правда, царские дни, но зато прибавились разные революционные праздники, да митинги, да комитеты (все всегда в рабочее время). Но и без этих добавочных прогулов число праздничных дней в России грандиозно — более 100 в год. Всякие Ильины, Николины дни, «престолы», Параскевы Пятницы, родительские субботы и т. д. А в этом году к ним отнеслись с особой бережностью: Ильин день всеми праздновался даже там, где о нем прежде забывали.

В результате удручающее понижение производительности страны.

А если к этому прибавить, что помещики озимей, конечно, не засевали, а крестьяне дрались между собою из-за помещичьей и хуторской земли, то каких еще искать причин вплотную надвинувшегося на Русь голодного мора?

Справедливость заставляет признать, что в этой проповеди всемерного уменьшения производительности, в этой спекуляции на самых низменных источниках населения, в целях набрать сторонников и сорвать аплодисменты, с представителями якобы социалистических партий весьма усердно соперни-

чали и некоторые представители партий якобы буржуазных, вплоть до лиц, занимавших министерские посты.

Очень характерна в этом отношении знаменитая речь вновь назначенного министра путей сообщения, Некрасова, в цирке Никитина в Москве, речь, сыгравшая колоссальную роль в деле разрушения нашего железнодорожного транспорта.

Вместо того чтобы рассказать своим новым подчиненным о тяжком положении железнодорожного аппарата, разъяснить им, что только их самый напряженный труд может спасти положение, министр (слушайте: — сам Министр!) заявил им, что он противник сдельных работ, говорил горячие и красивые слова о демократизации, об организации, создал какую-то теорию железных дорог для... железнодорожных служащих, которым-де Учредительное собрание отдаст дороги в автономное управление, восклицал: «Товарищи! Объединяйтесь! Товарищи, требуйте! Когда мы были студентами, мы не просили, а требовали!».

Зал гремел от аплодисментов, на г-на министра чуть не молились. Люди вышли с митинга точно пьяные от восторга.

Г-н Некрасов был одно время чуть ли не самым популярным человеком в России (пока во время первого кризиса Временного правительства не предал свою собственную партию ради сохранения за собою министерского портфеля).

А в результате?

Из 30000 русских паровозов 14000 окончательно негодны для работы, и никто не может и не собирается их починить.

К тому же и память немного изменила г-ну министру: когда *он* был студентом, он ничего не требовал — *он* тогда в 1899 г. учреждал Академическую лигу в Институте путей сообщения — первую во-

обще «академическую» организацию в России, а потом до 1901 г. был лидером правых в том же институте.

Что, впрочем, удивляться этой забывчивости г-на министра, когда со времени революции Петербург кишмя кишит всякими политическими фальшивомонетчиками. Бывший пристав Муравьев командует большевистскими войсками, черносотенный писатель Мстиславский разъясняет большевистские идеи, салонный полковник Верховский оказывается левее Керенского.

Да разве всех перечтешь?

Сколько одних охранников поразоблачили под видом самых ярых членов Советов рабочих и солдатских депутатов!

Последнее явление еще ждет своего выяснения. В нем чувствуется какая-то система. Ведь во время городских выборов в Петербурге черносотенная аристократия и все вообще люди, связанные с дворцами, как мне доподлинно известно (на то ведь и «тайные» выборы), как один человек голосовали за большевиков. В этом, конечно, есть смысл: ведь единственный шанс реставрации — излишества крайних левых, которые могут так надоесть народу, что он начнет видеть свое спасение в реакции.

Но тот факт, что партии пускали в свою среду людей явно сомнительных и прибегали к приемам агитации, опасным для всего будущего России, служит ясным доказательством того, что они не верили в прочность революции, если они не отказывались даже от таких компрометирующих союзников и, для усиления вербовки партийных членов, прибегали к явной демагогии.

И волна демагогии все больше и больше захлестывала все партии и всю страну.

Вслед за проповедью безудержных требований прибавок и понижения интенсивности труда, при-

шла поистине безумная, самоубийственная и позорная кампания против займа Свободы.

Люди, агитируя против подписки, чтобы сделать пакость «буржуазным» министрам, не вдумывались в то, какой позор они готовят русской демократии.

Ведь оказалось, что эта демократия энергичнее подписывалась на «царские» военные займы, чем на заем свободной России. Число мелких подписчиков на заем Свободы было меньше, хотя к этому времени денег в стране было уже много больше. И весь заем Свободы вынесла на своих плечах крупная буржуазия.

Но уже и по самому существу это подрывание успеха займа Свободы было со стороны демократии действием поистине самоубийственным.

Дело в том, что хотя существуют и другие, весьма серьезные способы борьбы с бумажно-денежной инфляцией, но у Временного правительства, по сложившейся конъюнктуре, было в руках только одно действительное средство. Это — заем.

Но если и это средство у него вырывали, то оставалось только продолжать и усиливать печатание кредиток.

А ведь неизбежное при этом обесценение рубля грозило не «богачам», а демократии, вернее же просто — мужику.

Богачи денег в натуре у себя не держат. Не имеют их и банки, а зарывает их у себя по сундукам и подпольям мужик. И все 25 млрд русских рублей лежат у него.

В тот день, когда русский рубль станет копейкой, разорится мужик.

И мужик уже начинает это чувствовать.

Уже с осени начали раздаваться раскаты мужичьего гнева.

Уже начались крики, что город обирает деревню.

А долго ли до того, что мужик разберется в том, кто именно в городе его обобрал?

И как бы проповедь классовой ненависти не обратилась против тех, кто ее начал.

Но об этом никто не думал.

«Задачей момента» была борьба с «министрами-капиталистами», причем в эти «капиталисты» попал и несчастный земский врач Шингарев, столь постыдно убитый. За что? За безграничную, горячую и бескорыстную любовь к России?

Что же в это бурное и неумное время делало Временное правительство?

Оно с каждым днем становилось все более одиноким, все более бессильным, пока, наконец, и не пало под напором, может быть, и кучки людей, но зато лишенных тех органических пороков, которыми страдало Временное правительство.

Некоторые из этих пороков я уже отмечал.

Во-первых, партийный состав Временного правительства не соответствовал, если не реальному соотношению партийных сил в стране, то, во всяком случае, шумливости и энергии партийных руководителей. Кадетов и правых в стране, несомненно, не было столько, сколько их было в Кабинете.

От этого бьющего в глаза недостатка Временное правительство избавилось более или менее удачно через 2 месяца после своего рождения, при образовании т. н. коалиционного министерства. Но пока оно сдалось перед очевидностью, происходила борьба, и в этой борьбе дискредитировался не только самый состав правительства, а и самая идея власти.

Вторым, еще более серьезным пороком Временного правительства всех трех составов было отсутствие в нем людей с характером, с определенной волей к власти.

Были в нем люди, истерически влюбленные в свободу, как Керенский, способные иногда разжигаться и разжигать людей, но все — на минуту, как фейерверк, выдающиеся митинговые ораторы, но никакие государственные деятели в истинном смысле этого слова.

Были люди, по образному определению Ф.И. Родичева, способные идеально разъяснить, как надо было поступить... год тому назад, профессора (Vaterland, du bist verloren!..), абсолютно не находчивые, не чуткие к биению политического пульса, как П.Н.Милюков.

Были ловкие интриганы, смотревшие на власть не как на служение народу, на создание всего его будущего, а как на способ личного выдвижения, вроде Н. В. Некрасова.

Были люди, действительно искренно преданные родине, но зато неврастенически безвольные, как А.И. Коновалов.

Были полные ничтожества, как Никитин, кн. Львов, Мануйлов, Прокопович, этот, как его прозвали, «учитель чистописания», по какой-то гримасе судьбы посидевший даже на двух министерских креслах, и многие другие.

Промелькнул, но быстро исчез, явно чувствуя себя в неподходящей компании, куда более крупный человек, как Церетели.

Даже человек с волей, как А. И. Гучков, явно поддался общей тенденции, очевидно, впрочем, потому, что не чувствовал за собой никаких корней в стране. Его партия рассыпалась бесследно.

При таком состоянии воли кабинета, при его непротивленстве, его падение могло быть только вопросом времени. Не пришли бы большевики, нашлась бы другая компания людей с темпераментом и вырвала бы власть из рук Временного правительства не хуже, чем революция вырвала власть из рук царя.

В их падении — и царя, и Керенского — чрезвычайно много общего. Оба пали немного по методу, изложенному в знаменитой «Вампуке».

Один поет:

«Я вас завоевал».

Другой отвечает:

«Благодарю, не ожидал» и... сдается.

Сопротивление Керенского в июле и в октябре немногим превышает сопротивление царя в феврале.

Еще в октябре была хотя пальба со стороны юнкеров и этих несчастных мучениц женского батальона — этого вечного укора необузданной русской свободе.

А в июле вся репетиция большевистского восстания была закончена почти без всякого участия правительственной власти — ливнем.

Пошел проливной дождь, народ разбежался по домам. А назавтра никто уже не желал признаваться, что он — большевик: выспались и струсили.

У Керенского сходство с Николаем II шло еще далее.

Те же капризы, совершенно необъяснимые фантазии, склонность «род недуга» к окружению себя ничтожествами, упрямство и рядом крайняя нерешительность, чуть ли не те же «бессмысленные мечтания» по адресу политических противников на Московском совещании[1].

---

[1] Кстати, об том пресловутом совещании. Оно совершенно не заслуживало того шума, который вокруг него был поднят. Нечто в высокой степени бесполезное. Мысль о нем родилась у московских деятелей П.П.Рябушинского и кн. Е. Трубецкого. Они задумали созвать на частное собеседование наиболее авторитетных в России общественных деятелей. Мысль о таком съезде было поручено провентилировать в Петербурге члену Гос думы Н. Н. Львову. Тот сообщил об этом своему софракционеру, Государственному контролеру, И. В. Годневу, а последний принес в Совет министров. Керенский за эту мысль ухватился: «Я им не дам это сделать. Я сам соберу совещание». И совещание состоялось. Зачем? Для чего? С какой программой? По каким вопросам? Этого никто не знал. Даже гг. министры речей не заготовили. Керенский в значительной мере воспользовался мыслями Авксентьева. Поэтому этот пре-

Словом, недаром, желая уязвить Керенского, на том же совещании П. П. Рябушинский заговорил об «ужимках самодержавия», а публика потихоньку скулила: Александр IV.

Но основная причина падения Временного правительства лежала не в этом безволии его членов.

Оно пало бы, даже если бы в его среде было больше таких темпераментных, сильных и смелых людей, как Борис Савинков.

Оно пало из-за своей идейной бесцветности.

В чем была его программа?

словутый русский Жорес буквально плел на совещании нечто нечленораздельное. Немногим выше были, в большинстве, и другие, например, Милюков не поднялся выше полемики с Церетели. Говорили без конца. Говорили 36 часов. Но зачем и для чего, никто не понимал. Общее воодушевление охватило весь зал только в тот момент, когда я, по окончании своей речи, протянул от лица промышленной буржуазии руку Церетели. Этим зал как бы сказал, что он видит выход из положения в коалиции пролетариата с деловыми элементами образованного слоя России. Но мое личное впечатление было таково, что зал, утомленный бесконечным говорением, просто инстинктивно искал случая, чему бы обрадоваться, чем бы подвести итог своей четырехдневной работе, как бы избегнуть признания банкротства совещания. Надо признать, что скептицизм по отношению к такому воодушевившему зал решению высказал только один человек -— большевик (единственный в зале) Рязанов, который довольно кстати вспомнил про исторический Baiser Lamourette. Но Керенский не проявил никакой энергии и поспешности в осуществлении этого предуказания совещания.

Переформирование Кабинета не успело осуществиться, как началась история генерала Корнилова. Этот несчастный генерал пал действительно жертвою колебания Керенского и интриги Некрасова. Корниловские войска настолько были уверены, что Керенский их ждет, что, идя якобы на Петербург, не перерывали телеграфного сообщения с Петербургом, и там были по аппарату известны все разговоры начальственных лиц между собою. Не пытался Корнилов и занимать Бологое, что одно заставило бы Петербург сдаться из-за голода. Все это показывает, что Корнилов, каковы бы ни были его намерения, действительно пал жертвой провокации со стороны Петербурга.

Скрыть это не удалось. Пойдя против Корнилова, революционные партии не простили этого Керенскому. Началась его агония. Никакая коалиция его уже спасти не могла (недаром и Некрасов поспешил покинуть министерское кресло). Но его уверенность в прочности положения была удивительна. Еще чуть ли не 25 октября Терещенко в циркулярном сообщении русским послам писал: Правительство сильно, как никогда...

Она формулировалась в коротких словах: «Довести страну до Учредительного собрания, продолжая войну».

Что это?

Разве этим можно зажечь сердца, повести за собою людей? Разве можно предлагать народу отсрочку решения всех волнующих его вопросов до неведомого будущего, когда он всем существом своим требует от своей власти:

Действия,

Немедленного действия,

Немедленного устроения всех нужд, выполнения всех его многолетних мечтаний, выставления перед Россией таких задач, от которых гордостью забилось бы ее сердце, загорелись бы глаза и радостно было бы каждому всего себя за нее отдать.

А вместо всего этого, «впредь до решения Учредительного собрания, созываемого на основе всеобщего, тайного, равного и прямого голосования по правилам, имеющим быть выработанным Особым совещанием по созыву Учредительного собрания, вопрос сей разрешен быть не может».

Чем это лучше, чем прежнее:

«Вследствие ходатайства от такого-то числа, по распоряжению Его Высокопревосходительства господина министра, сим объявляется просителю, что разрешение возбужденного им вопроса признается несвоевременным».

Пусть бы Временное правительство только объявило, что «вся земля народу», но как ее распределить — решит Учредительное собрание, пока же — правительство берет ее во временное владение государства. Помещики (или их управляющие и арендаторы) объявляются правительственными чиновниками, управляющими казенными имениями. Доходы с имений поступают в депозиты Государственного казначейства и расходуются земле-

владельцами по указанию государственной власти. Она же определяет вознаграждение помещикам за их труды и за капиталы, вкладываемые ими в эксплуатацию земли...

И разве мыслимы были бы аграрные беспорядки? Разве возможно было бы, чтобы озими остались незасеянными, как это случилось в 1917 г.? Разве родились бы, в виде компромисса (?), эти злосчастные Земельные комитеты, одно содержание которых съест стоимость всей помещичьей земли и которым до проведения земельного закона ровно нечего делать, разве что заниматься пресловутым «правотворчеством снизу», т. е. попросту беззаконным захватом земли — предрешением общей воли народа.

Пусть бы правительство потребовало от частных банков слияния в один или несколько сильных банков и подчинило их действительному контролю государственной власти, хотя бы на тех же основаниях, как контролируются у нас частные дороги...

И разве мыслима была бы полная остановка в России учреждения новых предприятий, усиления старых, полный паралич аппарата скопления капитала и направления его на творческие цели, как это произошло теперь?

Пусть бы правительство объявило, что оно не знает никаких «царских» договоров, что оно просит союзников немедленно в Петербург, чтобы его народ наглядно видел, что с его свободным голосом считаются больше, чем с голосом царя, что он, если и будет воевать дальше, то только по своему свободному решению...

И разве имела бы шансы на успех большевистская агитация на фронте, которая сводилась к простой мысли: «У правительства своей национальной политики нет, оно переняло ее по наследству от царя. Так давайте мы сами здесь творить ее кустарным способом».

Да разве все перечтешь? Ведь многое из того, что потом сделали большевики, могло и должно было сделать Временное правительство.

Вообще это отсутствие собственного творчества и подчинение лишь после долгой упорной борьбы творчеству низов, иногда очень неудачному, было основной чертой — и губительной чертой — Временного правительства.

Оно не разобралось в основной причине падения Николая II.

Ведь не потому же он пал, что он самодурствовал, назначал невозможных министров, был реакционером, наконец, не потому, что у него при дворе царил разврат и всякая распутинщина.

Ведь была у нас реакция похуже николаевской. Были Сухозанеты, которые на официальных бумагах писали: «сумлеваюсь штоп». Николай I дерзал цензуровать Пушкина. Издевался не над какими-нибудь газетными писаками, а над национальным гением! Разврат Екатерины был легендарный. В награду за удовольствие она давала своим любовникам живые человеческие души. Петр I без стеснения ломал весь уклад русской жизни, не считался с тысячелетними верованиями и обычаями народа и буквально плевал в его душу.

И все-таки никто не помышлял свергать этих монархов. Пред многими из них благоговели, искренне именовали их великими, отцами отечества, многих любили и уважали.

Почему?

Да потому, что они умели олицетворять собой Россию, были подлинными ее вождями, инстинктивно улавливали ее национальные задачи, понимали ее грандиозный масштаб, находили в трагические моменты ее истории слова, которые шли к ее сердцу, поднимали ее дух.

Александр I сказал: «Скорее отпущу бороду и уйду в Сибирь, а позорного мира не подпишу», и вся Россия стеной стала за ним.

Александр II двумя-тремя словами сумел заставить страну без тени потрясения принять одну из величайших реформ, какие знает история,— освобождение крестьян с землей.

Национальной задачи достижения естественных границ, поставленной Петром Великим, хватило на два столетия.

Даже Александр III со своей грузной фигурой умел еще представлять собой Россию. Когда он поднимал бокал «за единственного друга России — князя Николая Черногорского», то вся Россия с гордостью осматривалась: «Вот какие мы сильные! Нас удовлетворяют даже такие пигмеи-союзники, в более сильных не нуждаемся».

Про Екатерину II, когда она громила врагов на всех пределах государства и удивляла мир либеральностью своих идей, так и думали: «ни одна страна не имеет такой государыни».

И тысячи людей с радостью положили бы за нее голову.

А кто умер за Николая II?

Почему?

Потому что он всего этого не понимал, не мог, не смел.

Потому что его власть была только насильственной, но не сильной.

Потому что у него не было нужных слов.

Потому что поражением своих армий он оскорблял национальную гордость.

Потому что он на Россию заставил весь мир смотреть сверху вниз.

Потому что он был мелок, не по России.

И вот этого Временное правительство не поняло.

А большевики поняли.

Они нашли нужные слова:

«Мы несем вам хлеб, мир и землю».

И все это сейчас.

«Мир хижинам, война — дворцам».

«Долой источник всего зла — капитализм».

«Мы научим весь мир, как устраивать счастье народных масс!»

Есть от чего духу заняться!

Есть чем воодушевиться массам!

Это действительно знамя, за которым побежит народ.

Пускай все это — мираж. Но ведь — «тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман».

К тому же большевики хорошо себе уяснили и другую крупную ошибку Временного правительства. Вероятно, тут сыграли свою роль американские впечатления. Ведь Смольный институт полон эмигрантов из Америки... Они поняли, что править без принуждения и без аппарата для принуждения, т. е. государственной полиции, нельзя. Поэтому они и начали свое губительное для России дело с формирования полиции.

Они могут десять раз называть свою Красную гвардию красной, но от этого она не перестанет быть самой типичной государственной полицией.

Что из того, что она служит идеям социалистическим, а не абсолютистским и не защиты частной собственности?

Ведь от этого она не перестает быть орудием для подчинения воле правительства всех не покоряющихся ему добровольно, т. е. именно тем, что называется во всем мире полицией.

Вслед за полицией пришел и весь остальной аппарат государственного принуждения — цензура, тюрьма, ссылка, лишение граждан свободы передвижения, затыкание глотки несогласным, битье их

по карманам, вплоть до вечной ultima ratio государственности — до угрозы ослушникам смертью.

Всем этим аппаратом держалось самодержавие, держится им или, вернее, угрозою его применения всякая государственная власть вообще.

Так почему бы он изменил большевикам?

Чтобы захватить власть и удерживать ее, большевики с внешней стороны хорошо, умно обставили себя.

Гораздо лучше, чем, печальной памяти, Временное правительство.

И если их провал все-таки неизбежен, то это обусловливается не недостатком умения и желания властвовать над массами, а безжизненностью самой сущности их идеи.

Тем, что они — социалисты, и притом смелые и последовательные.

Что мир идет к социализму — это ясно.

Спорить с этим было бы неумно.

Слишком много грехов накопилось за капиталистическим строем, слишком много было страданий масс, слишком оскорбляет он чувство справедливости, чтобы человечество не чаяло в крушении капитализма пути к своему счастью.

Но бесспорно также и то, что для успеха попытки социалистического переворота требуются некоторые предварительные условия и сложная подготовка.

Бисмарк как-то выразился, что он хотел бы, чтобы в мире была отведена страна — которой не жалко — для производства социалистического эксперимента в полном масштабе. Такой ужас постигнет ту страну, такие она перенесет испытания, что человечество после этого надолго будет излечено от всяких увлечений социализмом.

Большевики начали свой опыт социалистической революции в России при таких условиях, которые не только не дают шансов на успех, но, можно ска-

зать, гарантируют лепший посмертный триумф гению Бисмарка.

Ведь в чем основа страданий России?

Только в колоссальном недопроизводстве.

Между тем социалистическая мысль, если и поработала много в сфере вопросов распределения благ, то область вопросов созидания благ, вопросов развития производства ей была почти чужда или, во всяком случае, она не разработала их с тою же обстоятельностью.

Это в германских и вообще в европейских условиях понятно. Там, к моменту, когда можно стало говорить о практическом воплощении социалистических идей, капитализм успел уже слишком многое создать. Социализму было над чем оперировать. Практической задачей ближайшего будущего было отыскание способов наилучшего использования существующего. Вопросы промышленного творчества, создания новых производств при социалистическом строе — все это забота более отдаленного времени.

Для России же это все.

Какая может быть речь о созидании ее благополучия и счастья на основе перераспределения благ, когда во всю русскую промышленность и торговлю вложено, в акционерной форме, едва 5 миллиардов, все русские банки вместе взятые имеют лишь немножко более 1 миллиарда основных капиталов, когда русская железнодорожная сеть стоит менее 9 миллиардов рублей, когда, наконец, все русское национальное богатство расценивается в сумме не свыше 120 миллиардов рублей?

Как ни распределять, но когда на душу приходится всего 650 руб., то нищета неустранима, хотя бы даже «упразднить» все 60 миллиардов накопленного нами к 1 января 1917 г. государственного долга. В лучшем случае можно преуспеть в том, чтобы сде-

лать нищими богатых, но обогатить распределением массы — невозможно.

Против таких мечтаний — арифметика.

Надо сперва сотворить блага и потом уже думать об их лучшем распределении. Всякая же попытка приступить к этому распределению не во благовремении приводит лишь к вящей нищете масс.

Повторяю, спор идет не о существе дела, а о времени приступа к нему.

Позволю себе пояснить мою мысль примером, как мне кажется, довольно ярким.

Едва ли может кто спорить, что одним из самых заманчивых объектов для огосударствления являются во всем мире железные дороги. Слишком много задевают они подлинно государственных интересов, слишком велика их роль в национальном хозяйстве, чтобы не являлось мысли об освобождении железнодорожного аппарата от воздействия соображений частновладельческого интереса и выгоды.

Поэтому даже классические страны индивидуализма, и те приходят постепенно к мысли о необходимости сперва правительственного контроля над деятельностью железнодорожных обществ, а затем и прямого выкупа в казну.

Но посмотрите, когда к этому вопросу регулировки (с неизбежным, практически, выкупом в перспективе) подошли страны практические, не зараженные никаким видом социалистических увлечений.

Америка в 1918 г. взяла дороги в правительственное распоряжение тогда, когда частная инициатива уже снабдила страну более чем 250 тыс. миль одиночного пути.

Россия, у которой даже правительство давно болело особого рола полицейским социализмом, начала выкуп в казну и всестороннее государственное регулирование железнодорожного дела с начала 80-х

годов, когда у нее не было и десятой доли этого количества верст.

В Америке правительственное управление даст, несомненно, богатейшие результаты. Избавленные от ненужной конкуренции, американские железные дороги прежде всего перестанут производить весьма много расходов, совершенно бесполезных для национального хозяйства. Главное же, планомерное использование всех дорог, как единого целого механизма, даст стране возможность без каких-либо затрат усилить их мощность, т. е. при том же почти техническом обустройстве пропускать большее количество поездов, чем это могли делать отдельные общества, враждовавшие между собою и не умевшие действовать согласованно.

Политика железных дорог будет подчинена видам государственным, а наличная уже громадная сеть даст полную возможность эти виды осуществить.

Не то совершенно получилось в России.

Оказавшись одновременно и руководителем государственной политики железных дорог, и *хозяином* этих дорог, русское правительство не сумело противостоять соблазну проникнуться всецело чисто «хозяйской» психологией.

Прежде всего тарифы стали строиться не по соображениям содействия развитию народного хозяйства, а всецело в целях фискальных. Каждый кризис неизменно вызывал попытку превращать эти тарифы в налоговый пресс, хотя против этого категорически вопиет вся теория железнодорожных тарифов.

Главное же, как добрый хозяин, русская казна с невероятным озлоблением смотрела на всякую попытку сделать ей «конкуренцию» постройкой каждой новой дороги, пускай чрезвычайно важной для государства, но имеющей несчастье «отвлекать» доходы от казенной сети.

В результате развитие русской железнодорожной сети стало систематически отставать от общего хозяйственного развития страны, тормозить его... Больше того, как показал печальный опыт войны, неразвитая русская сеть помешала России даже в осуществлении основной государственной функции — в защите от врага.

Великое зло, причиненное России задержкой строительства, вызванной неблаговременным огосударствлением дорог, не идет ни в какое сравнение со всей пользой, принесенной этим огосударствлением.

Еще в 1908 г. я выдвинул проект т. н. Домбровско-Донецкой ж. д. — Гришино—Фастов—Ровно—Кельцы и, могу сказать, блистательно неопровержимо доказал всю важность этой дороги с экономической и — что особенно важно — с военной точки зрения, на случай кампании против Австрии.

Однако одного соображения, что эта дорога отвлекает грузы от прилегающих казенных дорог, оказалось достаточно, чтобы ее похоронить.

Совершилось государственное преступление, из-за которого погибли сотни тысяч лишних жизней на Юго-Западном фронте.

Насколько неоспоримы были мои доказательства неотложной необходимости этой дороги, видно из того, что к ее сооружению приступили, невзирая на все трудности военного времени, в 1916 г.!

Необходимость линии Казань—Екатеринбург была выяснена еще в 1909 г. В 1910—1911 гг. я произвел ее изыскания. Но разрешение ее постройки из-за спора о том, кому строить, казне или частному обществу, а если частному обществу, то какому, затянули до 1918 г. И дорога не открыта по сей день, хотя и обошлась благодаря войне ровно вдвое дороже.

На срочности постройки линии Петроград—Рыбинск—Красноуфимск—Омск я настаивал еще в начале 1915 г., но к постройке ее головного участка от Петрограда до Рыбинска приступили только зи-

мой 1916—1917 г., ибо не хотели давать ее частному обществу, бравшемуся, на американские средства, выстроить ее в 2 года.

Но благодаря отсутствию этих двух дорог в Сибири — бездна хлеба, а в Петербурге уже давно выдают по $^{1}/_{4}$ фунта на человека в день.

Линия Москва—Донецкий бассейн также упорно не разрешалась к постройке, а в результате — весь Север России оставался без должного снабжения донецким углем.

И ведь неизбежность войны с Германией была ясна, и прекращение при этом доставки английского угля в Петроград не было секретом, а все-таки боязнь конкуренции была сильнее и дорогу не разрешили.

Продолжать эти примеры можно до бесконечности, и не счесть того зла, которое принесло России огосударствление ее сети.

Но та же картина и в других странах. И в Австрии, и в Италии строительство немедленно же замирало, как только начинали выкупать дороги в казну. Не подлежит сомнению, что и в Америке пострадают те штаты, в которых сеть не успела стать достаточно густой к моменту государственного вмешательства в железнодорожное дело.

Но, конечно, благодаря тому, что в Америке сеть уже достаточно, вообще говоря, развита, польза огосударствления, в противоположность России, превысит все его невыгоды.

Но то своеобразное огосударствление, которое произведено Некрасовым и большевиками, уже окончательно зарежет Россию.

Ведь России без новых дорог не жить. А кто же их будет строить? Государство, лишенное средств и кредита, или частные капиталисты, ободренные большевистским опытом конфискации дорог у частных обществ?

Во всех других областях народного хозяйства, в которых индивидуальность хозяина играет бóльшую роль, чем в железнодорожном деле, последствия огосударствления будут еще ужаснее.

Несомненно, что всякое созидание нового национального богатства, всякое творчество приостановится.

Между тем чем скорее желаем мы получить исцеление недугов, постигших русские народные массы, тем энергичнее должно идти это творчество.

При социалистическом же строе нет решительно никаких шансов ожидать, что это созидание новых благ, т. е. промышленное творчество, усиление производства, интенсификация труда, пойдет сколько-нибудь энергично.

Ведь для человеческой деятельности есть только три стимула:

1. любознательность,
2. стремление к славе и
3. стремление к комфорту.

Первые два стимула доступны только отдельным людям, более развитым интеллектуально.

Третий присущ почти всем.

Он, в сущности, двигает миром. Социализм, если не извлекает из человечества этот стимул вовсе, то во всяком случае ослабляет его до чрезвычайности, исключая возможность личного обогащения, делая всех равными участниками благ земных, независимо от степени продуктивности труда, и устраняя возможность и нужность накопления.

Что же будет заставлять человечество усиленно трудиться, усиленно производить?

Пройдет немало времени, много надо будет поработать над человеческой душой, переломить ее, чтобы заставить человека во имя общего блага работать так же, как он сейчас, в условиях капиталистического строя, работает ради личного обогащения, под-

стегиваемый великим возбудителем человеческой деятельности — голодом.

И во сто крат этот эксперимент ослабления стимулов к творчеству опасен в тот момент жизни государства, когда все его спасение лежит в том, чтоб начать трудиться изо всех сил, ибо и вся беда-то пришла от того, что страна 4 года не производила.

Не может быть спора о том, что в отдельных случаях — да они и бывали — увлекательный оратор убедит, например, рабочих фабрики усилить производительность ввиду крайней необходимости данного продукта для всего народа. Но этот взрыв энергии будет очень кратковременным, и скоро станет пред людьми навязчивый вопрос: «А нам-то что от этого?».

Совершенно то же было и на фронте. Увлекательная речь Керенского — вещь хорошая, но когда нет вдобавок дисциплины, то впечатление этой речи испарится весьма быстро и армия перестанет исполнять свою воинскую работу.

А голод хорошо поддерживал дисциплину труда.

Чем же социализм думает заменить эту великую силу?

Недолгий опыт России уже начинает показывать нам воочию, что даже приближение к идеалу социалистического строя уже дает фатальный эффект понижения производительности и, следовательно, подрыв самой основы возможного благополучия народа.

Я этим не хочу сказать, чтобы Россия не должна была пройти через эксперимент социализма и даже вообще могла не пройти через него.

Наоборот, он был почти неизбежен. Когда свалилась на Россию небывалая беда, когда она изнемогла под бременем войны[1], когда народ сознал размеры

---

[1] Меня всегда очень поражает, когда я слышу сетования союзников на то, что Россия вышла из войны. Я всегда недоумеваю, почему эти люди негодуют и удивляются. Ведь это явление было неминуемо, как фатум, когда союзники войну затянули. Раз они объявили войну «на истощение», то понятно, что первою должна была истощиться та страна,

своего несчастья, то он инстинктом понял, что из такого исключительного положения его могут вывести меры только также исключительные, размаха и масштаба невиданного.

Пред ним лежало тогда два пути.

Один, на который звал ее я,— и почти один я, потому что все другие защитники этой идеи попрятались, сознавая ясно безнадежность своей точки зрения в данных условиях психики народной,— это путь, уже испытанный народами, хотя и в меньшем масштабе, — путь титанического развития промышленного творчества, феерического развития капитализма в стиле северо-американском.

Второй путь, хотя и не проверенный ничьим опытом, но зато (быть может, даже как раз из-за этого) повитый дымкой поэзии, был — социализм.

Россия не могла не избрать второй путь.

Он несравненно больше соответствовал всей ее психике.

Основная черта русской души — это стремление к справедливости.

Поэтому вопросы распределения искони интересовали русских мыслящих людей гораздо больше, чем вопросы производства.

которая всех слабее экономически. Это и должно, и можно было предвидеть. Что это так, это всего лучше видно из того, что немцы-то это отлично предвидели. Там еще три года тому назад была произнесена фраза, что в той цепи, которая охватывает и душит Германию, Россия будет первым звеном, которое порвется.

Но если истощение России и результирующий отсюда выход России из войны были совершенно неизбежны, то союзникам оставалось одно из двух: либо ждать терпеливо, когда истощение придет, либо бороться с самой возможностью истощения — т. е. помогать России изо всех сил, чтобы выровнять союзнический экономический фронт так же, как стараются в бою выровнять фронт стратегический.

Союзники не сделали второго и сердятся, когда произошло первое. В моменты мировых конфликтов мораль, конечно, вещь хорошая, но предусмотрительность тоже полезна. Кто же ее не умеет или не хочет вовремя проявить, тот за это платится.

Русская интеллигенция сплошь была поэтому заражена «сентиментальным» социализмом, ибо видела в социализме удовлетворение своей жажды справедливости.

Отсюда и эта столь поражающая иностранцев, подавляющая победа социалистических партий в России.

Русский социализм не есть нечто вытекающее из классового самосознания.

Это своего рода религия, в которой интеллигенция — священнослужители.

Идеологи индустриализма, защитники буржуазных идей насчитываются в России единицами.

Недаром ведь и первые шаги к социалистическому перевороту — учреждение Земельных комитетов, установление хлебной монополии и введение фантастического обложения промышленности[1] — все сделаны интеллигентом — кадетом А. И. Шингаревым, который открестился бы от названия социалиста.

Вполне понятно, что начатый в такой объективно экономической и психологической обстановке каждый социалистический эксперимент неминуемо заводил авторов его в тот или иной жизненный или идейный тупик.

[1] По закону Шингарева три основных налога с промышленно-торговых предприятий — подоходный (до 30%), временный подоходный (тоже до 30%) и на военную прибыль (до 30%) — могут достигать в сумме 90% от «податной» прибыли. Последняя же значительно отличается от действительной, коммерческой прибыли. Для получения податной прибыли из коммерческой к податной прибавляются: все излишки вознаграждения лиц высшей администрации сверх 3% на основной капитал в сумме и сверх 10 000 рублей на отдельное лицо, все отчисления на погашение имущества сверх 5 и 10% (соответственно для недвижимого и движимого), все благотворительные отчисления и даже расходы на культурные нужды рабочих, например, на постройку церквей. При таких условиях 90% податной прибыли легко могут превысить все 100% прибыли человечески понимаемой. Прибавьте сюда налоги земские и городские, и вы увидите, что по закону Шингарева получение прибыли есть вещь иногда очень рискованная. Закон так нелеп, что он даже и не вошел в жизнь. Заменивший Шингарева Бернацкий «отсрочил» на 1918 г. «временный подоходный налог». По русским нравам это всегда значило похоронить.

Особенно ярко мне это представилось после разговора с одним думским социалистом еще в самом начале русской революции, когда еще только начинали появляться требования прибавок и увеличений заработной платы.

Я его спросил: «Как же вы думаете удержать эти платы после войны, когда откроются границы? Ведь они совершенно не соответствуют мировой конъюнктуре? Речь идет не о промышленниках,— они ко всему приспособятся, а о ценах товаров, о потребителе. Ведь русские товары будут так дороги, что им заграничной конкуренции не выдержать и русская промышленность станет?».

На это мой собеседник ответил победительным тоном: «Ну, мы иностранных товаров не пустим. Мы введем такие таможенные пошлины, какие вам, промышленникам, и во сне не снились».

Наивный малый и не представлял себе, каким позором ложатся и на него, и на весь русский «социализм» такие слова.

Те самые социалисты, которые с пеной у рта обвиняли русскую промышленность в том, что она паразитирует за счет русского народа, пользуясь русскими покровительственными пошлинами, теперь, когда власть в их руках, собираются так поднимать эти пошлины, чтобы создалась возможность паразитировать не нескольким тысячам русских промышленников, а целым миллионам рабочих.

За чей счет?

Не за счет ли мужика, раз что «буржуя» дочиста раздели?

И как такие, с позволения сказать, социалисты представляют себе состав русского парламента, чтобы он пошел на такие мероприятия, явно вредные подавляющему числу населения?

Не вырисовывалась ли уже и тогда пресловутая «диктатура» пролетариата, т. е. попытка создания

нового привилегированного класса, отличающегося от старого только меньшей конфузливостью и бóльшим числом?

Думали ли эти люди о том, что, если при большем благосостоянии до войны, русскому мужику было тяжко содержать на своих плечах полсотни тысяч помещиков, то ему будет непосильно содержать теперь, в разоренной стране, несколько миллионов городских рабочих?

И что он захочет это делать?

Такой же точно тупик, из которого нет приличного выхода, получается при всех других экспериментах.

Конфисковали в городах дома. Выгоняют «буржуев» из их квартир. Но надолго ли хватит этого запаса крытых помещений, хотя бы в том же Петрограде? Его население до войны прирастало на 50—60 тыс. за год. Куда же размещать этот прирост? Прежде вопрос разрешался частным домостроительством. А теперь кто будет строить? Города? Да какой же сумасшедший даст им денег?

Постановили: не выдавать «буржуям» больше 150 руб. в неделю с текущих счетов.

Ударили по более культурным капиталистам, которые понимают, какое зло для национального хозяйства держать деньги по закуткам, сундукам и подпольям, и снесли свои 7 миллиардов в банки. А что до этого тем, которые прячут по домам свои 25 миллиардов?

Куда дальше пойдут те новые 2—3 миллиарда, которые каждый месяц выбрасывает экспедиция?

Как будут дальше реализоваться государственные займы, если единственный путь для их реализации — через банки — теперь закрыт?

Потому что кто же теперь понесет деньги в банк?

А без займов как мы будем бороться с дальнейшим залитием каналов денежного обращения бумажками?

Принудительный заем введете? Бумажку официально обесцените? Так ведь это ударит опять-таки только по мужику. У буржуя бумажек нет. Они все в деревне.

Все эти вопросы и в голову не приходят гг. реформаторам в их азартном походе на капиталистический строй.

Им важно уязвить буржуя. А что из этого получится для народного хозяйства, они и знать не хотят, а еще того чаще, по крайнему своему невежеству и деловой неопытности, даже и не представляют себе.

Всеми подобными мероприятиями подрывается не капиталистический строй, а основы народного хозяйства.

Капитал не перестает существовать, а только, сохраняя все свои дурные качества, теряет качества положительные — творческие.

Капитал, сконцентрированный в одном месте — у отдельного лица или в банке,— имеет неудержимую склонность творить новые ценности, новый капитал. Капитал распыленный только форсирует потребление.

Миллиардер «проесть» свои доходы органически не может. Он ими неминуемо увеличивает свой капитал, который где-то работает, кого-то кормит, что-то создает, вызывает к жизни.

Но стоит раздать ту же сотню миллионов хотя бы только миллиону людей, как они неминуемо немедленно их пропьют или проедят, словом, ничего с этими деньгами полезного не сделают, а только усилят дороговизну, насильственно увеличив спрос на потребительские товары.

Вот эта безжизненность, практическая безнадежность всех предпринимавшихся по сию пору русски-

ми социалистами шагов к «социализации» приводит к тому, что их деятельность все больше и больше принимает характер не столь уже социалистический, сколь экстремистски-политический.

Идет в сущности поход одной части населения на другую с большой примесью простой криминальности. Недаром ведь один из авторитетнейших у нас социалистов недавно обмолвился фразой: «Это не социальная реформа, а социальный грабеж».

И этот уклон в сторону чистой политики является тем более обоснованным, чем меньше есть реальных оснований для подлинно социалистической реформы.

Да и это явление вовсе не новое.

Когда нация, в силу тех или иных исторических причин, доходит до нестерпимого экономического положения, она редко удерживается от соблазна сделать попытку выйти из своих затруднений путем чисто политическим.

Положение России до крайности тяжело. Отсюда и наблюдаемое там сейчас чрезвычайное увлечение политикой, притом в самых крайних формах.

Так бывало всюду. В аналогичных положениях политические фантасты всегда завладевали сердцами и умами своего народа и самые крайние политические теории встречали наиболее восторженный прием.

Судьба всех подобных увлечений народов известна, и едва ли и Россия явит что-либо новое в этом отношении. Не сегодня-завтра там начнется такое же всеобщее отвращение ко всякой «политике», какое сейчас наблюдается увлечение ею.

Причина этого ясна. Жизнь неминуемо выдвигает проблемы, коих разрешение требует известных деловых навыков и знаний и посему недоступно для партийных болтунов и политиканов, обычно с жизнью плохо знакомых и потому пасующих там,

где требуются не слова, а конкретные действия для удовлетворения кричащих нужд обывателя.

Одной из таких проблем, которая встанет перед Россией во всю величину на другой же день по заключении мира, явится проблема урегулирования расчетного баланса.

Он искони был у нас пассивным, т. е. количество денег, которое России надлежало ежегодно выплачивать другим государствам за покупаемые у них товары и фрахты, на покрытие расходов наших путешественников (до 300—400 млн руб. в год) и по внешним долгам (государственным, железнодорожным и частным — в форме заграничных обществ, действующих в России), всегда превышало количество денег, причитавшихся России за продаваемые ею товары и получавшихся от русских эмигрантов.

Отрицательное сальдо нашего расчетного баланса покрывалось из года в год займами, по преимуществу во Франции, отчасти в Англии и Германии. Для сей цели выпускались займы, как чисто государственные, так и железнодорожные, ипотечные и частно-акционерные.

Если бы не эти непрерывные займы, наш пресловутый золотой запас уже давно перестал бы существовать. Займы же давали государству возможность довести его до огромной суммы в почти 900 млн долларов (перед войной, ныне же он — 1250 млн руб.).

После войны наше положение значительно ухудшится.

Долги наши союзникам превышают $8^1/_2$ млрд руб., и, следовательно, один платеж процентов ухудшит баланс миллионов на 500 руб. золотом в год, исчезнет почти полностью такая статья дохода, как те 700 млн пуд. хлеба, которые мы до войны вывозили за границу и которых теперь, в связи с колоссальным недосевом и понижением интенсивности сельского хозяйства, нам не хватит даже внутри страны. На-

оборот, потребность в заграничных товарах, не удовлетворявшаяся в течение 4 лет, ныне, под влиянием понижения собственной производительности отечественной индустрии, выросла даже объективно.

Но к этому прибавилось еще то, что население России, заливаемое в течение 4 лет бумажными деньгами, пресерьезно воображает себя разбогатевшим и надеется твердо, немедленно же по заключении мира, удовлетворить свои развившиеся вкусы за счет иностранного ввоза всяких предметов не только необходимости, но и комфорта.

При таких условиях приходится говорить о возможности дефицита во многие миллиарды рублей в год.

Как с такой задачей справиться?

Старый метод займов во Франции совершенно немыслим. Даже если бы не было политических причин (хотя бы законного недовольства французов нашим выходом из войны), французский рынок все-таки надолго был бы закрыт для России — у него слишком сложная задача по консолидированию военных расходов своей страны и по восстановлению разрушенного имущества. Поэтому французское правительство, вероятно, будет даже запрещать всякие иностранные эмиссии во Франции.

Большевики выдвигают «радикальный» прием отказа от платежа по заграничным займам[1]. Не входя в критику по существу столь необычайного метода действий, не останавливаясь на том, что на него едва ли согласятся страны-кредиторши, необходимо все

[1] Это чрезвычайно характерный bluff большевиков. Во время войны мы могли платить проценты по заграничным долгам только из кредитов, которые нам открывались иностранными правительствами. Но, для получения кредита, требуется соглашение, а для соглашения необходимо вступить в дипломатические сношения. А в сношения с большевиками союзные правительства вступать не желают. Поэтому, если бы они и желали заплатить, то этого сделать не могут. Не имея же возможности платить, они предпочли заявить гордо, что они не хотят.

же отметить, что он вопроса отнюдь не решает, ибо у нас отрицательным будет не только расчетный, но и чисто торговый баланс, т. е., даже откидывая платежи по долгам и расходы путешественников, мы все-таки не в состоянии заплатить за товары, которые нам «до зарезу» нужны, ибо своих товаров к вывозу у нас будет ничтожно мало, а золотого запаса не хватит и на год.

Если бы у нас была сильная власть и *честная администрация,* то, быть может, удалось бы насильственно сократить потребность в заграничном товаре, закрывши границы. Но сейчас об охране 1000 миль одной западной сухопутной границы, не говоря уже о всех прочих, не может быть и речи.

Не дожидаясь требования немцев о свободном пропуске товаров, российский обыватель сам властно потребует ввоза, и, конечно, не демагоги осмелятся ему в этом отказать.

О форсировании внутреннего производства в целях создания contre valeure, а ввозу, конечно, не может быть и речи. Наоборот, производительность России значительно упадет, ибо транспорт полуразрушен, кредит и денежное обращение вконец расстроены, рабочее население отбилось от труда.

Чем же остается крыть дефицит, если всякие нормальные, здоровые методы его покрытия недоступны?

Очевидно, остается одно из двух: или примириться на долгие годы с бестоварьем (а этого мы не хотим, а, частью, и действительно не можем), либо поступать по историческому примеру веселящихся русских бар-помещиков и гусарских корнетов — проедать не доходы, а самое имущество... с полной нищетой и рабством в перспективе, если, разумеется, не придет достаточно скоро охота жить поскромнее и работать поусерднее.

Но делу продажи русского национального имущества большевистским правительством поставлена довольно трудноустранимая преграда: ведь почти все это имущество — и земля, и банки, и фабрично-заводские предприятия — им «национализировано».

Какое же еще имущество можно будет продавать иностранцам в обмен за их товары? Ведь «имуществом», изображаемым русским кредитным рублем, их не прельстишь?

Таким образом, и единственный практически мыслимый способ, и тот — *при наличных условиях* — становится неприменимым: ведь нельзя же себе вообразить, чтобы большевики, экспроприировавшие имущество у русских капиталистов и буржуев и «национализировавшие» его, стали своими же руками его денационализировать путем распродажи иностранцам.

Отсюда видно, в каком неустранимом конфликте находится «национализация» имущества и необходимость покрытия дефицита в расчетном балансе.

Этот конфликт останется даже и при наличии социальной революции в других странах: ведь и иностранные рабочие не захотят «даром» снабжать продуктами «своего» труда русских, плохо работающих и мало производящих товарищей.

Нетрудно предсказать с уверенностью, что на практике обыватель, под нестерпимым давлением нужды в заграничном товаре, практически отметет идею национализации и начнет распродажу национального имущества.

Но так как имущество это будет, благодаря официальной национализации и вообще беспорядку в стране, весьма сомнительным, то и пойдет оно за бесценок.

Покупатели по этим чрезвычайно пониженным ценам всегда найдутся, ибо в мире имеются любители рискованных дел, которые сумеют рассчитать,

что Россия к идее собственности вернется и тогда они безумно наживутся.

В результате Россия за свои политические увлечения понесет жесточайшее наказание... как это, впрочем, всегда в истории и бывало.

А затем... Затем она обратится к тому единственному средству создания национального благосостояния, которое только и знает весь мир,— к усиленному труду, к усиленному производству.

Но пока этот процесс оздоровления морали и разума народного совершится, пройдет немало времени и немало переживет Россия испытаний.

Прежде всего ей придется, даже независимо от общей политической ситуации, расстаться со своей хозяйственной самостоятельностью.

Какая бы группа держав ни победила, для России с хозяйственной точки зрения это почти безразлично. Все равно процесс денационализации русской промышленности совершится с такой же неукоснительностью, с какою совершилась за время войны национализация промышленности и государственного долга в странах, которые на войне нажились, как Северная Америка и скандинавские страны.

Если победит Германия, то захват русской промышленности, русского рынка сырья и русской способности поглощать импортные товары совершит безраздельно Германия. Союзникам же будет не до нас: они будут залечивать свои раны.

Если победят союзники, то некоторое участие в экономическом захвате России примут и они, хотя, вероятно, и с некоторым запозданием и с меньшей, чем немцы, выгодой для себя.

Последнее положение для России, с точки зрения сохранения политической самостоятельности ее как государства, конечно, желательнее: меньше шансов за то, что контроль экономический повлечет за собою контроль политический.

К сожалению, надежд на это чрезвычайно мало.

Германия дольше и больше всех готовилась к войне, но она и больше всех думала о мире во время Великой войны.

Союзники всю свою промышленную энергию направили на служение военным целям. Их мирная работоспособность ослаблена чрезвычайно. Правда, лозунг: «Все для войны», прогремевший в России из уст московского купца Рябушинского в 1915 г. и воспринятый во всех союзных странах, не привел эти страны в такое же хозяйственное расстройство, как Россию, ибо у них и промышленность сильнее, и, кроме того, был еще и другой лозунг — лозунг экономии. Но все-таки способность союзной промышленности к снабжению мирового рынка товарами значительно ослаблена. Станки для мирной работы за эти годы не освежались, и пока военные заводы будут демобилизованы и переведены на мирную работу, пройдет много времени.

Германия об этом уже давно подумала и этим объясняется, почему она грабила станки и машины на заводах Бельгии, Северной Франции и даже Польши. Она понимала, что в момент мира достать станки будет невозможно нигде и экономически опередит всех тот, у кого окажется *налицо* наибольшее количество станков, ибо он удовлетворит первую наиболее острую потребность в товарах, получит наилучшие цены и захватит рынки потребления.

Особенно это верно в отношении России, ибо в ней и товарный голод всего острее, и ближе она, и экономическая сопротивляемость ее слабее. Поэтому, если до войны Германия захватила до 52% русского импорта, то после войны эта цифра рискует быть весьма близкой к 100%.

Для такого предсказания есть еще одно серьезнейшее основание, о котором как-то все позабыли. Это курс германской марки. Ее курс упал весьма

серьезно. В Норвегии он, например, еще весьма недавно доходил до 33 эре и только после слухов о сепаратном мире с Россией повысился в декабре до 55 эре, далеко еще не достигая паритета. Поэтому и русский рубль в отношении бумажной немецкой марки упал значительно менее — примерно в $2^1/_2$ раза — нежели в отношении неподвижных валют — 4—5 раз в отношении фунта стерлингов и доллара.

В силу этого всякий товар, даже одинаковой *золотой* цены, как в Германии, так и в Америке, для русского покупателя в Америке будет стоить в $4:2^1/_2=1^1/_2$ раза дороже, чем в Германии.

Если к тому прибавить, что и исходная-то цена в Америке имеет все шансы быть выше, чем в Германии, благодаря более высокой оплате труда, и что морской фрахт долго будет дороже провоза из Германии по железным дорогам, то возникает sui generis дифференциальная пошлина, препятствующая импорту в Россию из Америки.

Этот импорт будет возможен лишь в меру закупки Америкой товаров в России (до войны это было что-то около 5 миллионов долларов в год) и в меру предоставления ею России на каких-то полублаготворительных началах валюты для закупок в Америке.

Бороться с этим, крайне невыгодным, а в некоторых отношениях даже и жизненно опасным, положением союзники могут только двумя способами.

С одной стороны, нужно захватить контроль над мировым, в том числе и российским, рынком сырья. Этим путем можно заставить цену германских товаров подняться до уровня цен союзнических и тем поставить их в равные условия конкуренции.

С другой стороны — нужно *немедленно* приступать к закупке всего этого имущества России, которое только может быть ею продано, как то: банков, фабрик, заводов, залежей ископаемых, земель, поддающихся ирригации, лесов.

Этим способом Россия на чисто коммерческих, а следовательно, здоровых и прочных, основаниях получит валюту (разумеется, закрепленную) для закупок в Америке и, хотя скрепя сердце, огорчаясь на дороговизну, но даст последней возможность занять серьезное место в деле импорта в Россию.

Наоборот, ввоз из Германии станет весьма затруднительным, ибо достать валюту германскую будет нелегко. Ведь против рублей и только против рублей, не имея возможности выменять их на сырье и имущество, Германия свои товары продавать не будет в состоянии, как бы ни был ей близко знаком русский рынок, как бы ни привыкла она к русскому обычаю вести торговлю в кредит, как бы ни была она свободна от американского предубеждения и боязни рубля.

Но сделать все это можно, только приступивши к делу немедленно, ибо захват России немцами пойдет с необычайной быстротой и чрезвычайной же настойчивостью.

Для этого у Германии имеются серьезнейшие основания.

Дело в том, что Германия начала войну в твердой уверенности в победу.

Нельзя не признать, что она имела для этой уверенности все данные. Победа ведь висела на волоске. Не испугайся немецкие юнкера за судьбу своих имений, не потребуй они немедленного отпора русскому налету на Восточную Пруссию, не ослабь они этим свою западную армию на несколько корпусов, и были бы немцы в Париже, не спасли бы положения те 40 000 солдат, которых в последнюю минуту бросил в бой Галлиени и которые склонили чашу весов в сражении на Марне в пользу Жоффра.

Увы, мгновенное, одним ударом, окончание войны оказалось невозможным. Война затянулась. Чем она кончится — неизвестно. Всего вероятнее — вничью. Надо поэтому готовиться к новой войне. И в этой

новой войне надо уже не повторять старой ошибки, стоившей проигрыша кампании 1914 г., надо идти наверняка: подготовить войну, не только в военном, но и в дипломатическом отношении, чего Германия, переоценивши свои силы, в 1914 г. не сделала.

Наиболее простым решением задачи приискания для следующей войны союзника, который сделал бы эту войну беспроигрышной, является обращение к старому другу, близкому соседу — России. Недаром ведь и старик Вильгельм на смертном одре заклинал не ссориться с Россией.

Не думаю, чтобы кому-либо удалось опровергнуть, что именно такова будет тенденция немецкой политики в течение ближайших лет, особенно если она, что вполне еще возможно, не одержит победы на Западном фронте.

Но это направление немецкой политики представляет собою величайшую опасность для России не только с внешнеполитической и экономической точки зрения, но и с точки зрения политики внутренней, опасность для демократического устройства России.

Дело в том, что, конечно, Германия не повторит ошибку малоумного Николая II, оказавшуюся фатальной для его династических интересов и состоявшую в непримиримом противоречии между его внутренней и внешней политикой. Нельзя безнаказанно для абсолютизма культивировать реакцию внутри страны и вести либеральную политику вовне, состоять в союзе с передовыми демократиями. Одинаково и демократии небезопасно вести дружбу с деспотиями. *Такой* коренной ошибки Николая II Германия уже несомненно не допустит и, разрешивши ввести Россию в орбиту своей политики, конечно, приложит все усилия к тому, чтобы добиться монархической реставрации в России.

Есть ли, однако, в России такие элементы, на которые новый монарх мог бы опереться, которые изменили бы идее демократии и захотели бы вновь «под царя»?

На тот вопрос надо, увы, прямо ответить: да, такие элементы есть.

По-видимому, Россия начинает уже завершать цикл и, от самодержавия, через революцию и анархию, неудержимо идет к восприятию вновь идеи единодержавия. Недаром я всегда шутил, что русская революция есть точная копия французской, с той только разницей, что та совершалась в почтовом дилижансе, а наша — в автомобилях и с радиотелеграфом.

Изобретательности мы не проявили почти ровно никакой, и все, что у нас происходит, происходило и там. Разница только в темпе, поэтому и ликвидация близится скорее.

Как мог получиться такой, поистине ужасный результат?

Ведь в начале революции вся буквально Россия была единодушна в ее признании. Все торжествовали, все радовались, все ждали и верили в скорое лучшее будущее.

Гидра контрреволюции существовала только в воспаленном воображении митинговых ораторов и питалась лишь тем отсутствием веры в то, что революция действительно пришла, о котором я уже не раз говорил. Ведь недаром даже монархист и правый В. В. Шульгин ходил «брать» Петропавловскую крепость и требовать отречения от Николая II.

Но затем началось постепенное отметание от революции одной группы граждан за другой.

Первыми были офицеры, потом в граждан 2-го сорта попали помещики, потом «капиталисты» и весь торгово-промышленный класс. Потом пришла очередь за духовенством, всей интеллигенцией вообще

(«буржуи») и, наконец, за «столыпинскими помещиками», т. е. за хуторянами и отрубщиками, которых в России, однако, до $12^1/_2$ миллионов. В ту же кучу попали казаки и даже все хозяйственные мужики. Контрреволюционной объявлена и Польша, восстановлению которой так радовались все хорошие русские люди[1].

Кто же оказался, наконец, не выброшенным за борт революционного корабля?

Если пересчитать всех исключенных, всех париев и «врагов революции», то, пожалуй, действительно добрыми гражданами Российской республики окажутся только одни неудачники периода до революции, все те, кто при старом режиме не сумел устроить свою жизнь в соответствии со своим аппетитом и находился в конфликте либо с законами экономики, либо с законами уголовными. Думается, что по нынешним временам даже не все промышленные рабочие и сельскохозяйственные батраки безупречны в смысле революционной благонадежности.

Словом, какая-то романовщина навыворот.

А если это так, то можно ли положительно утверждать, что и судьба теперешних увлечений не будет романовской?

---

[1] Теперь, когда трагические события войны сделали так ясным то, что многими, даже большинством, совершенно не понималось ранее, я с удовлетворением вспоминаю, как я еще в 1912 г. среди своих товарищей по Гос. думе высказывал мысль, что у России есть два способа чрезвычайно усилить свое положение настолько, что, быть может, и немцы с нами воевать не рискнут. Эти способы суть: дарование полной автономии Польше и торжественное принятие присяги на верность конституции в Думе. Теперь-то уже каждому ясно, как сложились бы события, если бы рыцарский польский народ получил свою свободу из русских рук до войны, если бы вместо того, чтобы растрачивать силы на безнадежную борьбу с поляками, русский двуглавый орел стоял в бою рядом с белым орлом родной нам Польши, как равный с равным, как брат с братом. Отразилось бы это и на внутренних делах: ведь более культурный польский народ не дал бы разыграться на фронте этой т. н. большевистской гибели. В польском народе стремление к государственности чрезвычайно сильно, и он, видя гибельность для себя большевистского безумия, нашел бы в себе энергию помочь и русской власти в борьбе с этим явлением.

Во всяком случае можно утверждать то, что, если прусский капрал вздумает восстановить на престоле российском императора, то *ныне* он не встретит того единодушного отпора всей России, который он встретил бы месяцев 9, может быть даже 6, тому назад.

Тогда подобная попытка вызвала бы взрыв негодования буквально всей России. Ныне немало забракованных граждан просто смолчит.

Прелести самодержавия уже многими исправно забыты, а унижения, оскорбления, физические раны, нанесенные неумеренными представителями революционной демократии, еще очень свежи, еще очень болезненны.

Это еще не монархисты, но и не люди, которые стали бы с попыткой монархической реставрации бороться.

В случае ее возникновения они займут позицию сторонних наблюдателей. Борьбу с ней они признают личным делом только крайней демократии и поддержки ей не окажут.

Этот чудовищный результат расслоения всей России, которая была так единодушна в своей радости свободы, не представляет собою чего-нибудь неожиданного для любого здравомыслящего человека.

Более того, немало народа на этом прямо спекулировало.

Когда, например, группе петербургских дельцов было сделано в середине октября предложение «убрать» Ленина и Троцкого, то они наотрез отказались «сфинансировать» это предприятие. Я думаю, нетрудно и проследить их аргументацию: «Шингарев, Церетели и Плеханов нам куда опаснее, а Ленин и Троцкий скоро вернут нас к тому доброму старому времени, когда так хорошо было ловить рыбу в мутной воде».

Подобное состояние умов в России не может составлять секрета для Германии.

А так как ей в высокой степени важно обеспечить за собою на будущее время союз с Россией, то надо в ближайшем же будущем ожидать, в результате военного разгрома, немецких попыток устроить в России монархическую реставрацию: ведь посаженный на престол прусскими руками новый император не забудет этой услуги и уроков истории, не советующей монархам заводить союзы с демократиями.

Вот перед какой опасностью стоит и мировая, и русская демократия. Найти в себе духовные силы бороться с этим германским нашествием на Россию, с этим покушением на все стороны ее жизни — на политику внешнюю и внутреннюю, на экономику, на долг чести, связывающий ее с союзниками, на ее право смело смотреть всем в глаза и бодро ожидать светлого, радостного будущего — Россия может только в том случае, если она найдет поддержку своим вконец разбитым экономическим силам, если, наконец, союзники поймут, что только крайнее отчаяние страны может заставить ее видеть свое спасение в Троцких и Лениных, что не от радости она их приняла, а по отсутствию всяких других путей спасения.

Способы помощи России не составляют секрета: России в первую голову нужны паровозы, рельсы, тракторы (для замены лошадей), всякого рода станки и машины и многие товары для народного потребления, как сапоги, одежда и т. д. Нужны России капиталы для эксплуатации ее естественных богатств и, кроме того, ей нужно, чтобы американцы купили за свои товары ее национальное имущество, ибо только тогда оно не попадет к немцам. В особенности же России нужно, чтобы американцы, главная мощь которых лежит в области финансов, а не техники, сфинансировали развитие русской железнодорожной сети, ибо ведь в конце концов главная причина

нашего военного поражения лежала в недостатке у нас железных дорог, да и вся возможность сношений с союзниками в будущем зависит от создания новых выходов из России к морю (Минусинск—Пекин, Томск—Петербург, Котлас—Кемь, Обь—Архангельск, Джульфа—Бендер—Аббас).

Весьма популярное возражение против этой операции состоит в том, что она при русских «порядках» рискованна.

Но прежде всего во время войны производились и производятся операции не менее рискованные. Взять хотя бы торговое мореплавание. Правительства всех стран, нуждаясь в непрерывном продолжении этой операции и признавая в то же время ее непосильность для частных лиц, приняли на себя ту или иную долю риска.

Совершенно очевидно что, если поддержание России признать задачей государственно важной для всех Стран согласия, то естественно напрашивается вывод, что и в операции экономического проникновения в Россию должны принять участие и правительства, а не одни частные лица и общества.

Второе возражение состоит в том, что Германия так ослаблена, так лишена всякого сырья и рабочих рук, что она не будет в состоянии выслать в Россию много товаров, а если этого не произойдет, то не будет и экономического захвата России Германией.

Все это рассуждение ошибочно с начала до конца.

Во-первых, бездна товаров для экспорта в Россию уже заготовлена.

Во-вторых, сырье немецкие коммивояжеры весьма быстро добудут из России.

В-третьих, рабочие руки у немцев сразу же будут в изобилии, потому что с открытием границы бездна русских хлынет в Германию в поисках работы и... освобождения от порядков «свободной» России.

В-четвертых, не надо забывать, что в Германии размещено на несколько сот миллионов рублей железнодорожных облигаций. На этих облигациях написан паритет на германскую валюту, они котируются на германских биржах. Поэтому множество русских капиталистов бросятся их покупать по бешеным (в переводе на бумажные рубли) ценам в надежде этим путем спасти хотя часть своего состояния, ибо у всех будет уверенность, что по *таким* облигациям немцы заставят платить какое угодно русское правительство, хоть левее Ленина.

Сколько миллиардов русских рублей Германия этим способом получит, можно судить по тому, что в Петербурге еще очень недавно за наличные доллары платили охотно до 22 рублей!

Наоборот, русские акции будут спускаться по нелепо низким ценам, ибо далеко не у всех уже так ясно и твердо сидит сознание того, что свойство большевистских принципов таково, что в одной стране они осуществлены быть не могут и не будут. Поэтому скупившие русские акции немецкие капиталисты только смеяться будут над перепуганными капиталистами русскими и отложат ликвидацию большевизма на Руси до того момента, когда у них в руках сосредоточатся чуть не все русские акции.

Эта операция хозяйственного захвата России будет, несомненно, произведена немцами весьма быстро и беспрепятственно. Помешать ей может только помощь союзников, оказанная притом в *грандиозном масштабе* и отнюдь не в порядке благотворительности.

Если эта помощь не придет вовремя, то захват России цепкими немецкими руками совершится весьма быстро со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Судьбы демократии мировой и русской неразделимы. Порабощение России будет первым шагом к порабощению мира.

Второй шаг прийти не замедлит.

И весь ужас большевистского захвата в том и состоит, что они своим максимализмом, разрушением армии, выходом из войны и угрозами мировой «инфекции» заставили даже крупнейших людей в союзных странах забыть, что за ними стоит Россия, которая, как бы низко она сейчас ни пала, не перестанет никогда быть важнейшим фактором мировой политики. Она страшна даже сейчас, в своей пассивности. Своей готовностью стать жертвой немецкого кулака она создает величайшую угрозу в будущем. 180 миллионов, ведомых сильной рукой, разве могут они не быть страшны?

И, однако, угрозы большевизма оказалось достаточно, чтобы забыли об этой, куда большей опасности, и чтобы прозвучали фатальные слова: «Пусть Россия делает, что хочет», чтобы оборвалась всякая ей помощь.

И эта ошибка союзнической государственной мысли окажется для них еще более фатальной, чем отсутствие общего военного командования.

Отсутствие общего стратегического фронта, отсутствие единой мысли в использовании военных сил привело к тому, что Германия «по частям» била одного союзника за другим, начиная с более слабых.

Упорствование в нежелании противопоставить Германии единый экономический фронт приведет к тому, что не только будет выбита из строя Россия, а больше — ее введут в экономический, а затем и политический строй врагов.

Это — не угроза.

Это крик ужаса человека, который видит надвигающуюся гибель и мучается тем, что окружающие люди беспечно не обращают на нее никакого вни-

мания, не принимают никаких мер к собственному спасению.

Было старое поверье: ex oriente — lux.

Но если люди не будут умнее, придет и: ex oriente — mors.

Каковы же экономические перспективы России?

Так же ли они безотрадны, как и перспективы политические?

Думается, что нет, что при известной минимальной дозе ума у русских государственных людей, они могут быть даже и блестящими.

Дело в том, что экономический эффект войны выразился в виде колоссального мирового товарного дефицита.

Происхождение его вполне понятно. Десятки миллионов людей, притом в лучшем для производительного труда возрасте, были оторваны от работы, из производителей превратились в чистых потребителей. Другие десятки миллионов занялись, вместо производства нужных для человеческого обихода предметов, производством разных вещей, которые тут же подлежали уничтожению.

В то же время потребление усилилось. Весьма понятно, что человек, находящийся на казенном иждивении, относится к предметам своей экипировки и к своему питанию с меньшей экономией и бережливостью, чем когда эти же предметы приходится добывать своим трудом. «Чего беречь-то? Не свое — казенное!» — рассуждение обычное и кажущееся особенно убедительным в странах менее культурных. Россия от него жестоко пострадала. Русская армия не только потребляла обуви, одежды и пищи значительно больше, чем их потребляла до войны вся сумма людей, составлявших армию, но и упорно не желала ничего решительно возвращать в

тыл из пришедшего в негодность к употреблению или хотя бы немного испорченного. Всякий предмет, ушедший на фронт, пропадал безвозвратно.

Кроме сего, бездна товаров уничтожалась во время или в связи с военными действиями.

Вспомним хотя бы знаменитое движение беженцев в 1915 г. Сколько тогда пропало скота и имущества, не говоря уже о человеческих, особенно детских жизнях!

Что стоила мировому хозяйству подводная война?

Один «второй» набег русских войск на Восточную Пруссию, когда они мстили за предательские нападения мирных жителей, немцы оценивали в 2 миллиарда марок.

А Северная Франция? А Галиция? А вконец опустошенная Сербия?

Весьма понятно, что очень скоро в воюющих странах стал обнаруживаться товарный голод.

Первое, на что набросились,— это были собственные товарные «запасы». Но они никогда ведь не были особенно велики. Если откинуть запасы, создаваемые сезонностью производства (хлеб, хлопок, сахар), или сезонностью потребления (например, дрова для отопления), или, наконец, условиями транспорта и торговли, то запасы действительные, как намеренное заготовление продуктов для потребления в отдаленном будущем, почти что и не существуют, за редкими исключениями, например, Сибири, где иногда хлеб в скирдах лежит 3—5 лет в ожидании неминуемого неурожая. Ни одна отрасль промышленности не может работать впрок, не находя на рынке покупательной емкости для своего продукта.

Поэтому собственные запасы были прикончены весьма быстро[1].

---

[1] В некоторых странах, особенно в России, началась даже ожесточенная кампания против запасов. Совершенно невежественная в хозяйственных вопросах широкая публика и писатели желтой прессы объ-

Тогда направили свои взоры на нейтральные страны.

Эти последние, поддавшись соблазну высоких военных цен, весьма быстро распродали свои собственные запасы, да и производительность свою направили на служение военным целям воюющих держав.

Начали и они испытывать товарный голод.

Но тут началась вторая, худшая стадия процесса.

Недопроизводство в одной стране и в отдельной отрасли промышленности стало автоматически вызывать недопроизводство в других странах и отраслях.

Появляются даже кое-где, как это ни кажется на первый взгляд парадоксальным, явления безработи-

---

явили их каким-то государственным злом, покушением на общее благо. Видя, что при помощи «прятания» предметов производится спекуляция на повышение цен, эти люди думали, что они добьются понижения цен, когда нечего будет прятать. Они не понимали, что, если спекулянты рассчитывают на повышение цен при наличии припрятанных товаров, то каково же будет повышение цен, если со временем и таких товаров не будет? Не понимая всей неизбежности дороговизны, понижения цен в данный момент пытались добиться таким путем, который в будущем обеспечивал несравненно больший подъем тех же цен. К тому же никто не уяснил себе, что если нас что и спасло от хозяйственного потрясения в момент первой же мобилизации, то это только имевшиеся у купцов запасы. По нелепому русскому закону о мобилизации все товарные вагоны выгружаются там, где их застанет приказ о мобилизации. Товарное движение долго было вовсе прекращено и наладилось только ко второй половине октября. Не будь в городах товарных запасов, все города у нас вымерли бы с голода. А они и не заметили, что нет подвоза. Но в начале войны у нас склады ломились от товаров, когда же я перед отъездом зашел к Кикину (крупнейший в Петербурге оптовик по колониальным и т. п. товарам в Апраксином рынке), то у него оказалось только несколько банок концентрированного молока да пачек желатина. На вопрос, отчего не держат товара, ответили: «Да чего же его держать, мучиться доставать, когда все равно конфискуют?». И действительно. У нас уже в августе в том же Апраксином рынке взламывали мебельные и одежные лавки в поисках, нет ли там провианта спрятанного. Этим неуважением к опыту торгового сословия добились того, что спекуляцию не убили — она, наоборот, процвела,— а честных, знающих дело торговцев заставили забросить свое дело. А так как сами-то наладить его, разумеется, не сумели, то и остались без товара.

Великая война требовала напряжения всех сил народных, а мы с самого начала войны усиленно отказывались от такой силы, как опыт и энергия торгового сословия. И, конечно, за это поплатились.

цы, и тем, разумеется, мировой товарный голод еще усиливается.

Так, например, мировой недостаток бензина и отсутствие жести в Англии привели к тому, что в огромных размерах сократилось рыболовство и консервное производство в Норвегии.

И такие явления будут с каждым днем расти.

Мир живет мечтой о том, что кончится война, кончатся и его страдания. Все будет как прежде.

Увы, опыт России является в этом отношении весьма мало обнадеживающим. Не слышно, чтобы там после «спасительного» мира (а ведь он почти заключен с июля месяца прошлого года) стало народу легче.

Наоборот, надо с каждым днем ожидать значительного ухудшения положения. Ведь в дело снабжения армии, пока она существовала, вносилась известная объединяющая мысль, известный план. Многие работали над этим снабжением из чисто патриотических соображений. А когда люди, составлявшие армию, разойдутся все по своим местам, когда каждый должен будет заботиться о своем снабжении сам — может ли не произойти значительное ухудшение положения?

Конечно, страны с сильной государственной властью сохранят центральные органы по снабжению на долгое время после войны. К тому же там и полной дезорганизации торгового аппарата не произведено.

Но кто же может сомневаться, что и во многих других странах будет повторено то, что сейчас происходит в России? Очередь за теми, которые потерпят конечное поражение.

Но даже если бы все страны мира совершенно точно восстановили свое довоенное производство, по-прежнему удовлетворяли *годичную норму* потребления, то все же этим мировой спрос на товары не

был бы удовлетворен. Оставалось бы еще покрыть образовавшийся за 4 года войны колоссальный товарный дефицит.

Между тем в высокой степени невероятно, чтобы наличные силы мировой промышленности, существовавшей до войны, были способны даже на возобновление прежней годовой производительности. Где уже тут говорить о покрытии дефицита!

Ведь бездна фабрик разрушена. На всех почти поизносились станки и машины: работа производилась форсированная, рабочие к ним допускались неопытные, замена производилась весьма слабо.

Но главное, нет прежней рабочей силы. Миллионы рабочих сложили свои головы на полях битв, миллионы вернулись калеками, т. е. превратились навеки из производителей в паразитов-потребителей; все, просидевшие 4 года в траншеях, значительно позабыли свое ремесло; молодежь, взятая в ряды с 18 лет, не успела ему научиться; деревня перестанет выбрасывать в город прежнее число людей,— хлеб будет дорог, сельское хозяйство выгодно, да и в нем будет не хватать рабочих рук.

При всех этих условиях, та промышленность, которая до войны удовлетворяла мировую потребность в товарах, этой задачи выполнять не будет в состоянии долгие годы.

При ее помощи мировой товарный дефицит будет покрыт не скоро, и страдания народов от бестоварья рискуют быть весьма продолжительными.

Очевидно, что для разрешения экстраординарной потребности и средства должны быть экстраординарные. Она не может быть удовлетворена обычным, нормальным ростом мирового производства. Ему надо попытаться дать какой-то исключительный толчок.

Для этого есть только одно средство. Надо пустить в оборот такие естественные ресурсы, которые до

войны еще не были эксплуатируемы, и заставить работать такую рабочую силу, которая до войны не производила.

Таким резервуаром нетронутых естественных богатств и мало производящих рабочих сил являются только две страны в мире: Китай и Россия.

Рассчитывать много на Китай не приходится, ибо, хотя его население и трудолюбиво, но производительная его способность невероятно низка и усилить ее никаких шансов не имеется.

Остается одна Россия.

Это — та единственная страна, которая способна покрыть убытки Великой войны.

Ее потенциальная способность спасти мир от последствий войны лежит в том самом обстоятельстве, которое было единственной причиной ее бедности.

Население ее в огромном большинстве (в сущности, все ее крестьянство — 85% населения) создавало весь свой доходный бюджет в течение 2—3 месяцев в году. В остальное время оно почти не работало. И не по лености или неспособности, а по невозможности где-либо применить свой труд.

Промышленность в России, можно сказать, почти не существует, а ведь только промышленность в состоянии обеспечить работу на круглый год.

Вместе с тем и сельское хозяйство стояло на весьма низкой ступени. Плодороднейшие русские черноземы приносили меньше, чем пески Восточной Пруссии.

Причина всего этого была одна — русский национальный труд не был достаточно орошен капиталом.

В сельском хозяйстве только за последние годы стали понемногу появляться машины. Искусственные удобрения почти неизвестны. Их только кое-где употребляли помещики. Крестьяне с ними почти не знакомы.

Размеры нашей промышленной производительности смехотворно малы.

Главный наш угольный бассейн — Донецкий давал немного более $^1/_4$ сотни млн тонн, Домбровский бассейн — менее 7 млн тонн (в год). Производительность остальных районов (даже богатейших в мире, как Кузнецкий) измерялась десятками и иногда единицами млн пудов ($^1/_{60}$ тонны).

Между тем запасы всяких богатств грандиозны.

Хлопком мы могли бы снабжать весь мир. Леса — единственные во всем свете по достоинству и обилию. Непаханой еще земли миллионы десятин. Железной, медной и всяких других руд, угля и нефти количества неисчислимые.

Населения 180 млн, из коих едва 3 млн заняты в фабрично-заводской и горной промышленности.

Если цивилизованный мир захочет быстро залечить последствия войны, то ему останется только одно — прийти и сфинансировать эти бесчисленные, втуне лежащие естественные богатства, сфинансировать русскую народную трудоспособность, не находящую ныне себе применения.

И это будет сделано.

Конечно, не на основании этих общих соображений, а потому, что это будет наглядно выгодно каждому отдельному предпринимателю.

В России после войны неминуема колоссальная безработица, следовательно, рабочие руки будут дешевы, а цены на товары будут стоять невероятно высокие.

Поэтому всякое новое предприятие будет обещать большие выгоды.

А есть ли более сильный стимул для создания новых промышленных предприятий?

Может на первый взгляд показаться странным, откуда возникнет в России безработица, если она потеряла за время войны 3 млн лучших работников

убитыми, $^{1}/_{2}$ млн умершими в немецком плену, миллиона $2^{1}/_{2}$ калеками-ранеными, да еще плюс невидимое число беженцев.

Безработица, тем не менее, совершенно неизбежна.

Во-первых, сельское хозяйство не в состоянии поглотить прежнее количество рабочих. Помещичьи экономии с более культурным хозяйством — не существуют. Примитивная обработка помещичьих земель крестьянами потребует меньше рабочих рук. Не хватит для прежнего размера запашки ни живого, ни мертвого инвентаря: ведь более половины скота съедено и уничтожено за время войны. Не на чем пахать, нечем удобрять землю. Нет ни плугов, ни кос, ни более сложных машин. Все поизносилось, поистрепалось. А новое где и на что купить?

Запашка уменьшится, а следовательно, и земля не примет много работников. К тому же многие из крестьян за время войны кое-чему научились, отвыкли, потеряли вкус к крестьянской жизни. Взять хотя бы одних шоферов. Их было выучено свыше 100000 человек. Сколько образовалось десятников по инженерным работам.

Все эти люди назад в деревню не пойдут. Их потянет в город. Туда же пойдут и все солдаты из бывших фабричных.

А что они там найдут?

За время войны народился новый контингент рабочих. Они не захотят уступать им свои места. Да и фабрик большинство стоит. Недостаток топлива и сырья, разорение владельцев, насилие над банками, прекратившее концентрацию капиталов и, следовательно, убившее промышленный кредит, прекращение военных заказов — все это вместе взятое парализует деятельность большинства заводов. К тому же наивно думать, что заводы так просто могут перейти с военной работы на мирную. Многие

ведь и созданы-то были только в расчете на военную производительность, как, например, заводы орудийные, снарядные, удушливых газов, летательных аппаратов. Чтобы их перевести на мирную работу, их надо сверху донизу переоборудовать. А где для этого станки? Кто их вовремя заказал и сумел приобрести, не имея-то валюты? Не заводские же комитеты или Советы рабочих и солдатских депутатов? Наконец, немало заводов, вероятно, в связи с немецким наступлением, будет просто-напросто разрушено. Немало разрушит и голодная, озверевшая толпа.

Безработица неизбежна колоссальная. Она приведет за собой штрейкбрехерство и понижение цен на рабочие руки.

Наоборот, цены на товары сделают невероятный скачок вверх.

Понижение собственной производительности страны, прекращение ввоза из-за отсутствия у страны иностранной валюты, наконец, окончательное обесценение денег — все это будет гнать цены вверх неудержимо.

При совокупности подобных данных — дешевизне рабочих рук и высоте товарных цен,— *при известных условиях*, создается реальная, деловая база для возрождения и могущественного расцвета русской промышленности.

Каковы же эти условия?

Порядок.

Безопасность личности.

Уважение к собственности.

Если эти условия не соблюдены, то начинается состояние Персии, т. е. голодное вырождение страны, ибо такой стране и немецкие банки помогать не станут.

Можно ли этого ждать в России?

Вся моя душа кричит, что нет.

Слишком много я жил с русским мужиком, с ним работал, чтобы не верить в его здравый смысл, не знать его твердой веры в необходимость порядка в мире.

Удивительно характерный разговор с одним приятелем-мужиком передавал мне известный русский юрист, член Гос. думы, ныне посол в Париже, В. А. Маклаков (кстати сказать, едва ли не крупнейший русский политический деятель). Мужик расспрашивал, что такое подоходный налог, выслушивал весьма долгие разъяснения этого невероятно сложного в России закона, выслушивал подробные доказательства необходимости его платить, а затем отрезал: «А я все-таки ни в первый, ни во второй срок платить не буду». «Почему?» «А потому — я заплачу, а потом придет настоящее правительство и скажет: вольно тебе было платить бог знает кому? Плати второй раз!»

Эта вера в то, что это все — «так», а настоящее правительство прийти должно, в мужике сидит прочно.

И он это настоящее правительство заведет.

И задача эта скоро будет уже не так трудна.

Ведь неописуемое насилие, царящее сейчас в русских городах, лишь облыжно выдается за царство революционного пролетариата, а в сущности оно является во многих местах лишь организованным хулиганством, возглавляемым и вдохновляемым немногими политическими фантазерами и весьма многочисленными политическими гешефтмахерами, которые одинаково готовы служить — и черной сотне, и Lumpenproletariat'у. Недаром ведь исчезло из оборота самое слово «хулиган». Где же они самоопределились? Я положительно отказываюсь верить, чтобы это русский рабочий был способен добивать сдавшихся юнкеров, вывертывать им руки, выдавливать глаза, насиловать несчастных женщин «женско-

го батальона» (вот еще жертва на совести непротивленцев кабинета Керенского!). На эти преступления, которым нет имени, способны только подонки населения столицы. Явления же подобного рода показывают ярко, что хулиганство явно захлестывает большевизм. На смену стройному, последовательному социалистическому учению идет бандитизм — признак морального банкротства революции. И если с этим сопоставить открытую проповедь и практику разврата, неудержимое стремление к наслаждениям невысокого разбора в самых широких слоях населения, то факт начавшегося гниения революции станут отрицать только слепые или упрямые. Остановиться это явление, раз начавшись, разумеется, не может. Не хватает только всероссийского еврейского погрома, чтобы создалась уже необходимая психологическая обстановка для бонапартистского выступления. Но, конечно, не замедлит прийти и погром. Я его предсказывал еще летом и уговаривал еврейских старейшин, чтобы они попытались как-нибудь воздействовать на деятелей Смольного института. Их попытка окончилась тем, что им сказали: «Мы не евреи, а интернационалисты. А если при столь великих мировых событиях прольется еврейская кровь, то что же делать?»

Какой ужас! Если бы кто год тому назад сказал, что в *свободной* России возможно избиение евреев, то я думаю, все рассмеялись бы. Даже сердиться не стали бы — настолько это показалось бы нелепым. А теперь, благодаря упразднению каких-либо признаков государственной власти, разнузданная чернь, облыжно именующая себя демократией, а на деле включающая в себе большой процент героев былой черной сотни, позорит освобожденную Россию многочисленными избиениями беззащитных людей только за то, что они — евреи! Уж если гуманитарные соображения теперь потеряли всякую цену,

то хотя вспомнили бы, что в еврействе наша единственная надежда справиться с натиском немецкого коммивояжера. Если ему не будет противопоставлена энергия еврея, то русского растяпу-купца немец съест в мгновение ока.

Трагическая судьба этого несчастного народа. Только что он ликовал, что обрел родину, и вдруг... опять старое.

И не хотят нынешние властители судеб российских понять, что опозоренной пролитием еврейской крови русской свободе не жить!

Видно, не всегда люди властны в своей судьбе. Не они управляют событиями, а события ими. И протекает история по извечно установленным законам.

Так и в данном случае, в вопросе о нестерпимом насилии в городах, надо полагать, будет буквальное повторение того, что было раньше, при других революциях.

Ведь держится это насилие только в силу того, что города еще в царские времена были переполнены запасными солдатами. (Кстати сказать, ни в какое время, никто в России даже не мог установить точного их числа. Видно только было, что оно огромно.)

Как только война кончится и будет объявлена демобилизация, эти массы весьма быстро рассосутся. Прежде всего потому, что мужик их кормить сам не захочет, а принуждать его к тому, как показывает опыт карательных в деревни экспедиций во время Великой французской революции, не удается: мужик предпочитает умирать, а хлеба не отдает[1].

Голод же очень быстро разгонит солдат из городов. Часть уйдет по домам, в родные деревни, часть пойдет образовывать разбойничьи шайки, как это

[1] Любопытно отметить, как история повторяется до мельчайших деталей. В Главном продовольственном комитете социалистический (!) министр Пешехонов (вот еще убожество), докладывая о ходе хлебной монополии, признал, что в некоторых случаях дело не обошлось без мер физического воздействия. Каких? «Добрых, старых?».

тоже было во время французской революции, когда вся страна была ими полна. Но раз концентрация грабителей и насильников прекратится, то справиться с разрозненными бандами будет уже не так трудно.

Вернется уверенность в личной безопасности, и рабочий, настоящий рабочий, совершенно так же, как французский рабочий накануне пришествия Наполеона, закричит: «A l'ouvrage!». За дело, за честный труд!

А этим будет положен прочный фундамент к экономическому и моральному возрождению страны.

Эта готовность России покрыть, на пользу всему миру, образовавшийся за время войны товарный дефицит будет приветствована всем миром, и мировая помощь не замедлит прийти.

От чисто деловой политики государственного управления России будет уже зависеть, ускорить или замедлить процесс привлечения иностранного капитала, направить его преимущественно на скупку существующих предприятий или на разработку нетронутых естественных богатств, т. е. на предприятия с большим соотношением валового дохода к основному капиталу и с большим коэффициентом эксплуатации[1].

Я уже слышу возражение: так, значит, «распродажа» России иностранцам?

Пора бы в двадцатом столетии бросить это затасканное словечко из ультранационалистического лексикона.

Пора, наконец, понять, что других-то методов человеческий ум не выдумал. Ведь начало всей цветущей американской (а также скандинавской и других),

[1] Соотношение расходов предприятия, которые являются, с другой стороны, доходом населения, к его валовому доходу. Чем этот коэффициент выше, тем интереснее предприятие для страны, ибо тем больше заработки на нем населения и тем меньше выгода капиталиста.

промышленности и колоссальной железнодорожной сети положено не на местные, не существовавшие тогда, капиталы, а на капиталы иностранные, по преимуществу английские, голландские и французские, т. е. тех стран, которые раньше начали накопление.

Пришло время, и Америка, а также Скандинавия ныне вполне национализировали свою промышленность, кончились последние признаки «работы на иностранцев». Всякий доллар, зарабатываемый промышленностью, обогащает только американскую нацию. Больше того, не сегодня-завтра уже другие нации начнут работать на Америку, потому что она становится мировым денежным рынком, мировым банкиром.

А было ли бы это все возможно, если бы Америка после революции, разоренная братоубийственной борьбой с метрополией[1], продолжала сидеть на естественных своих богатствах и оберегать их от «захвата» иностранцами, иностранным капиталом?

Расходы, которые производил в стране работавший в ней иностранный капитал, были достаточны, чтобы создать такое национальное обогащение, при котором страна дальнейшее развитие своей промышленности повела уже на отечественный капитал.

Но кроме этой, казалось бы, весьма убедительной ссылки на практический пример, можно привести аргументы и другого порядка.

Ведь свойство накопленного раз капитала таково, что он имеет неудержимое стремление прирастать. Франция, например, ежегодно должна была размещать до 3 миллиардов процентов, наросших за год на ее капиталы. Своего купона она «съедать» не в состоянии, да и не хотела, ибо население ее всеце-

---

[1] И безобразной политикой денежного обращения, добавлю. Ведь в Америке в 1779 г. было выпущено в обращение до $241^1/_2$ млн долларов бумажных денег. Цена их пала так, что в марте 1780 г. Конгресс решил заменить их новыми по расчету 1 за 40. Но курс новых бумажек не удержался, и старые бумажки упали, по расчету, до $^1/_{500}$ номинала.

ло проникнуто страстью обеспечивать свою старость через накопление капитала.

Ежегодно нарастающие проценты естественно направляются в те страны, которые дают наилучшее обеспечение доходности и сохранности вложенного в них капитала. Поэтому, если страна-дебиторша исправно платит дивиденды и охраняет основной капитал, то заработанные в ней иностранцами «проценты» отнюдь не подвергаются выкачке, а обращаются на новые предприятия в той же стране, по закону, изображаемому известной русской пословицей «от добра добра не ищут».

Это правило удалось проследить даже на практике.

На юге России есть богатейшее — и одно из самых благоустроенных в мире — металлургическое предприятие — Южнорусский Днепровский завод. Принадлежит оно определенной группе бельгийских капиталистов, не выпускающих его из рук уже весьма много лет. Поэтому оказалось возможным установить, куда они помещали дивиденды «Dneprovienne»'ы. Обнаружилась чрезвычайно любопытная вещь: оказалось, что за весьма длинный период времени все эти суммы шли на учреждение бельгийских обществ угольных копей в Донецком бассейне. Но это продолжалось только до тех пор, пока, под влиянием нелепой русской правительственной политики, в частности закупочной политики русских казенных железных дорог, непозволительно «выжимавших» цены, не возник в Донецком бассейне затяжной угольный кризис, в результате которого все бельгийские угольные предприятия обанкротились. Естественно, что после этого помещение в них дивидендов Днепровского общества прекратилось и они начали фактически выкачиваться из страны. Россия же за это жестоко поплатилась во время настоящей войны. Русская угольная промышленность вошла в

войну чрезвычайно ослабленной, и финансово, и технически, и не могла в должной мере обслуживать возросшие нужды страны в ископаемом горючем.

Этот пример ярко показывает, как опасно насиловать законы экономики, как жестоко наказываются за это страны, имевшие неосторожность вступить на этот путь.

Нельзя безнаказанно для себя пытаться отказывать капиталистам в их основных требованиях: хорошего рентирования и сохранности капитала.

Их неизбежное пассивное сопротивление попыткам насилования капитала не менее страшно, чем какое-либо активное сопротивление.

Занятие таможен и контролирование отдельных отраслей национального дохода стран-неисправных плательщиц правительствами стран-кредиторов может быть для первых не более опасным, чем простой отказ международного капитала идти работать в подобных странах.

При известных условиях может начинаться даже эмиграция туземного капитала.

Во всяком случае темп хозяйственного развития страны замедляется, или даже он вовсе останавливается, как это мы сейчас наблюдаем в России. Капитал уходит в более гостеприимные страны.

Поэтому всякие попытки борьбы с требованиями капитала, попытки уменьшить его аппетит к доходности могут иметь хотя какие-нибудь шансы на успех только в том случае, если они будут предприняты в международном, вернее, всесветном масштабе, ибо только в этом случае удастся предупредить возможность перемещения капитала.

Но рассмотренный пример дает еще один вывод, который весьма утешителен для России, а именно, что странам-кредиторам страны-исправные дебиторы не менее нужны, чем странам-дебиторам нужны

страны, готовые их кредитовать. Капитал должен приискивать себе работу.

Поэтому стоит только создать подходящие ему условия работы, и он придет.

При этом если эти условия таковы, что иностранный капитал получает импульс к помещению вырабатываемых им дивидендов вновь в ту же страну, то он перестает почти чем-либо отличаться от капиталов туземных в своем воздействии на хозяйственную жизнь страны.

Надо только стремиться к тому, чтобы он был разноплеменным, ибо, при однородности, он начинает проявлять стремление к политическому влиянию на ту страну, в которой он работает.

Весьма понятно, что для возможности этой работы требуется известная предварительная подготовка.

Нужно привести в порядок денежную систему[1] и устранить невежественное, чисто полицейское воздействие на строение товарных цен.

В этом отношении и Россия, и другие воюющие страны проявили во время Великой войны удивительно малую изобретательность и удивительно малое знакомство с историей и повторили поэтому все те ошибки, которые не раз проделывались раньше.

Когда народы проходят через известный политический, военный или хозяйственный кризис, то, казалось бы, естественно вперед ожидать, что этот кризис неминуемо и немедленно же начнет отра-

---

[1] По счастью, это для России ныне значительно легче, чем раньше, ибо в данный исторический момент денежные системы испорчены во всех странах. Едва ли размен в натуре будет осуществим для богатейших из них. Потребуются известные международные соглашения относительно количества допустимых в каждой стране бумажных денег. Возможно даже, что металлический запас будет интернационализирован или выработаны формы взаимопомощи эмиссионных банков. При этих условиях России будет легче выйти из ее бумажно-денежного кризиса, не потребуется, быть может, совершенно отменять хождение ее нынешних 25 миллиардов.

жаться на благоденствии отдельных индивидуумов, составляющих нацию.

Однако неизменно и всегда народы вступают в ожесточенную борьбу с этим неотвратимым явлением.

Начинается двухсторонняя борьба с явлениями дороговизны жизни: с одной стороны, пытаются воздействовать на цены в целях недопущения их роста, а с другой — приступают к увеличению вознаграждения за труд всякого рода.

Борьба с ростом цен неизменно начинается с нападок на посредников-купцов за их посредническую наживу и за попытки форсировать цены в личных целях — за «спекуляцию на национальном бедствии».

Вводят таксы (или maximum'ы, т.е. т.н. «предельные» или «твердые» цены); когда они явно перестают помогать — государственные монополии.

Под влиянием этих мер, обыкновенно проводимых, к тому же весьма бестолково, лицами более или менее некомпетентными (ибо весь торговый класс находится в подозрении и его не спрашивают, больше считаясь с демагогией, ибо чем ниже цены, тем громче аплодисменты), начинается искусственное сжатие производства, и, наконец, плотина прорывается, и цены, вместо того, чтобы расти постепенно, в соответствии с изменяющейся конъюнктурой, начинают подниматься скачками, резко, катастрофически ударяя по обывательскому благополучию. Обнаруживается острое бестоварье, от которого не видно спасения и выхода. Тогда народ, в конце концов, не только теряет веру в меры по регулированию производства и торговли «в видах государственной и народной пользы», но начинает не без значительной доли основания именно в них-то видеть существенную причину своих страданий, начинает вновь ценить личную инициативу и верить в творческую силу стимула личного обогащения. Происходит крат-

кий период, когда народ, часто незаметно для себя, перестает фактически осуществлять выдуманные меры государственного регулирования экономической жизни и в результате этого проходить через чрезвычайный взрыв спекуляции. Но затем конкуренция, толкаемая выгодностью занятия всяким производством, быстро приводит цены к уровню, действительно отвечающему мировой конъюнктуре и объективным условиям данной страны.

Начинается новый ее расцвет, идет залечивание ран, нанесенных кризисом.

Весь процесс осложняется — и ускоряется — тем, что, параллельно с борьбою против дороговизны путем давления на цены, идет обычно еще и попытка облегчать условия жизни с помощью повышения заработных плат.

Но так как объективных, действительно жизненных, оснований для такового повышения в момент кризиса, в момент понижения национальною дохода, нет и быть не может, то повышение вознаграждения производится за счет выпуска государственных векселей — кредитных бумажек.

Этот метод «помощи» страдающему народу по своей легкости донельзя заманчив, по существу же чрезвычайно вреден. Вместо того чтобы, под давлением роста товарных цен, автоматически сжимать свой расходный бюджет, постепенно сокращать потребление, народ, обильно снабжаемый «деньгами», впадает в совсем обратную, губительную крайность — начинает развиваться всеобщая расточительность.

Требования прибавок на «дороговизну» со дня на день растут. Растут поэтому и выпуски бумажек. Свойство же всех векселей, в том числе и государственно-беспроцентных, таково, что, по мере их выпуска сверх предела кредитоспособности бланконадписателя, они все больше и больше теряют свою

цену, причем падение идет геометрически ускоряющимся темпом.

Так как доступного для государственной власти способа остановить, поставить предел выпуску не имеется, то выпуски, невзирая на всякие совершенно категорические постановления и заверения парламентов и государей, продолжаются безудержно, вплоть до более или менее полного обесценения кредитного знака, до той поры, пока народ, наконец, не осознает, что он — нищ, пока не придет голодный мор.

Я нарочно не употребляю во всем этом изложении слово: Россия. До такой степени весь этот процесс одинаков во всех странах и во все времена.

Совершенно одинаково пара сапог доходила до 15 тыс. фр. во Франции во время Великой революции, костюм до 3000 долларов в Америке во время Войны за независимость и тот же костюм до 600 руб. сейчас в России. Так же бил фонтан бумажных денег в Париже, в Филадельфии, в Петербурге после Наполеоновских войн и сейчас. Роскошь и расточительность во Франции во время революции легендарны. Но и в Америке Франклин в 1779 г. писал: «Безумная роскошь в нашей стране среди всех ее бедствий меня прямо поражает». Другой писатель того же времени говорит: «Всякие формы расточительности и мотовства царят в городах и деревнях, особенно же в Филадельфии, под глазами Конгресса: расточительность в одежде, пище, в экипажах, во всем».

В России я сам наблюдал солдат, покупавших на улицах арбузы по 3 руб. штука, груши по 7 руб. и даже золотые портсигары «потяжельше». Простые бабы скупали в Гостином Дворе дорогие материи кусками. Театры и клубы набиты битком. Мотовство безумное.

Массы, в начале кризиса не желавшие переносить относительно небольшие неудобства, благодаря этому мотовству постепенно докатываются до пределов нищеты и страданий.

И никого никакая история ничему не учит. Всякий раз начинается все то же. Отсутствие изобретательности прямо удручающее. Разница только в том, что иногда, при кризисе менее сильном, процесс не доходит до конца и развивающееся производство успевает покрыть грехи, сделанные за время кризиса. Так было с Россией во время японской войны. Затем нации, экономически более сильные, дольше сопротивляются развитию процесса и чаще не доводят его до конца.

Но каждая непременно на него вступает. Даже Америка — эта практическая Америка — и та вступила уже на путь такс и прибавок. Монополии и государственные регулировки частью уже осуществлены (железные дороги, внешняя торговля, металл), частью висят уже в воздухе (недра, телеграф, экспрессные компании). Идет уже и усиленный выпуск бумажных денег.

Далеко ли зайдет процесс в Америке, зависит от длительности войны и от того, удастся ли после войны избегнуть подавляющей немецкой конкуренции.

В России же он дошел уже почти до конца.

Русский кредитный билет уже начинает выполнять ядовитое предсказание, сделанное проф. И. Х. Озеровым на Московском совещании: на него можно безотказно покупать только одно — заем Свободы, т. е. обменивать беспроцентный государственный вексель на процентный, причем, однако, проценты имеют выплачиваться теми же негодными рублями.

При этом не могу не удивляться, когда слышу, как умеренные круги обвиняют в этом провале денежного обращения большевиков, как они негодуют,

что красногвардейцам платится чуть не по 100 руб. в день.

Точно большевики, а не шедшее покорно по указке меньшевистского Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов Временное правительство увеличило денежное обращение в России с 8 миллиардов в феврале до 18 миллиардов в октябре?

Разве большевики, а не «буржуи» — Терещенко и Шингарев побоялись в ответ на первое же требование прибавок ответить властным: non possumus?

Разве большевики не осмелились на первую же угрозу забастовкой ответить: Бастуйте! Все равно, если удовлетворять ваши требования, вся Россия рано или поздно забастует... из-за краха.

Разве большевики, а не кто-то другой, не имел гражданского мужества крикнуть громко, что из пустой казны прибавок быть не может, что за эти прибавки может расплатиться только мужик?

Разве не меньшевистский министр труда М. И. Скобелев в своей знаменитой московской речи, вдохновляя рабочих на новые «требования», восклицал, что правительство обложит промышленность в 100% прибыли и при том еще оболгал финансовую науку, будто «она знает, как это сделать», когда она, наоборот, категорически отвергает такую возможность?

Разве большевики со спокойной совестью подготовляли фактическое банкротство России и разве это они начали утверждать, что это коснется только богатых?

Разве они скрывали от народа, что неплатеж по займам, или платеж по ним обесцененным рублем, заставит закрыться все благотворительные, учебные и ученые учреждения, эмеритальные и пенсионные кассы, существующие за счет разных пожертвованных и собранных по грошам капиталов? Разве они не объяснили, что в частных руках русских займов

мало, а что они либо в таких учреждениях, либо в запасных капиталах промышленности, которая, лишившись их, погибнет под напором богатой, могущественной заграничной промышленности?

Разве большевики пустили в оборот мысль о том, что за войну должны заплатить «богатые», т. е. держатели русских государственных займов, и что тогда народу будет легко? Будто переложение 60 миллиардов долга России со всего народа на его часть вернет России все то имущество, которое было куплено за эти деньги и уничтожено! Точно от этого прибавится жизненных благ на Руси!

Пора бы бросить эти взаимные обвинения и начать искать делового выхода из наделанных глупостей и преступлений[1].

Совершенно очевидно, что экономическому возрождению России должно предшествовать урегулирование ее денежной системы. Надо изъять из обращения ненужные ему рубли. Для этого, при том состоянии денежного обращения, до какого дошла страна, есть уже только один путь: надо подражать купцу, запутавшемуся в долгах. Обоим остается для того, чтобы начать новую жизнь, только одно — сломать рубль.

Это же должна сделать и Россия, ибо в страны с неустойчивой валютой иностранный капитал не идет, и идти не может. А без иностранного капитала для Россия спасения нет, ибо трезвые люди в пришествие социалистического рая в наши дни верить не могут. Пока он придет, Россия рискует вымереть с голоду и наводнить мир миллионами штрейкбрехеров, не находящих дома заработка и хлеба.

[1] А со стороны «буржуйных» министров «раздача» была настоящим преступлением: они-то ведь знали, к чему она приведет, оправдания невежеством у них нет.

Это тоже представляло бы собою великую мировую опасность, и предупредительные против этого меры, конечно, будут приняты.

Для мирового хозяйства важно, чтобы большинство русских людей находило работу дома.

Для этого, как я уже говорил, один путь — широкое привлечение иностранного капитала.

Однако этому приходу иностранного капитала, кроме расстроенного денежного обращения, есть еще другое существеннейшее препятствие — это большевистские попытки отмены, вернее, нарушения права собственности, пресловутая национализация, муниципализация, ограничение права распоряжения текущими счетами, рабочий контроль, ничем не ограниченный, и т. п.

Все эти меры, конечно, подлежат отмене или ограничению, дабы капитал мог пойти в Россию работать.

Но тут положение России осложняется до невероятия и для нее являются в связи с этим крупнейшие опасности чисто политического свойства.

Жизнь властно требует отмены всех этих мер. Но кто же в России может их отменить? Ведь они правоверно-социалистические, а вся Россия — социалистична?

Меньшевики прежде могли с пеною у рта доказывать неблаговременность этих мер. Но как же они могут их отменить, когда они проведены в жизнь, вернее, прокламированы, кем-то другим, раз все они стоят ведь и в их меньшевистской программе?

Как могут они устранить этот грандиозный конфликт между ясным требованием жизни и теорией, исповедуемой с почти религиозным воодушевлением?

Для таких действий, разрушающих как будто свой собственный идеал, требовался бы государственный гений и смелость, которые едва ли есть основание

заподозрить у наших умеренно социалистических партий. Ведь если бы эти качества у них были налицо, то как бы кучка большевиков могла захватить, вернее, вырвать власть у умеренных?

При всех этих условиях не может у всех социалистических партий не закопошиться потаенная мысль: а что если бы явился такой человек или такие люди, которые силой, против нас, осуществили бы эту отмену? Ведь тогда у нас явится возможность сохранить лицо. Ведь мы в состоянии будем говорить, что в России социализм не осуществился не потому, что мы преждевременно взялись за его пропаганду и введение, а потому, что нам помешали довести дело до конца, что нас сразила грубая сила. Мы сохраним хотя за собою возможность и моральное право вновь подойти к народным массам тогда, когда к тому придет время.

Стоит, однако, такой — увы, весьма с партийной точки зрения естественной — мысли зародиться, чтобы любой узурпатор оказался перед необходимостью справиться только с видимостью сопротивления, а не с действительным сопротивлением.

Но всякая реакция тупа и легко может случиться, что Россию этот узурпатор заведет в такие дебри дикости и обскурантизма, из которых нации уже не под силу будет более выбраться. И превратится она подлинно в Dungervolk для немцев и других.

Ведь не новой, насильственно навязанной, власти понять, что нацию надо подготовлять к будущему социалистическому строю, что необходим непрерывный социальный прогресс, что только непрекращающаяся работа в этом направлении может оберечь нацию хотя в будущем от повторной попытки пойти за quasi-социалистами, которые ныне ее привели к позору и гибели, что источник этого позора именно в том и лежит, что самодержавие не хотело призна-

вать неизбежности социальных перемен, их боялось и с подготовкой их боролось.

У узурпатора будет другая, более жгучая задача — закрепить свое положение, и ради нее он легко может совсем забыть про исторические перспективы и задачи народа.

Всего этого Россия могла избегнуть.

Но все это нависло над ней почти с роковой неизбежностью только потому, что она захотела обогнать время.

И теперь вся политически мыслящая и рассуждающая Россия стоит перед неразрешимой задачей: как развязать проклятый узел, завязанный большевиками?

Удалить их теперь, после позорного мира, стоило бы ничтожных усилий.

Но кто возьмет справиться с их наследием?

Сбываются предсказания, которые делал Плеханов, да и все разумные люди. Большевики дотянули маятник влево до предела. Кто теперь его удержит от полета вправо? Где он остановится?

И таких богатырей не видно. Либо нет их, либо задача — сверх человеческих сил.

Для социалистических партий она, во всяком случае, непосильна.

И вот вся Россия с трепетом и ужасом ждет...

Кто он?

Откуда он придет?

В какую бездну унижения, разочарования и страданий он нас еще ввергнет?

Или выведет на светлый путь?

Когда контрреволюции не было и в помине, когда ею можно было только пугать, как детей букой, с нею боролись и... делали все, чтобы она стала реальностью.

Спросите себя, что еще можно сделать, чтобы помочь контрреволюции?

Чего не хватает, чтобы она пришла чуть не завтра?

Разве кандидата в Бонапарты... пока Вильгельм сам не выставил своей кандидатуры.

Кто не недоволен на Руси?

Впору вспоминать забытую песню Некрасова.

Похоже, что недоволен даже сам новый «правящий класс», ибо когда же счастье рождало ненависть? А ненависть в нем через край льется.

Брошено чудовищное обвинение: «буржуи» мечтают о приходе немцев.

И обвинителям не приходит в голову: какие ужасы надо было натворить, чтобы *русская* интеллигенция, с ее-то любовью к народу, с ее готовностью к самоотречению, к пожертвованию всех своих интересов, даже жизни, этому народу, могла додуматься до мечтаний об иноземном захвате России?

Люди не понимают, что в этом облыжном обвинении — самое тягчайшее осуждение нынешним властителям России, что говорить о классовом интересе русского студенчества, русских ученых, писателей, даже большинства политиков, как Шингарев, Кокошкин и тысячи других, может или безумец, помешавшийся на немецких книжках, или лжец заведомый.

Ибо всякий человек разумный и честный знает, как русская интеллигенция десятилетия всю себя отдавала народу, никогда ничего от него не требовала, стыдилась своих преимуществ, без боя готова была их отдать.

И не за себя она болеет сейчас, а за простой народ, который книжники и фарисеи обманом заводят в самую глубину падения и рабства.

Трагедия русского народа проистекла из того, что он, как народ молодой, в делах государственных неискушенный и в то же время вконец измученный

бездарным управлением умиравшего самодержавия, возымел дерзновенную мысль разом покончить со всеми вековыми страданиями, одним ударом порешить со всеми волновавшими его вопросами, одним взмахом творческой энергии разлить счастье на земле.

Вожди же народные забыли, что истинное служение демократии состоит не в том, чтобы ей льстить, а чтобы говорить народу правду, хотя бы самую горькую, но только правду.

Вместо того чтобы удерживать народ от беспочвенных мечтаний, от необоснованных надежд и упований, они рисовали перед ним перспективы, одна заманчивее другой, ставили перед ним задачи, одна грандиознее другой. Проблемы мирового порядка выдвигались чуть не десятками, хотя каждой из них хватило бы на десятки лет упорного труда и творчества народного.

Трудности и препятствия скрывались, а обещания счастья лились рекой.

Мудрено ли, что народ при этом постигали одна неудача за другой, одно разочарование за другим?

Хотели прекратить мировую бойню «честным», «хорошим» миром, а получили позорнейший в истории разгром и унижение.

Хотели ускорить введение социализма и скомпрометировали его, как никто.

Ну разве можно спорить о том, что ужасающий результат русской попытки социальной революции, нестерпимые страдания, принесенные ею,— не буржуазии — а самым широким народным массам, разбудили во всем мире энергию сопротивления буржуазных классов и внесли смущение в ряды классов трудовых?

Хотели упразднить навеки войну и возродили такие причины ее возникновения, с которыми, казалось бы, уже давно было покончено.

Ведь не подлежит же сомнению, что прогресс человечества, действительное средство к уменьшению поводов для войны лежит в сокращении числа «внутри замиренных» групп.

Род, племя, народ, государство, федерация государств, всемирная республика — вот ведь этапы развития человеческого общества.

Несомненно, ближайшим шагом вперед должно было быть устранение таких нелепых явлений, как, например, 10 государств Южной Америки, слияние латинских государств Европы между собою, а затем с объединенными германскими и славянскими народами, наконец, слияние различных рас.

А что сделала Россия?

Породила целый ряд новых мелких государств, в самом существовании которых заложен источник новых распрей, новых массовых убийств.

Вместо мощного броска вперед — резкий регресс.

Хотели обожествить идею демократии и уготовили величайшее торжество самой ужасной автократии, какую только знал мир.

Обещали богатство и довольство бедняку и родили такую нищету народную, которая не сегодня-завтра вызовет массовую голодную смерть и вырождение миллионов от прямого недоедания и сверхсильной работы[1].

И стоит русский народ у разбитого корыта несбывшихся мечтаний, обманутых надежд, и черной тучей заползает уже в его душу мрачное, беспросветное отчаяние.

---

[1] Пуд черной муки дошел уже в декабре до 24 руб. Рубль явно кончается. Кончается поэтому и все якобы социалистическое пирование. Жизнь ясно показала, что экономику насиловать нельзя: она мстит автоматически. Захотели платить за труд, вопреки всей экономической конъюнктуре, вместо 2 руб.— 20 руб. и получили только одно — что 20 руб. превратились в 2 руб. Будут платить 200 руб. и 200 превратятся в 2 руб., а то и в 1 руб. Вероятно, будет сделана еще попытка выпустить «новые» рубли, но результат будет тот же. Спасение России в труде, в производстве, и только в них. Никакая «раздача» спасти ее не может.

Ибо такие удары, такие разочарования непосильны ни одному народу, а того менее — народу русскому с его органической способностью только к взрыву энергии, но никогда — к выдержке и настойчивости в достижении целей.

В течение одного года пережить крах 300-летнего режима, крах интеллигенции и крах социалистического эксперимента — это было бы сверхсильно и для нации с бо́льшим запасом гражданственности, с бо́льшей выдержкой и характером, чем у русских людей.

Россия же под этим бременем национальных неудач изнемогла окончательно.

Отсюда и царящие сейчас в России отчаяние, уныние, безразличие и подавленность.

Отсюда и торжество в ней нынешнего «режима» беспардонного нахальства.

Надежда над Россией забрезжила в тот день, когда начался поход в глубь России.

Не раз бывало, что *такой* удар заставлял Русь встрепенуться, сбрасывать с себя дьявольское наваждение и вытягиваться во весь богатырский рост.

Но то ведь бывал враг внешний, а сейчас он внутренний — мозги русские забились вредными для России теориями. Ведь есть, значит, еще слушатели, если даже в такие дни Ленины могут все еще говорить о какой-то помощи германского пролетариата. Значит, не сошел еще туман. А разве с больной головой распутать русскому народу величайшую беду, которая когда-либо сваливалась на него за всю его историю?

Как он поймет, что *спасти его от рабства немцам и неминуемой реставрации и реакции может только сильное, твердое, национальное, а не партийное правительство? Правительство, которому дорога*

была бы свобода и Россия, а не сектантские выдумки и бессовестные самолюбия?

Читателя может удивить, почему в дни особо обостренного интереса всего мира к вопросам высокой политики и морали, я на них, в поисках путей, по которым могла бы пойти Россия, почти не останавливаюсь, а уделяю преимущественное внимание вопросам экономическим, даже узко хозяйственным.

Для этого у меня есть две причины.

Первая лежит в том, что наши, казалось бы, ультраматериалистические — ибо социалистические — партии тщательно обегают деловое[1] рассмотрение выдвигаемых жизнью вопросов хозяйственного порядка.

Между тем в материальном кризисе, переживаемом Россией, эти вопросы приобретают все более актуальное значение, начинают становиться решающим фактором в деле «высокой» политики — ведь голод, созданный неудержимым экспериментаторством далеких от жизни теоретиков, всегда и всюду был сильнейшим аргументом для решения самых запутанных вопросов.

Мы видели выше, как проблема урегулирования расчетного баланса с неумолимой логикой приводит Россию к необходимости отказа от торжественно провозглашенной национализации разных частных имуществ, а проблема развития производства и к отказу уже от всех остальных эфемерных «завоеваний» социалистической мысли.

Недаром ведь гнев всех умеренно социалистических, т. е. разумно прогрессивных элементов, давно

---

[1] Попытки разрешения экономических проблем полицейски-насильственным путем, о которых приходится читать чуть не ежедневно, конечно, ничего «делового» в себе не заключают. Это не экономическая политика, а экономическое хулиганство.

уже с действительно буржуазных и откровенно реакционных слоев перенесен на занесшихся в облака близких по идее товарищей-максималистов.

Меньшевики и прочие умеренные элементы совершенно отчетливо представляют себе, что проигранный ими, по существу узкопрактический, спор с большевиками о подходящем моменте для начала социалистического опыта завел все социалистические партии в безысходный жизненный тупик.

Выход рисуется только один — в появлении какого-то суперарбитра, который избавил бы умеренные элементы от odium'а разрушения их собственными руками их же собственных идеалов, только неблаговременно воплощенных в жизнь и потому для жизни практически неперевaримых и неприемлемых.

Однако весь опыт истории учит, что такой арбитр всегда проявляет тенденцию оказываться tertus gaudens'ом, который весь спор кончает тем, что уничтожает обе спорящие стороны и заботится только о своих личных интересах.

Этот вывод, с полнейшей неопровержимостью вытекающий из делового рассмотрения чисто практических вопросов экономической жизни страны, подводит твердую базу под интуицию умеренных партий, которые, путем исторических справок и чисто логических рассуждений, в свое время приходили к предсказанию, что большевики фатально приведут Россию к восстановлению монархии.

Может явиться вопрос, да зачем же доказывать ссылками на практическую жизнь то, что поддавалось предсказанию чисто теоретическим, абстрактным рассуждением.

В том-то и ценность этих доказательств, что они, во-первых, не дают возможности победы для более сильных диалектиков — ведь против жизненного факта всякая диалектика бессильна, во-вторых, устраняют всякую попытку свалить вину в происшедшем

крахе на насильственное действие какой-то грубой силы — эта сила рождается требованием жизненного факта, а не сама его создает и, в-третьих, они заставят, быть может, русскую общественную мысль начать, наконец, с бóльшим уважением относиться к жизни и деловому ее пониманию, перестать, проповедуя якобы материалистические доктрины, витать в облаках, со всеми присущими этому занятию опасностями.

Тут я вплотную подхожу ко второй причине, заставляющей меня с особым вниманием останавливаться на вопросах хозяйственно-экономических.

Я считаю, что сейчас союзники проходят через полосу величайшего риска для всего их будущего.

Вытекает эта опасность из того, что союзники также недооценивают значение вопросов узкохозяйственных, материальных.

Они совершенно забыли действительные военные цели Германии, вернее, ее единственную военную цель.

Германия начала войну только ради обеспечения за своей гипертрофированной промышленностью рынков сбыта и сырья.

Все остальное для нее аксессуар, не имеющий значения. Удастся чего-нибудь еще добиться в области чистой политики — хорошо, не удастся — тоже хорошо. Лишь бы только была достигнута основная «купеческая» цель войны — завоевание рынков.

Начала она войну именно в 1914 г. только потому, что именно к этому сроку Россия проявила недвусмысленное намерение отказаться в 1917 г. от возобновления кабального торгового договора с Германией. Чтобы иметь возможность в 1917 г. солидно аргументировать это свое нежелание быть в экономической зависимости от Германии, Россия, с одной стороны, идейно восприняла возможность союза со своим же недавним врагом — в то же время глав-

ным врагом Германии — Англией и провела через Государственную думу т. н. большую военную программу, по которой в 1917 г. русская армия должна была достигать $2^1/_4$ млн штыков в мирном составе.

При таких условиях Германии оставалось одно из двух: или расстаться навсегда с мечтами о мировом господстве[1], либо начинать пресловутую превентивную войну, ибо дальше шансы на победу могли только падать.

Что в этом чисто «деловом» решении «кровожадность» кайзера, о которой так много говорилось, ровно ни при чем, показывает с неоспоримостью простая историческая справка.

В 1904 г. разбить Россию стоило бы Германии минимальнейших усилий. Все силы России были отвлечены на Дальний Восток, запасы снарядов почти целиком были истрачены, с Англией она находилась в полувойне.

И, однако, Германия России войны не объявила, ибо Россия сдалась без боя. Россия пошла навстречу основным желаниям Германии и открыла свои пределы для немецкой эксплуатации. Какой смысл был при таких условиях рисковать хотя одной каплей крови померанского гренадера?

В 1914 г. положение радикально изменилось. Германская промышленность за 10 лет еще более выросла, потребность в обеспечении рынков усилилась колоссально, а Россия проявила явное намерение бунтовать.

Оставалось или подчиниться, рвать со всеми мечтами, или воевать.

Германия избрала второе.

Началась самая откровенно разбойничья, «купеческая» война, какую только знала мировая история.

---

[1] Характерно для этих мечтаний, что немцы уже давно называют свой Берлин не иначе, как Weltstadt Berlin.

Союзники такой цинически откровенной постановки вопроса принять не могли, против этого вопияла вся их психология, вся сохранившаяся в этих странах любовь к принципам, вся народная эстетика, всё чувство уважения к человеческой личности.

Недаром ведь даже Англия — главный враг Германии, экономическое соперничество которой с немцами уже давно было основной осью мировой политики,— и та *не могла* объявить Германии войны, пока не произошел *политический факт* нарушения нейтралитета Бельгии, оскорбивший чувство лояльности английского народа и подведший под *его* участие в войне идейное обоснование.

Война перестала в глазах англичан носить характер чисто коммерческого предприятия, в котором, однако, поставлены на карту миллионы человеческих жизней.

Предстоявшие жертвы кровью были освящены и оправданы идеей.

Впоследствии политические задачи, которые должна была разрешить война, нанизывались одна на другую и все больше и больше отодвигали на задний план основной вопрос — вопрос о рынках.

Для союзников идейность войны была важна психологически — они только ею поддерживали дух своих народов.

Но это нежелание признавать открыто, что союзники тоже дерутся из-за рынков[1], но только не агрессивно, что они только не хотят превращать свои страны в немецкие рынки или уступать немцам ранее завоеванные ими рынки в других странах, конечно, не могло остаться без вредных последствий.

[1] Любопытно отметить, что Вреден, профессор политической экономии Петроградского университета, еще сорок с лишком лет тому назад доказывал, что все будущие войны будут вестись из-за рынков.

И недаром Германия так приветствует союзническую идейность войны, так охотно заводит разговоры на принципиальные темы.

Ведь в блеске таких идей, как свобода народов всего мира, самоопределение народностей, восстановление попранного права, уничтожение вооружений, уничтожение войн, справедливость как основа международных решений, вопрос о рынках, в сущности только и вызвавший войну, стушевывается, получает какое-то третьестепенное значение.

И Германия получает возможность сделать красивый жест — согласиться чуть не на все политические требования союзников, лишь бы осталась незатронутой эта маленькая подробность торговых договоров, рынков сбыта и сырья.

Какими силами правительства союзных стран заставят свои народы дальше драться, проливать свою кровь, если в тех вопросах, которые они выдавали за главные, Германия уступит?

И Германия это отлично понимает, она старательно поддерживает спор в сфере вопросов высшей политики. Она торгуется, хочет получить что-то и в области политики, но это в ее понимании своего рода несчитанный супердивиденд.

Свою войну она не без основания считает уже выигранной, ибо ей удалось затемнить сознание союзных народов, и единственный для нее важный, кровный вопрос о рынках она себе обеспечила.

В этом вопросе Германия единодушна. Из-за него она будет драться до последнего.

Он ясен как императору, так и последнему рабочему. Из-за него-то германская династия продолжает быть поистине национальной, ибо она сумела понять, сформулировать и провести в жизнь основную цель германского народа, цель, понятную и дорогую и промышленнику, и юнкеру, и рабочему.

Из-за этого и толки о революции в Германии несерьезны. Там нет того полного разрыва между династией и народом, какой был в России. У кайзера и народа — общее знамя, общий язык.

Рабочие могут бунтовать против недостаточной прогрессивности внутренней политики кайзера, но где и когда они заявляли о своем несогласии с его империализмом? Где и когда они отказывались от захвата рынков?

По этой причине и бунт в Германии не может быть ни серьезным, ни успешным: полного разрыва не только нет, наоборот, царит полное согласие в определении основных задач нации.

Совсем не то в союзных странах, особенно в России.

Там смысл войны тщательно скрывали от себя с самого ее начала.

Когда в августе 1914 г. я пытался провести изложенные выше мысли в русской прессе, то ни одна газета не рискнула их поместить, мотивируя свой отказ тем, что их основная позиция — что война для России есть война за освобождение малых народностей, за свободу мира от германского милитаризма.

Когда в 1915 г. я докладывал те же мысли в комитете Государственной думы, то я добился некоторого их признания только после того, когда я поставил председателю в упор вопрос: «А что, если Германия согласится на все ваши политические требования и, взамен, потребует только одного — возобновления на 25 лет торгового договора 1904 г., согласитесь вы подписать такой мирный договор?».

Родзянко с живостью мне ответил: «Ну, конечно, нет!».

Этим он устанавливал, что для России есть в войне *нечто* более важное, чем вопрос о Галиции, о Сербии, о милитаризме и т. д. Это — вопрос об обеспечении ее экономической независимости.

Это признание тем более было характерно, что Родзянко — помещик-интеллигент, следовательно, в русских условиях далеко не друг промышленности.

Беда для России была в том, что это сознание копошилось где-то очень глубоко, не было отлито в ясную форму. И поэтому не было и не могло быть никакой энергии в отстаивании этого кровного интереса России.

Ныне даже самое сознание коренной важности вопроса, по-видимому, утрачено. Нестерпимая боль отторжения Польши, Литвы, балтийских провинций, контрибуции, вмешательства во внутренние дела совершенно притупляет всякое внимание к вопросам экономическим и поэтому в виде какого-то малозначащего примечания: «и возобновление договора 1904 г.» проходит, почти незаметно ни для кого, экономическое порабощение России.

Совершенно в том же положении и все союзники.

Не сегодня-завтра они рискуют быть поставлены в необходимость за поднесенную им Германией чечевичную похлебку чисто политических уступок отдать ей свое экономическое первородство.

А это будет закладкой прочного фундамента для будущей политической Weltmacht Германии.

Ничем не стесненная на 10—20 лет вперед в торговом захвате мира, она за этот период подготовит и политический захват власти над миром.

И не видно, в чем могло бы быть спасение от этой надвигающейся беды.

Пожалуй, единственной надеждой — не для России только, а для всего мира — было бы такое экономическое развитие России, которое затмило бы Германию.

Если бы Россия, с ее несметными богатствами, со смышленым, талантливым, трудоспособным населением, сбросила с себя свою вековую лень, откинула несуразные фантазии, привычку к болтовне и зале-

танию в облака и принялась за реальную работу, то, конечно, она за немного лет покрыла бы мировой недостаток товаров и развила бы такую экономическую мощь, перед которой мощь Германии стушевалась бы быстро.

Но возможно ли это?

Поэт сказал:

Умом Россию не обнять,
Ее аршином не измерить,
У нее особенная стать:
В Россию можно только верить.

И все существо бесконечно любящего родину-мать сына рвется во мне к этой вере.

Хочется верить, что великая работа мысли народной за время этой поистине Великой революции оставит свой глубокий след, что прежнее бездумное прозябание народа немыслимо.

Хочется верить, что неудачи, вызванные главным образом сверхсильностью поднятого народом подвига, не убьют вконец его энергии и веры.

Но скептицизм делового человека, неумолимая логика говорят: тяжелые грядут для России времена.

Обессилена она вконец материально, разбит, унижен ее дух, больны ее ум и сердце.

А союзники, недавние друзья, не хотят понять, что их судьба неотделима от судьбы России.

Их помощи не видно.

А свои силы — где они?

Где люди-вожди, где идеи-светильники для народа? Не фейерверк фраз, а деловая программа жизни?

Граждане! Думайте о России!

Нью-Йорк, Plaza Hotel.
20 февр. 1918.

P. S. — Пока переписывалась и набиралась моя брошюра, произошли события величайшей важности.

Я разумею, конечно, не формальное заключение большевиками мира с Германией и даже не вспыхнувший было вопрос об японской экспедиции на Дальний Восток, а: 1) совершенно ясно для всех начавшийся процесс торгового захвата России немцами и, параллельно с ним, реставрационные намерения в отделенных от России областях и 2) явно выдвигаемую немцами новую платформу для мира с союзниками — замену формулы Берлин—Багдад формулой Берлин—Владивосток при одновременной готовности поступиться всякими интересующими союзников политическими идейными «побрякушками» и даже более существенными величинами, как Палестина, Месопотамия и т. п., вплоть до Эльзаса-Лотарингии включительно.

Мирный договор, подписанный в Брест-Литовске, военной обстановки почти не изменил: ведь русской армии, как таковой, не существует уже с июля прошлого года.

Невыносимый позор, запечатленный в мирном договоре, может сыграть даже добрую роль — послужит к возрождению угасшего воинского духа, к созданию новой военной силы в России, проникнутой сознательным патриотизмом.

Разговоры о возможной японской экспедиции, несомненно, также оказали свое действие в этом направлении. Русская народная гордость начинает просыпаться. Кажется, это уже тот гром, после которого русский мужик должен начать креститься.

Нельзя, однако, скрывать и отрицательной стороны этих разговоров: они, вне всякого спора, задержали падение большевистского правительства

действием изнутри[1] и дают большевизму некоторую надежду «спасти лицо» ссылкой на мифический всемирный заговор капиталистов.

Но все эти факты меркнут перед значением начавшегося «мирного проникновения» Германии в Россию. Это уже касается не 26% отторгнутого от России населения, а всей России в совокупности, больше того, касается всего мира.

Ряд телеграмм указывает совершенно неоспоримо, что существовавшее здесь убеждение, будто Германия экономически истощена, что ей «нечего» продавать России, не имеет оснований. Волна германских товаров *уже* полилась в Россию, *со всеми вытекающими отсюда последствиями.*

Завершивши политическое отторжение от России ряда областей, Германия переходит к экономическому захвату остальной России в чаянии, разумеется, также и политического ее порабощения, но только в будущем.

При этом в политически захваченных областях вопрос о монархической реставрации поставлен вполне конкретно. Великий князь Финляндский, герцог Курляндский, король Польский, Великий князь Литовский — все эти новые немецкие чиновники высокого ранга должны родиться не сегодня-завтра. Не сегодня-завтра будет и набор.

Но что особенно характерно, так это то, что не слышно ни о каком, сколько-нибудь серьезном, противодействии населения этих областей попыткам наградить их новыми царьками. Наоборот, находятся в них элементы, приветствующие такое решение их судьбы.

Очередь за Украиной. Но нечего сомневаться, что и за ней дело не станет. Недаром ведь австрийский

---

[1] Едва ли они не заставили многих противников большевиков повременить выступлением против них, чтобы на них лег и этот позор, а не один позор сепаратного мира.

эрцгерцог, убитый в Сараеве, еще задолго до войны примерял запорожские шаровары и учился говорить по-украински.

Батумская, Карсская и Карабахская области так даже прямо возвращены «под султана».

Передача этих областей Турции в высокой степени знаменательна. Это — явная компенсация за те уступки, которые имеют быть предложены союзникам за счет той же Турции. Это — цена Месопотамии, Палестины и Сирии, и цена неплохая, ибо от Карса прямой беспрепятственный ход на Тифлис, а из Карабаха — в Баку. Перспектива — богатейшая для нищей страны падишаха.

И этот выдвигаемый «обмен» проливает яркий свет на существо тех «неожиданно крупных» уступок союзникам, на которые-де готова Германия и намеки на которые неоднократно прорывались в германской прессе.

Ясно, что Германия готовится великодушно пожертвовать столь пугавшей воображение союзных стран формулой: Берлин—Багдад, лишь бы только ей предоставили беспрепятственно бороться с «мировой инфекцией», с «опасным всему миру беспорядком» на протяжении между Берлином и Владивостоком или хотя бы Иркутском.

При этом, с весьма благоразумной предосторожностью, Германия отнюдь не поднимает вопроса о формально политическом подчинении не завоеванной еще России. Такая «аннексия», конечно, всех бы отпугнула, а по существу она Германии не нужна: ведь «мирное проникновение» в Россию, лишенную всех морских портов, с разрушенной промышленностью, с разоренными финансами и *перебитой интеллигенцией*, даст Германии решительно те же самые результаты.

Весь ужас *такого* решения мирового конфликта заставляет всех, и русских людей, и союзников, с трепетом ставить вопрос: «Что же делать?».

Русским людям ответ, мне кажется, простой: пора демобилизовать не только развращенную армию, но и развращенные языки, и мобилизовать разум, совесть и энергию народную.

Пора понять, что улица, грязная, обнаглевшая улица — не нация.

«Вожди», авторитетные в глазах только этой улицы и не признаваемые и презираемые всем остальным миром, и врагами, и друзьями,— не вожди нации и спасти страну не могут.

Союзникам ответ тоже простой.

Россия вышла из рядов потому только, что она обнищала вконец.

И вернет ее в боевые ряды тот, кто извлечет ее, поможет ей выйти из этого ужаса надвинувшейся на нее нищеты, рабства, голодной смерти.

Вне помощи какого-то иностранного капитала для России спасения нет.

И германский капитал изъявляет полную готовность «спасать» Россию, под защитой немецкого шуцмана. Чем кончится это спасение — ясно.

Германский милитаризм — фактор служебный. Даже сломивши его, мы от агрессивности Германии не избавимся.

Агрессивен в основе, по самой природе своей,— германский торгово-промышленный капитал, это он командует германскими армиями, и он не перестанет быть агрессивным и после того, как замолкнут пушки на боевом фронте и *кто бы кого ни заставил прекратить стрельбу.*

Германская угроза может быть устранена теми средствами, которыми она действует.

Германия кончила военное нашествие на Россию и начала нашествие экономическое. Поэтому и бо-

рющимся против Германии надо взять в руки на Восточном фронте это новое оружие.

Речь идет не о том, чтобы поставить государственные ресурсы Стран согласия и, в частности, Америки в распоряжение промышленной инициативы, как это делала и делает Германия, а чтобы потребовать национальный промышленный капитал, национальную промышленную энергию на великое служение величайшим задачам политики государства, послать их бороться с немецким врагом с не меньшей энергией и с не меньшим риском, чем это делают солдаты на фронте.

Надо никогда не забывать, что у России есть множитель — 180000000 и что с этим множителем можно одинаково выковать и величайшее счастье, и величайшие цели для всего человечества.

Порабощение России — первый шаг к порабощению всего мира.

Так да не будет этого!

22 марта. 1918 г.

А. Б.

АННОТИРОВАННЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Авксентьев Николай Дмитриевич (1878—1943). Родился в дворянской семье, учился в Московском университете, но за участие в студенческой забастовке в 1899 исключен. В 1900 уехал в Германию, где завершил образование в Гейдельбергском университете. Доктор философии. Один из лидеров правого крыла партии социалистов-революционеров (эсеров), член ее ЦК с 1907. Участник революции 1905—1907, вице-председатель Петербургского совета рабочих депутатов. После ареста сослан в Обдорск, откуда в 1907 сбежал за границу. В Париже один из редакторов центрального органа партии эсеров «Знамя труда», сотрудник ряда журналов. В годы Первой мировой войны занял оборончеcкие позиции и содействовал созданию добровольческих отрядов из российских политэмигрантов. После Февральской революции вернулся в Россию, кооптирован в состав Петроградского комитета партии эсеров и от него введен в Исполнительный комитет (Исполком) Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов (Петросовета). На 1-м Всероссийском съезде крестьянских депутатов избран председателем Исполкома Всероссийского совета крестьянских депутатов. С 24 июля по 2 сентября 1917 министр внутренних дел Временного правительства. 7 октября 1917 избран председателем Временного совета Российской Республики (Предпарламента). После Октябрьской революции активно боролся с советской властью, председатель Временного всероссийского правительства (Директории) в Омске. После военного переворота в Омске арестован колчаковца-

ми и выслан в Китай. С 1919 жил в Париже, с 1940 — в США. Издавал журнал «Современные записки» *97*

Александр I (1777—1825), российский император (с 1801) из династии Романовых. Старший сын императора Павла I. В детстве находился под сильным влиянием императрицы Екатерины II, которая хотела передать власть ему, минуя Павла I. В 1801 стал участником заговора против своего отца. При восшествии на престол заявил, что будет управлять страной по заветам Екатерины II. Он издал указы о праве покупки земли купцами, мещанами и удельными крестьянами; о «вольных хлебопашцах»; о запрете помещикам ссылать крестьян в Сибирь; осуществил крестьянскую реформу в Лифляндии и Эстляндии; принял решения об открытии университетов в Дерпте, Вильно, Казани и Харькове; основал Царскосельский лицей; по его инициативе издан первый в России цензурный устав; проведена реформа государственного аппарата: создан Непременный совет, а затем Государственный совет; введена министерская система управления; подписал конституцию образованного в составе России царства Польского — самую либеральную в Европе. При нем значительно расширилась территория империи. В ее состав вошли Восточная и Западная Грузия, Абхазия, значительная часть современного Азербайджана, Бессарабия, Финляндия. После Отечественной войны 1812 способствовал восстановлению монархии во Франции; в 1815 стал одним из основателей Священного союза, направленного против революционных движений в Европе *78, 102*

Александр II (1818—1881), российский император (с 1855) из династии Романовых. Старший сын Николая I. Осуществил отмену крепостного права и провел другие либеральные реформы (земскую, судебную, военную и др.), которые способствовали развитию частной инициативы и предпринимательства. С воцарением Александра II наступила «оттепель» в общественно-политической жизни. Император дал амнистию декабристам, участникам Польского восстания 1830—1831 и петрашевцам; ввел новый университетский устав, предоставивший этим вузам широкую автономию; отменил предварительную цензуру для книг и периодических изданий. Одновременно в обществе усилилось социальное расслоение, выросла

преступность. Во внешней политике продолжил политику территориального расширения и укрепления Российской империи. На жизнь императора был совершен ряд покушений (1866, 1867, 1879, 1880). 1 марта 1881 убит народовольцами *34, 78, 102*

Александр III (1845—1894), российский император (с 1881), из династии Романовых, второй сын Александра II. Сочетал политику консервативной стабилизации общества с курсом на интенсивную экономическую модернизацию страны. В сфере культуры, идеологии и национальной политики был усилен акцент на русскую национальную самобытность (в официальной печати, государственной символике, архитектуре). Значительно усилил борьбу с революционным движением. В начале XX в. в литературе его правление получило название эпохи «контрреформ», которые противопоставлялись «великим реформам» Александра II. Сам император считал, что он продолжил дело отца, приведя новшества в соответствие с российскими государственными традициями. Во внешней политике проводил прагматический курс на невмешательство в европейские дела при отсутствии угрозы чести и достоинству России. Отказался от традиционной дипломатии, ориентировавшейся на династические связи; стремился не допустить втягивания страны в военные конфликты *78, 102*

Алексеев Михаил Васильевич (1857—1918). Родился в семье солдата сверхсрочной службы. Окончил Тверскую классическую гимназию, затем Московское юнкерское училище (1876). Участник Русско-турецкой войны 1877—1878. В 1890 окончил Николаевскую академию Генерального штаба. Служил в 1-м армейском корпусе и Военно-ученом комитете Главного штаба. С 1898 профессор Николаевской академии Генерального штаба. В годы Русско-японской войны генерал-квартирмейстер 3-й Маньчжурской армии. В 1906—1912 обер-квартирмейстер Главного управления Генерального штаба и начальник штаба Киевского военного округа, затем командовал 13-м армейским корпусом. В годы Первой мировой войны начальник штаба Юго-Западного фронта, главнокомандующий армиями Северо-Западного и Западного фронтов. С 18 августа 1915 начальник штаба Верховного главноко-

мандующего, после Февральской революции — Верховный главнокомандующий (апрель—май 1917). Несколько дней после провала Корниловского мятежа вновь занимал должность начальника Штаба Верховного главнокомандующего. После Октябрьской революции переехал в Новочеркасск, где приступил к созданию так называемой Алексеевской организации — добровольческих военных формирований из прибывавших на Дон офицеров и юнкеров. В 1918 Верховный руководитель Добровольческой армии. Генерал от инфантерии (1914) *47, 72, 74, 75*

Алексей (Алексей Николаевич) (1904—1918), великий князь, сын Николая II, наследник российского престола *38, 49, 50*

Артаксеркс, персидский царь, правил в 465—424 гг. до нашей эры, из династии Ахеменидов. Сторонник сильной центральной власти *59*

Бадмаев Петр Александрович (Жамсаран) (1851—1920), врач тибетской медицины. Из семьи бурята-скотовода. Окончил восточный факультет Петербургского университета (1875), в 1876—1880 был вольным слушателем Петербургской медико-хирургической академии. В 1876—1893 служил в Азиатском департаменте МИД, был влиятельным лицом в придворных кругах. Разработал программу мероприятий по усилению влияния России в Китае, Монголии, Тибете. На правительственную ссуду организовал торговый дом «Бадмаев и К°». Торговым агентам в Китае было предписано вести агитацию в пользу российского императора. Выпускал на русском и монгольском языках газету «Жизнь на Восточной окраине». Перевел на русский язык руководство по тибетской медицине. Считался целителем. После Февральской революции в общественном мнении был одним из представителей «темных сил» монархии. Выслан на территорию Великого княжества Финляндского. После Октябрьской революции вернулся в Петроград, продолжил лечебную практику. Действительный статский советник (1902) *43*

Бейлис Мендель (1873—1934), киевский приказчик иудейского вероисповедания. Был ложно обвинен в ритуальном убийстве русского мальчика в марте 1911. Убийство первоначально расследовалось как обычное уголовное преступление. Но множественность ран на трупе (47) и

характер их расположения вызвал слухи о ритуальном характере убийства. Такая точка зрения была поддержана депутатами Государственной думы В. М. Пуришкевичем и Н. Е. Маркиным. Мнения экспертов на судебном процессе разделились. Суд присяжных констатировал ритуальный характер убийства, однако признал Бейлиса невиновным в преступлении (частное расследование, проведенное по инициативе адвоката А. Д. Марголина, пришло к выводу о причастности к преступлению другого человека). Следствие и судебный процесс вызвали значительный резонанс во всем мире и раскололи российское общество. После завершения судебного процесса эмигрировал *42*

Бернацкий Михаил Владимирович (1876—1943). Из дворян. Окончил Киевский университет (1898), слушал лекции в Берлине. В 1911 защитил магистерскую диссертацию. Преподавал политическую экономию в Петербургском политехническом и Петербургском технологическом институтах, Тенишевском училище. Член Вольного экономического общества. Сторонник усиления государственных начал в социально-экономической жизни России. После Февральской революции управляющий отделом труда в Министерстве торговли и промышленности. С конца июля управляющий Министерством финансов, с 25 сентября министр финансов Временного правительства. В октябре предложил принять закон, запрещающий вывоз капиталов за границу. После Октябрьской революции боролся с советской властью. В 1918—1920 был министром финансов в правительствах А. И. Деникина и П. Н. Врангеля. С 1920 в эмиграции *113*

Бисмарк Отто фон Шёнхаузен (1815—1898), князь, первый рейхсканцлер Германской империи в 1871—1890. Осуществил объединение Германии на прусско-милитаристской основе; укреплял господство в стране юнкерско-буржуазного блока; боролся с социалистами с одновременным осуществлением ряда социальных реформ. Один из организаторов Тройственного союза против России и Франции; при этом считал, что война с Россией была бы крайне опасной для Германии *104, 105*

Бонапарт (Наполеон Бонапарт) (1769—1821), французский император (1804—1814 и в марте—июне 1815), из династии Бонапартов. Уроженец Корсики. Выдвинулся в

период Великой французской революции. В ноябре 1799 совершил государственный переворот, став первым консулом и сосредоточив в своих руках всю полноту власти. В 1804 провозглашен императором. Установил диктаторский режим, отвечавший интересам французской буржуазии. В результате победоносных войн значительно расширил территорию империи, поставил в зависимость от Франции значительную часть государств Европы. Поражение в войне 1812 против России положило начало крушению Французской империи. После поражения при Ватерлоо от войск антифранцузской коалиции был сослан на остров Св. Елены *146, 160*

Борисов Иван Николаевич (1858—1928). Из мещан. Окончил в 1884 Институт инженеров путей сообщения Александра I. Поступил на службу во Временное управление казенных железных дорог. Был командирован на Московско-Курскую, затем Екатерининскую ж. д. Работал начальником 4-го участка Службы пути, руководил работами по постройке пассажирского здания и устройством водоснабжения на ст. Ясиноватая. В дальнейшем занимал разные должности на Балтийской, Псково-Рижской, Ивангородо-Домбровской, Привисленских, Полесских, Сибирской ж.д. В 1910—1912 начальник Средне-Азиатской ж. д. С 1912 управляющий эксплуатационным отделом Управления железных дорог МПС, с 2 мая 1914 начальник этого управления. Одновременно с 1913 член Инженерного совета МПС. В феврале 1916 уволен по состоянию здоровья со всех должностей, но уже в ноябре того же года назначен председателем Комиссии о новых ж. д. Был членом Особого межведомственного совещания для разрешения вопросов об устроении и развитии Русского Севера. Под его руководством разрабатывался 5-летний план железнодорожного строительства. В 1916—1917 товарищ министра путей сообщения. 6 марта 1917 уволен со службы. После Октябрьской революции поступил на службу в Высший совет народного хозяйства. 16 апреля 1920 назначен начальником Главного управления путей сообщения НКПС. С ноября 1921 главный начальник путей сообщения, с мая 1922 одновременно начальник Трансплана НКПС. В августе 1923 назначен заместителем наркома путей сообщения. С января 1926 одновременно председатель Межведомственной комиссии по новым путям сообщения при

НКПС. В 1927 избран членом ЦИК СССР. Тайный советник (1915) *45*

Валуев Федор Михайлович (1869—1917). Из дворян. Окончил Институт инженеров путей сообщения императора Александра I (1881). Воинскую повинность отбыл в лейб-гвардии Финляндском полку. Служил в Тамбовском дворянском собрании. Начал службу в МПС в 1888 инженером для технических занятий Департамента железных дорог. В 1890—1894 в Главном обществе российских железных дорог. С 1894 заведующий конторой Службы движения Николаевской ж. д. В 1896 командирован на строительство Средне-Сибирской ж. д., с 1898 ее начальник. С 1900 помощник начальника Московско-Курской, Нижегородской и Муромской казенных ж. д. В 1902—1905 начальник Московско-Ярославско-Архангельской ж. д., в 1905—1907 начальник Санкт-Петербурго-Варшавской ж. д., с 1907 и. д., затем начальник Северо-Западных ж. д. Убит в дни Февральской революции. Гофмейстер (1916), действительный статский советник (1905) *46, 50*

Верховский Александр Иванович (1886—1938). Родился в дворянской семье. Учился в Пажеском корпусе, но в 1905 исключен за либеральные взгляды. Служил в Гельсингфорсе. В 1911 окончил Императорскую Николаевскую военную академию. Продолжил службу в финляндских стрелковых бригадах. В Первую мировую войну служил на штабных должностях в различных воинских частях. После Февральской революции избран товарищем председателя Севастопольского совета рабочих и солдатских депутатов. В мае—августе 1917 командующий войсками Московского военного округа. Не поддержал мятеж генерала Л. Г. Корнилова. 30 августа 1917 назначен на должность военного министра. 20 октября на закрытом заседании комиссий Предпарламента предложил заключить сепаратный мирный договор с Германией, считая, что русская армия не перенесет предстоящей зимней кампании. С 1919 в Красной армии. Генерал-майор (1917). Необоснованно репрессирован. Реабилитирован посмертно *93*

Вильгельм II Гогенцоллерн (1859—1941), германский император и прусский король в 1888—1918. Свергнут Ноябрьской революцией 1918 *126, 160*

Витте Сергей Юльевич (1849—1915). Из семьи голландского происхождения, получившей российское дворянство в 1856. В 1870 окончил физико-математический факультет Новороссийского университета (Одесса). Служил в управлении Одесской, Юго-Западных ж. д. Разработал систему тарифов, распространенную впоследствии на все железные дороги. В 1889—1902 директор Департамента железнодорожных дел Министерства финансов. В феврале-августе 1892 управляющий Министерством путей сообщения, затем министр финансов. Автор крупных экономических преобразований 90-х годов: введена винная монополия государства, проведена денежная реформа, реформа торгово-промышленного налогообложения и торгово-промышленного законодательства. Содействовал железнодорожному строительству как мощному фактору первого этапа индустриализации страны. Сторонник активного вмешательства государства в экономику. С 1903 председатель Комитета министров, в 1905—1906 председатель Совета министров. Действительный тайный советник (1899), статс-секретарь (1896), граф (1905), почетный член Петербургской академии наук (1893) *77*

Воейков Владимир Николаевич (1868—после 1930). Родился в дворянской семье. Окончил Пажеский корпус (1887). Командир эскадрона в Кавалергардском полку. В 1907—1913 командир лейб-гвардии Гусарского полка. С 1909 в Свите его императорского величества. В 1913—1917 дворцовый комендант. С 1915 главнонаблюдающий за физическим развитием населения России. Генерал-майор (1909) *48, 73*

Войновский-Кригер Эдуард Брониславович (1864—1933). Из дворян. Окончил Петербургский технологический институт (1886) и Институт инженеров путей сообщения имп. Александра I (1889). С 1906 управляющий эксплуатационным отделом Управления железных дорог МПС. В 1909—1915 управляющий Владикавказской железной дороги. В ноябре 1915 г. назначен товарищем министра путей сообщения, а в январе — феврале 1917 г. был министром путей сообщения. Действительный статский советник (1911) *43*

Вреден Эдмунд Романович (1835—1891), экономист. Окончил филологический факультет Главного педаго-

гического института в Санкт-Петербурге (1856), преподавал статистику и географию в Полоцком кадетском корпусе и Павловском военном училище. После защиты в 1866 магистерской диссертации читал лекции в Санкт-Петербургском университете. С 1880 ординарный, с 1891 почетный профессор университета. Преподавал политическую экономию, теорию государственного кредита и статистику. Читал лекции в Горном институте и Институте инженеров путей сообщения императора Александра I *168*

Генрихсен Алексей Густавович (р. 1869—?). Родился в семье потомственного гражданина, окончил в 1893 Институт инженеров путей сообщения Александра I. Работать начал в техническом отделе Службы пути Юго-Западных железных дорог. В 1899—1907 служил на разных дорогах: Екатерининской, Закаспийской военной, Сызрано-Вяземской. С 1912 начальник Либаво-Роменской ж. д. С августа 1916 начальник Риго-Орловской железной дороги. В июне 1917 назначен старшим инспектором МПС. Действительный статский советник (1914) *76*

Гессен Иосиф Владимирович (1865—1943). Родился в семье торговца. Учился в Новороссийском университете (в Одессе), но исключен за революционную деятельность. В 1889 сдал экзамены экстерном на юридическом факультете Петербургского университета. Служил в Министерстве юстиции. С 1904 присяжный поверенный. Один из основателей партии кадетов, с 1906 член ее ЦК. Редактировал орган партии, газету «Речь». Депутат Государственной думы 2-го созыва. После Февральской революции возглавил Союз редакторов ежедневных газет. После Октябрьской революции боролся с советской властью. В 1919 эмигрировал в Финляндию, затем в Германию. Издавал сборники документальных материалов «Архив русской революции», газеты «Руль» и «Слово» *53*

Годнев Иван Васильевич (1856—1919). Родился в семье помещика. Окончил медицинский факультет Казанского университета, доктор медицины. Приват-доцент Казанского университета. Депутат Государственной думы 3-го и 4-го созывов. После Февральской революции член Временного комитета Государственной думы, комиссар в Правительствующем сенате. В марте—июле в должности

государственного контролера. После Октябрьской революции в эмиграции *52, 53, 97*

Голицын Николай Дмитриевич (1850—1925), князь. Родился в дворянской семье. Окончил Александровский лицей (1871). Служил во Временной комиссии по крестьянским делам царства Польского. С 1873 комиссар по крестьянским делам в Ломжинской губернии. В 1879—1884 архангельский вице-губернатор, с 1884 вице-директор Хозяйственного департамента МВД, с 1893 калужский, с 1897 тверской губернатор. В 1903 назначен сенатором в 1-й департамент Правительствующего сената. В 1915 член Государственного совета. С декабря 1916 по февраль 1917 председатель Совета министров. После Октябрьской революции в советской России занимался сапожным ремеслом. В 1925 арестован и расстрелян. Действительный тайный советник (1914) *42*

Греков Константин Федорович (1890—1947), родился в семье почетного потомственного гражданина. Учился на физико-математическом факультете Петербургского университета, отчислен по собственному желанию. В 1915 окончил ускоренные офицерские курсы при Павловском военном училище. Участвовал в боях в составе 7-го Финляндского стрелкового полка. В дни Февральской революции предложил свои услуги Военной комиссии Временного комитета Государственной думы и получил приказ занять Николаевский вокзал. Комендант вокзала. С 5 марта начальник охраны района Невская застава. В июне назначен комендантом помещений Исполкома Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. С 12 августа комендант Смольного института. После Октябрьской революции примкнул к левым эсерам, занимался журналистикой. Неоднократно подвергался арестам. Умер в больнице г. Александрова. Реабилитирован посмертно. Поручик (1917) *47*

Гучков Александр Иванович (1862—1936). Из купцов. Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1885). В 1885—1887 вольноопределяющийся 1-го лейб-гвардии Екатеринославского полка, прапорщик запаса армейской пехоты. В 1888—1891 слушал лекции в различных университетах Европы. В 1893—1897 в Московской городской управе. В 1897—1907 гласный

Московской городской думы. Основатель и лидер партии «Союз 17 октября». Депутат Государственной думы 3-го созыва. Ее председатель с марта 1910 по март 1911. В годы Первой мировой войны уполномоченный Российского общества Красного Креста на фронте. В июле 1915 возглавил Центральный военно-промышленный комитет. В сентябре 1915 избран в Государственный совет от промышленности и торговли. После Февральской революции военный и морской министр в первом составе Временного правительства, затем снова возглавлял ЦВПК. С 1919 в эмиграции *38, 48—53, 63, 68, 69, 96*

Гюго Виктор Мари (1802—1885), французский писатель-романтик. Творчество писателя проникнуто демократическими, гуманистическими идеалами. Автор романа о Великой французской революции «93-й год» *38*

Денисов Николай Хрисанфович (1880 ?—1970), предприниматель. Окончил Институт инженеров путей сообщения императора Александра I (1902), директор правления Общества Троицкой железной дороги, с 1916 владелец контрольного пакета акций Сибирского торгового банка и имения Гурзуф в Крыму. Уехал за границу незадолго до Октябрьского вооруженного восстания. Основатель Российского торгово-промышленного и финансового союза в Париже (1920) *54*

Добровольский Николай Александрович (1855—1918), государственный деятель. Из дворян. Окончил в 1876 юридический факультет Петербургского университета. Служил товарищем прокурора Киевского и Петербургского окружных судов. С 1895 прокурор Рижского окружного суда. В 1898 назначен гродненским вице-губернатором, а с февраля 1900 гродненским губернатором. С октября 1900 обер-прокурор 1-го департамента Сената. С 20 декабря 1916 г. министр юстиции и генерал-прокурор Правительствующего сената. В дни Февральской революции добровольно пришел в Таврический дворец и был арестован, в июле освобожден из Петропавловской крепости. В конце 1917 г. выехал на Кавказ для лечения. В сентябре 1918 г. взят в заложники Красной армией и позднее расстрелян. Тайный советник *42*

Долгоруков Василий Александрович (1868—1918), князь. В годы Первой мировой войны сопровождал в по-

ездках Николая II, гофмаршал, генерал-майор. Убит в Екатеринбурге *73, 75, 76*

Екатерина II (Великая) Алексеевна (София Августа Фредерика) (1729—1796), российская императрица (1762—1796), принадлежала к династии Романовых. Урожденная принцесса Анхальт-Цербстская. Получила домашнее образование, в 1744 по приглашению императрицы Елизаветы Петровны прибыла в Россию. В 1745 обвенчана с великим князем Петром Федоровичем (будущим императором Петром III). Пришла к власти в результате государственного переворота. Осуществила многочисленные преобразования внутри империи, затронувшие все важнейшие сферы жизни русского общества. Активная наступательная внешняя политика способствовала повышению авторитета и роли России на международной арене. Россия закрепилась на берегах Черного моря и значительно расширила свои владения за счет Новороссии и Крыма, восточной части Речи Посполитой, западной части Северного Кавказа; установила протекторат над Восточной Грузией; отстояла свои завоевания в Прибалтике. Царствование Екатерины II нередко называют «золотым веком русской истории» *101, 102*

Животовский Абрам Львович (р. 1868?—?), банкир, крупный акционер и один из директоров Русско-Азиатского банка, основатель в 1915 г. Петроградского торгово-транспортного общества *54*

Жорес Жан (1859—1914), руководитель Французской социалистической партии, основатель газеты «Юманите» (1904). Страстный борец против колониализма, милитаризма и войны. Убит французским националистом *98*

Жоффр Жозеф Жак Сезер (1852—1931), маршал Франции, с декабря 1915 по декабрь 1916 Верховный главнокомандующий всеми французскими армиями *125*

Иванов Николай Иудович (1851—1919). Из дворян. Окончил Павловский кадетский корпус (1866), Михайловское артиллерийское училище (1869). Участник Русско-турецкой войны (1877—1878) и Русско-японской войны (1904—1905). Служил на командных должностях в различных воинских частях. В 1908—1914 командующий войска-

ми Киевского военного округа. В годы Первой мировой войны командовал войсками Юго-Западного фронта. В дни Февральской революции был направлен Николаем II с экспедицией в Петроград для подавления революционного движения. В 1918 командовал белоказачьей армией у атамана П. Н. Краснова. Генерал-адъютант (1907), генерал от артиллерии (1908) *69*

Игнатьев Павел Николаевич (1870—1945). Сын дипломата и государственного деятеля Н. П. Игнатьева, граф (1877). Окончил Киевский университет (1892), служил в МВД. С 1904 председатель Киевской губернской земской управы, в 1907—1909 киевский губернатор. С 1909 в Главном управлении землеустройства и земледелия. В 1915—1917 министр народного просвещения. Автор реформы образования, предполагавшей значительное расширение сети учебных заведений и увеличение числа учащихся, возможность совместного обучения в гимназиях мальчиков и девочек. Под его руководством была начата работа над введением всеобщего начального образования. Предполагалось открыть свыше 20 новых университетов и высших технических учебных заведений, усилить в вузах прикладной характер обучения. В 1916 создал межведомственный Совет по делам профессионального образования. Были введены льготы для поступления в вузы участников войны и их детей, усилена помощь малоимущим студентам. Выступил с предложением о подготовке эвакуации правительственных учреждений из Петрограда. Подвергался постоянной критике со стороны консервативных членов Государственной думы и был уволен в отставку в декабре 1916. С 1919 в эмиграции. Почетный член Российской академии наук (1917), действительный статский советник (1908), шталмейстер (1917) *78*

Кассо Лев Аристидович (1865—1914). Из дворян, помещик Бессарабской губернии. Окончил юридический факультет Парижского (1885), Берлинского (1889) университетов. Преподавал право в Дерптском (с 1893—Юрьевском) университете, профессор права Харьковского (1895—1899) и Московского (1899—1910) университетов. Одновременно в 1908—1910 директор Катковского лицея. В 1895 защитил магистерскую диссертацию в Дерптском университете, в 1898 — докторскую. С 1898 заведовал

кафедрой гражданского права юридического факультета Московского университета. С сентября 1910 управляющий, с февраля 1911 — министр народного просвещения. Инициатор решительных мер по пресечению студенческих беспорядков. Широко практиковалось назначение на должность профессора вместо выборности. Под его руководством разработаны и приняты программы, детально регламентировавшие работу преподавателей средних и начальных школ. Усилен внешкольный контроль за учащимися гимназий и реальных училищ. Добился существенного увеличения финансирования среднего и начального образования. Тайный советник (1911) *68*

Керенский Александр Федорович (1881—1970). Родился в семье директора мужской Симбирской гимназии. С 1899 по 1904 обучался вначале на историко-филологическом, а затем на юридическом факультете Петербургского университета. Входил в состав Петербургской коллегии адвокатов. В качестве защитника выступал на многих политических процессах. Член Государственной думы 4-го созыва. Лидер фракции трудовиков. В дни Февральской революции вошел в состав Временного комитета Государственной думы, избран товарищем председателя Исполкома Петросовета. Вступил в партию социалистов-революционеров. С 2 марта министр юстиции, с 5 мая по 30 августа военный и морской министр Временного правительства. На 1-м Всероссийском съезде Советов избран в состав ВЦИК. С 8 июля возглавлял Временное правительство, одновременно с 30 августа Верховный главнокомандующий и глава Директории (1—25 сентября). После Октябрьской революции в эмиграции *42, 43, 50, 51, 53, 58, 68, 80, 93, 96—98, 111, 144*

Кикин, оптовик в СПб *136*

Кирилл Владимирович (1876—1938), великий князь, внук императора Александра II. С 1915 командовал Гвардейским экипажем. После Октябрьской революции в эмиграции. Флигель-адъютант (1896) *44*

Козырев Дмитрий Павлович (1858—?). Сын надворного советника. Православного вероисповедания. Окончил Институт инженеров путей сообщения Александра I (1882). Воинскую повинность отбыл в гренадерском саперном батальоне. Службу начал во Временном управле-

нии казенных ж. д. в 1883. Направлен на строительство Полесских ж. д. В 1888—1891 в Обществе Новоторжской ж. д. С 1891 начальник технического отдела Службы пути Екатерининской ж. д. В 1895 назначен помощником начальника такой же службы на Либаво-Роменской ж. д. В 1897 стал начальником Службы пути Сызрано-Вяземской ж. д. Одновременно с 1901 помощник начальника этой дороги. В 1904 назначен заместителем начальника СПб.-Варшавской ж. д. В 1906—1907 начальник Либаво-Роменской ж. д. С 1907 член Совета министра путей сообщения, с 1909 начальник Управления железных дорог МПС, с 1912 председатель Инженерного совета МПС. С января по март 1917 товарищ министра путей сообщения. В 1918—1919 работал в Петроградском округе путей сообщения членом совещания по перевозкам. После расформирования округа назначен представителем Финансово-экономического управления НКПС при Петроградском окружном комитете по перевозкам. С декабря 1919 входил в состав совета Технического комитета НКПС. В середине 20-х годов был одним из руководителей работ по реконструкции Ленинградского железнодорожного узла. Тайный советник (1913) *46*

Коковцов Владимир Николаевич (1853—1943), граф (1914). Из дворян. Окончил Александровский лицей (1872). В 1873—1879 служил в Министерстве юстиции, затем в МВД. С 1890 — в Государственной канцелярии, с 1895 товарищ Государственного секретаря. В 1896—1902 товарищ министра финансов. Министр финансов с 1904 по 1914 (с перерывом в 1905—1906). Содействовал стабилизации российской финансовой системы после первой русской революции и Русско-японской войны. В 1911—1914 председатель Совета министров. После Октябрьской революции в эмиграции. Действительный тайный советник (1905) *34*

Кокошкин Федор Федорович (1871—1918). Из дворян. Окончил юридический факультет Московского университета (1893). Преподавал в Московском университете, покинул его в 1911 в знак протеста против политики Л.А. Кассо. С 1903 член Московской губернской земской управы, руководил ее экономическим отделом. Один из основателей партии кадетов, депутат Государственной

думы 1-го созыва. После Февральской революции председатель образованных при Временном правительстве Юридического совещания и Особого совещания для подготовки проекта Положения о выборах в Учредительное собрание. В июле—августе 1917 государственный контролер во 2-м коалиционном Временном правительстве. Поддержал Корниловский мятеж. В день предполагаемого открытия Учредительного собрания был арестован и заключен в Петропаловскую крепость. В связи с болезнью вместе с А. И. Шингаревым был помещен в тюремную больницу, где в ночь на 7 января 1918 оба убиты группой матросов и красногвардейцев *160*

Коннаутский и Страхарнский герцог (Артур Уильям Патрик, принц Великобритании) (1850—1942), третий сын королевы Великобритании Виктории, британский фельдмаршал (1902), генерал-губернатор Канады (1911—1916) *76*

Коновалов Александр Иванович (1875—1949). Сын крупного текстильного фабриканта, предприниматель, политический и государственный деятель, мануфактур-советник (1910). Учился на физико-математическом факультете Московского университета (1894—1895), окончил профессионально-техническую школу в Мюльгаузене (Германия,1897). С 1897 преседатель правления Товарищества мануфактур Ивана Коновалова с сыном. Инициатор создания Костромского комитета торговли и мануфактур и его председатель в 1905—1908. С 1909 участвовал в финансировании газеты «Утро России». В 1912 один из учредителей партии прогрессистов. Депутат Государственной думы 4-го созыва. Один из организаторов и руководителей «Прогрессивного блока» (1915) в российском парламенте. В дни Февральской революции вошел в состав Временного комитета Государственной думы. В марте—мае и сентябре-октябре 1917 министр торговли и промышленности. После Октябрьской революции в эмиграции *52, 53, 68, 96*

Корнилов Лавр Георгиевич (1870—1918). Сын коллежского секретаря, бывшего казачьего офицера. Православного вероисповедания. Окончил Сибирский кадетский корпус (1889), Михайловское артиллерийское училище (1892) и Николаевскую академию Генерального штаба (1898). Шесть лет служил в штабе Туркестанского военного округа, участвовал в Русско-японской войне. В 1906

делопроизводитель в Управлении генерал-квартирмейстера Генерального штаба. В 1907—1911 военный агент (атташе) в Китае. В 1911 непродолжительное время командовал 9-м пехотным Эстляндским полком, затем возглавил отряд Отдельного корпуса пограничной стражи Заамурского пограничного округа. С 1913 командир 1-й бригады 9-й Сибирской стрелковой дивизии. В начале Первой мировой войны командовал 48-й пехотной дивизией 3-й армии. В конце апреля 1915 дивизия была разбита и Корнилов попал в плен. В июне 1916 после побега из плена был назначен командиром 25-го армейского корпуса. После Февральской революции главнокомандующий войсками Петроградского военного округа. В мае—июле командовал 8-й армией и войсками Юго-Западного фронта. С 19 июля по 27 августа Верховный главнокомандующий. 25 августа отдал приказ о движении верных ему войск на Петроград, потребовав отставки Временного правительства. После ликвидации мятежа 2 сентября арестован и заключен в тюрьму г. Быхова. 19 ноября освобожден генералом Н. Н. Духониным и отправился на Дон. Вместе с М. В. Алексеевым и А. И. Деникиным участвовал в формировании Добровольческой армии и был ее главнокомандующим. 13 апреля 1918 убит при штурме Екатеринодара. Генерал от инфантерии (1917) *98*

Крылов Иван Андреевич (1769—1844), русский писатель, баснописец, академик Петербургской академии наук (1841) *69*

Кшесинская Матильда (Мария) Феликсовна (1872—1971), артистка балета, педагог. С 1890 в балетной труппе императорских театров. Пользовалась покровительством членов императорской фамилии. С цесаревичем Николаем Александровичем, великим князем Сергеем Михайловичем и великим князем Андреем Владимировичем ее связывали личные отношения. В марте 1917 особняк Кшесинской в Петрограде был занят солдатами бронедивизиона и в нем разместились Центральный и Петроградский комитеты РСДРП(б), редакция газеты «Солдатская правда» и большевистский клуб «Правда». В 1920 эмигрировала во Францию, открыв в 1929 в Париже свою балетную школу *56*

Ламздорф Владимир Николаевич (1844—1907), граф, российский дипломат. Из дворян. Окончил Пажеский корпус (1862), служил в МИД, был ближайшим сотрудником и доверенным лицом министра иностранных дел Н. К. Гирса. В 1897—1900 товарищ министра иностранных дел, в 1900—1906 министр иностранных дел. Действительный тайный советник, гофмейстер (1889) *77*

Лейхтенбергский Николай Николаевич (1868—1928), герцог (1890). С 1891 вольноопределяющийся лейб-гвардии Преображенского полка. В 1892 сдал экзамены экстерном в Павловском военном училище, продолжил службу в том же полку. В 1915—1916 командир 12-го Туркестанского стрелкового полка. Флигель-адъютант Николая II. После Октябрьской революции активный участник Белого движения. В 1920 эмигрировал во Францию. Флигель-адъютант (1912), генерал-майор (1917) *72*

Ленин Владимир Ильич (1870—1924). Из дворян. Окончил гимназию в Симбирске (1887). Поступил в Казанский университет, но исключен за участие в студенческих волнениях. В 1891 сдал экзамены экстерном за юридический факультет в Петербургском университете. В 1892—1893 помощник присяжного поверенного. В 1895 один из организаторов петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В том же году арестован и сослан в Сибирь. В 1900 выехал за границу. Один из организаторов газеты «Искра». На 2-м съезде РСДРП возглавил большевистское течение в партии и вскоре стал ее признанным лидером. С 1905 по 1912 представитель РСДРП в Международном социалистическом бюро. В своих теоретических трудах отстаивал и развивал учение К. Маркса и Ф. Энгельса. Организатор газеты «Правда» (1912). Выступал против развязанной правительствами европейских государств мировой войны. После Февральской революции вернулся в Россию. Под его руководством партия большевиков стала самой влиятельной и организованной политической силой в стране. Разработанная В. И. Лениным тактика привела к победе Октябрьской революции и переходу власти в руки Советов. Председатель Совета народных комиссаров (1917—1924), с 1919 член Политбюро РКП(б), инициатор создания Коммунистического интер-

национала, основатель Союза Советских Социалистических Республик (1922) *129, 130, 132, 163*

Ленорман Мария Анна Аделаида (1772—1843), французская прорицательница и гадалка. Родилась в семье торговца. Воспитывалась в женском монастыре. Предсказывала судьбу деятелям Великой французской революции. Предсказала разгром французской армии в России, за что была выслана из Франции и вернулась в Париж после отречения Наполеона *78*

Лермонтов Михаил Юрьевич (1814—1841), русский поэт, прозаик, драматург *29*

Лидс Ионас, норвежский промышленник и путешественник, директор-распорядитель «Сибирского акционерного общества пароходства, промышленности и торговли» *43*

Ломоносов Юрий Владимирович (1876—1952). Из дворян. Православного вероисповедания. Окончил Институт инженеров путей сообщения Александра I (1898). Службу начал на Харьково-Николаевской ж. д. и уже в 1898 участвовал в опытах над паровозами типа 0-4-0 серии 0. Желая продолжать научную работу, он перешел в Киевский политехнический институт. В 1904 была опубликована его первая книга. Тогда же Ломоносов пришел к выводу о неизбежной замене паровозов тепловозами. Сочувствуя социал-демократическому движению, он уже в начале XX в. познакомился с некоторыми будущими руководителями Советского государства. В 1909 получил назначение на Ташкентскую ж. д. начальником Службы тяги. В 1912 введен в состав Инженерного совета МПС. С 1913 возглавлял Контору опытов над типами паровозов. Активный участник Февральской революции. В апреле 1917 командирован в США, где возглавил Миссию путей сообщения, которая осуществляла заказы на железнодорожное оборудование. В 1919 вернулся в советскую Россию. Введен в состав Президиума ВСНХ, коллегию НКПС. С 1920 по 1923 уполномоченный СНК по железнодорожным заказам за границей. Возглавлял Российскую железнодорожную миссию. Конструктор первого в мире магистрального тепловоза, построенного в Германии и в 1925 внесенного в инвентарный парк локомотивов советских железных дорог. В начале 1927 был отозван в Москву, но остался

за границей. Работал консультантом и преподавателем в различных странах Западной Европы и США. Последние годы жил в Канаде. Автор многочисленных научных работ и мемуаров. Профессор. Статский советник *51, 82*

Львов Владимир Николаевич (1872—1934). Из дворян, крупный землевладелец. Окончил историко-филологический факультет Московского университета, затем вольнослушатель Московской духовной академии (1898—1899). В 1905 участвовал в организации в Самаре и Самарской губернии отделений партии «Союз 17 октября». Депутат Государственной думы 3-го и 4-го созывов. Первоначально входил во фракцию октябристов, с 1912 председатель фракции центра. В 1907—1917 председатель комиссии по делам православной церкви. Один из организаторов и член бюро Прогрессивного блока. В дни Февральской революции член Временного комитета Государственной думы. С 2 марта по 21 июля обер-прокурор Святейшего синода. Готовил созыв Поместного собора. В июне организовал Предсоборный совет. В дни Корниловского мятежа добровольно стал посредником между А. Ф. Керенским и Л. Г. Корниловым. После Октябрьской революции политической деятельностью не занимался. В 1920 эмигрировал. В 1921 примкнул к «сменовеховству», признал советскую власть и вернулся на родину. В 1922—1924 работал в обновленческом Высшем церковном управлении. Читал лекции по истории церкви, сотрудничал с издательским кооперативом «Искра». В 1927 арестован и на три года сослан в Томск, где и остался на жительство после досрочного освобождения *52, 53, 64*

Львов Георгий Евгеньевич (1861—1925). Из дворян, крупный помещик. Окончил юридический факультет Московского университета (1885). В течение 17 лет гласный Тульской губернской земской управы, в 1903—1906 ее председатель. Участник земских съездов в 1904—1905. Депутат Государственной думы 1-го созыва, член фракции кадетов. После первой русской революции участвовал в организации переселенческого дела в Сибири. С 1914 главноуполномоченный Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам. Один из руководителей объединенного комитета Земско-городского союза (Земгор). В составленных общественностью в 1915 шести

списках кандидатов в правительство «народного доверия» в четырех из них фигурировал в качестве председателя или министра внутренних дел. В декабре 1916 от имени земского съезда подготовил обращение к императору о необходимости создать правительство, ответственное перед Государственной думой. 2 марта 1917 Николай II назначил Львова председателем Совета министров. Председатель и министр внутренних дел Временного правительства в марте—июле 1917. После Октябрьской революции в эмиграции, участвовал в организации снабжения войск генерала от инфантерии Н. Н. Юденича и генерал-лейтенанта А. И. Деникина. Был организатором и первым председателем Парижского Земгора *51—53, 55—58, 60, 61, 64, 96*

Львов Николай Николаевич (1865—1940). Из дворян, крупный землевладелец. Учился на физико-математическом факультете (1884—1887) Московского университета, окончил его юридический факультет (1891). В 1893—1899 балашовский уездный предводитель дворянства, затем председатель Саратовской губернской земской управы. Один из организаторов съездов земских и городских деятелей в 1904—1905. В 1905—1906 член ЦК партии кадетов, вышел из партии, считая ее программу слишком радикальной. Депутат Государственной думы 3-го и 4-го созывов. В 1912 член ЦК партии прогрессистов. В июле 1915 примкнул к левым октябристам и вошел в состав Прогрессивного блока. После Февральской революции комиссар Временного комитета Государственной думы в Дирекции императорских театров. Один из инициаторов созыва совещания общественных деятелей в августе 1917. Участник Демократического совещания, член Предпарламента. Участвовал в работе Поместного собора РПЦ. В годы Гражданской войны издатель и соредактор выходившей на территориях, контролировавшихся белогвардейцами, газеты «Великая Россия», соиздатель журнала «Русский сборник», выходившего в 1920 в Крыму. В 1920 эмигрировал и был среди организаторов Русского совета в Стамбуле, безуспешно претендовавшего на роль российского правительства в изгнании. В дальнейшем жил в Югославии и Франции *97*

Людовик XVI (1754—1793), король Франции и Наварры (1774—1793), из династии Бурбонов. Казнен по решению Конвента Французской республики *75*

Люциус фон Штедтен Гельмут (1869—1934), барон, до 1914 советник германского посольства в Петербурге, руководитель германской разведки в России. Затем немецкий посланник в Швеции *39*

Маклаков Василий Алексеевич (1869—1957). Из дворян. Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1894). В 1896 сдал экзамены экстерном за юридический факультет. Присяжный поверенный, в начале XX века стал одним из самых популярных российских адвокатов, секретарь кружка либеральных земцев «Беседа». Один из основателей и член ЦК (с 1906) партии кадетов. Депутат Государственной думы 2—4-го созывов. Защитник на процессе по делу Бейлиса. В годы Первой мировой войны участвовал в работе Всероссийского земского союза. В 1915 вошел в состав Прогрессивного блока. В дни Февральской революции комиссар Временного комитета Государственной думы в Министерстве юстиции. Входил в состав Юридического совещания и Особого совещания для изготовления проекта положения о выборах в Учредительное собрание. Член предпарламента. Осенью 1917 назначен послом во Франции. В Гражданскую войну занимался финансовым и дипломатическим обеспечением Белого движения. В 1924—1957 (с перерывом 1940—1944) возглавлял Офис по делам русских беженцев во Франции. В 1945 пытался найти возможность примирения с советской властью и посетил с группой эмигрантов советского посла в Париже *64, 143*

Маниковский Алексей Алексеевич (1865—1920). Родился в семье государственного служащего. Окончил Тифлисский кадетский корпус (1883), Михайловское артиллерийское училище (1886), Михайловскую артиллерийскую академию (1891), Офицерскую артиллерийскую школу (1898). Служил в Кавказской гренадерской артиллерийской бригаде. С 1893 помощник механика на Ижевском оружейном заводе и заведующий мастерской Либавской крепостной артиллерии. Участник Русско-японской войны. Затем служил в Кронштадте. С 1915 начальник

Главного артиллерийского управления (ГАУ) Военного министерства. Накануне Октябрьской революции управляющий Военным министерством. Принял предложение советской власти продолжать работу в этой должности. В 1918—1919 начальник ГАУ, главный начальник снабжения Красной армии. Погиб в 1920 при крушении поезда. Генерал от артиллерии (1916) *41*

Мануйлов Александр Аполлонович (1861—1929). Из дворян. Окончил юридический факультет Новороссийского университета (Одесса, 1883), учился в Берлинском и Гейдельбергском университетах (1885—1886). Приват-доцент (1895—1901), профессор (1901—1911, 1917—1918) Московского университета. В 1899—1911 возглавлял кафедру политической экономии и статистики. В 1905—1911 ректор Московского университета. В 1911 ушел с должности ректора в знак протеста против политики министра народного просвещения Л. А. Кассо. Сотрудник газеты «Русские ведомости», с 1913 один из ее редакторов. Член партии кадетов (1905—1917). Профессор Московского коммерческого института (1909—1917) и Московских высших женских курсов (1911—1917). Член попечительского совета и лектор Московского городского народного университета им. А. Л. Шанявского. В Первую мировую войну председатель Экономического совета Всероссийского союза городов, член Московского военно-промышленного комитета. После Февральской революции министр народного просвещения (март—июль 1917). После Октябрьской революции уехал на юг России и преподавал в Екатеринославском, Донском (Ростов-на-Дону) и Тифлисском университетах. С начала 1920 преподавал в Московском институте народного хозяйства им. К. Маркса (бывший Московский коммерческий институт). В годы новой экономической политики работал в Наркомате земледелия, был членом правления Государственного банка СССР, участвовал в проведении денежной реформы 1922—1924 *52, 67, 68, 96*

Мария Федоровна (Мария-София-Фредерика-Дагмара) (1847—1928), дочь датского короля Христиана IX, российская императрица (1881—1894), супруга императора Александра III *72*

Мильнер Альфред (1854—1925), лорд, глава английской делегации на конференции союзников в Петрограде в январе 1917 г. *36*

Милюков Павел Николаевич (1859—1943). Родился в семье преподавателя художественного училища. Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1882). С 1886 приват-доцент этого университета. В 1892 получил степень магистра русской истории. В 1895 выслан в Рязань за либеральные взгляды на историю общественного движения в России в своем лекционном курсе, затем выехал за границу. Читал лекции в Софии, Лондоне, Чикаго и др. Один из организаторов партии кадетов и член ее ЦК с 1905, с 1907 председатель ЦК. В дальнейшем ее идеолог и лидер на протяжении 1906—1917. С 1906 соредактор (с И. В. Гессеном) газеты «Речь». Депутат Государственной думы 3-го и 4-го созывов, один из лидеров думской оппозиции. В 1915 инициатор создания Прогрессивного блока. В дни Февральской революции член Временного комитета Государственной думы. Во Временном правительстве первого состава министр иностранных дел. Член Временного совета Российской Республики (Предпарламента). После Октябрьской революции входил в различные антисоветские организации, приветствовал иностранную военную интервенцию. С 1920 редактор одной из влиятельнейших эмигрантских газет «Последние новости» (Париж). В 1939 одобрил заключение пакта СССР с Германией, а после начала Отечественной войны заявил о солидарности с советским правительством, приветствовал победы Красной армии *35, 48, 50—53, 64, 96, 98*

Мирабо Виктор Рикети (1715—1789), французский экономист и писатель. В своих произведениях порицал рантье, требовал веротерпимости и свободы торговли, издавал «Журнал сельского хозяйства, коммерции и финансов» *83*

Михаил II (см. Михаил Александрович).

Михаил Александрович (1878—1918), великий князь из династии Романовых, младший сын императора Александра III, брат императора Николая II, один из крупнейших российских землевладельцев. Получил домашнее образование. Командовал 17-м гусарским Черниговским и лейб-гвардии Кавалергардским полками. Почетный пред-

седатель Русского астрономического общества (с 1900), Особого комитета по усилению военного флота на добровольные пожертвования (с 1904), Комиссии по организации сборов на военный воздушный флот (с 1909), почетный президент Российского автомобильного общества (с 1910), председатель Исторического музея в Москве (1905—1917).Член Государственного совета (1901—1917). В годы Первой мировой войны командир Кавказской туземной («дикой») конной дивизии, 2-го кавалерийского корпуса. В марте 1917 вслед за Николаем II отрекся от престола. После Октябрьской революции находился под домашним арестом. В марте 1918 по решению Совета народных комиссаров выслан в Пермь. Расстрелян местными большевиками. Генерал-адъютант (1916), генерал-лейтенант (1916) *38, 49, 50, 51, 64, 77, 78*

Монтескье Шарль Луи де Секонда, барон де ла Бред (1689—1755), французский писатель, философ, один из крупнейших представителей французского Просвещения. Выходец из гасконского аристократического рода. В своих произведениях критиковал систему единоличной власти, критически оценивал французскую действительность XVIII века с присущими ей падением нравов, ханжеством и усилением деспотизма. Наибольшую известность получили его трактаты «Рассуждения о причинах величества римского народа и его упадка» и «Дух законов». Отстаивал принцип разделения властей. Формы правления ставил в прямую зависимость от географической среды — климата, почвы, рельефа местности. По его мнению, обширные государства могут управляться только деспотической властью *59*

Мордвинов Анатолий Александрович (1870—не ранее 1922). Окончил Николаевское кавалерийское училище (1890), продолжил службу в лейб-гвардии Кирасирском е.в. полку. С 1906 адъютант великого князя Михаила Александровича. Флигель-адъютант (1913) Николая II. В годы Первой мировой войны служил в Военно-походной канцелярии и сопровождал императора в поездках по стране. После Октябрьской революции в эмиграции. Полковник (1908) *76*

Мстиславский (Масловский) Сергей Дмитриевич (1876—1943). Писатель. Социалист-революционер. Участ-

ник первой русской революции. После Февральской революции чрезвычайный комиссар Петроградского совета, арестовывал в Царском Селе бывшего царя Николая II и его семью. В дни Октябрьской революции член Президиума 2-го Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, участвовал в формировании отрядов Красной гвардии. Член первого советского правительства на Украине. После Гражданской войны занимался литературной деятельностью *93*

Муравьев Михаил Артемьевич (1880—1918). Из крестьян. Служил вольноопределяющимся в 11-м Гренадерском полку. В 1901 окончил Казанское пехотное юнкерское училище и служил в различных воинских частях. В годы Первой мировой войны командовал ротой в Астраханском полку, с апреля 1916 ротный командир 2-й школы подготовки прапорщиков пехоты в Одесском военном округе. С 1917 левый эсер, возглавил в Петрограде Оргбюро Всероссийского центрального комитета для вербовки волонтеров в армию. В дни Октябрьской революции перешел на сторону советской власти и во время мятежа Керенского — Краснова назначен начальником обороны Петрограда. С начала 1918 возглавлял группу войск, боровшихся с силами Центральной рады на Украине и воинскими частями Румынии. После левоэсеровского мятежа в Москве выступил против советской власти. В июле 1918 убит при вооруженном сопротивлении аресту в Симбирске. Подполковник (1917) *93*

Набоков Владимир Дмитриевич (1870—1920). Из дворян, сын министра юстиции при Александре II. Окончил юридический факультет Петербургского университета, оставлен в университете для подготовки к профессорскому званию. В 1892—1899 служил в Государственной канцелярии. С 1896 одновременно читал лекции в Училище правоведения. В 1895—1903 секретарь Совета Санкт-Петербургского юридического общества. В 1903 утвержден одним из редакторов журнала «Вестник права». Член ЦК партии кадетов с момента ее образования. Соредактор газеты «Речь». Член Государственной думы 1-го созыва. В годы Первой мировой войны делопроизводитель в Главном штабе Военного министерства. После Февральской революции управляющий делами Временного правитель-

ства, член Юридического совещания при правительстве. В октябре 1917 товарищ председателя комиссии по иностранным делам во Временном совете Российской Республики. После Октябрьской революции с ноября 1918 министр юстиции Крымского краевого правительства. С апреля 1919 в эмиграции. Соредактор газеты «Руль» в Берлине. Погиб при покушении на П. Н. Милюкова, пытаясь обезоружить террориста *50*

Некрасов Николай Александрович (1821—1877), русский поэт. В 1847—1866 редактор-издатель журнала «Современник»; с 1868 редактор (совместно с М. Е. Салтыковым) журнала «Отечественные записки» *160*

Некрасов Николай Виссарионович (1879—1940). Родился в семье священника. Окончил Институт инженеров путей сообщения Александра I (1902). В 1902—1904 находился за границей, затем экстраординарный профессор Томского технологического института. Депутат Государственной думы 3-го и 4-го созывов, с ноября 1916 товарищ председателя Думы. В 1908—1917 член ЦК партии кадетов, лидер ее левого крыла. С 1910 входил в состав руководящего ядра масонских организаций в России. В годы Первой мировой войны член Особого совещания по обороне государства и Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны. В дни Февральской революции вошел в состав Временного комитета Государственной думы. Со 2 марта по 2 июля министр путей сообщения, с 8 июля товарищ министра-председателя правительства и одновременно (с 24 июля) министр финансов. В дни Корниловского мятежа поддерживал мнение ряда министров об отставке А. Ф. Керенского. С сентября 1917 генерал-губернатор Финляндии. После Октябрьской революции на службе в советских учреждениях (управляющий московской конторы Синкредсоюз, статистик в Наркомпроде). С 1919 под чужой фамилией жил и работал в Казани, где был арестован чекистами, но вскоре освобожден. С 1921 работал в Центросоюзе РСФСР и СССР. Преподавал в Московском университете и в Московском институте потребкооперации. В 1939 арестован и в 1940 по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР расстрелян. Реабилитирован посмертно *41, 43, 50, 52, 61, 67, 92, 96, 98, 109*

Немировский Леон Борисович (? — 1922), купец первой гильдии, банкир и промышленник. Владелец товарищества «Сталь» в Челябинске, Челябинского углепромышленного общества, Воронежского коммерческого банка *55*

Никитин Алексей Максимович (1876—1939). Родился в купеческой семье. Окончил юридический факультет Московского университета. В 1899 вступил в РСДРП (с 1903 меньшевик). Во время Февральской революции председатель Московского военно-революционного комитета, с 1 марта — председатель Московского совета рабочих депутатов, с 5 марта одновременно начальник милиции Москвы. С июня товарищ председателя Московской городской управы. В июле—августе министр почт и телеграфов, в сентябре—октябре министр внутренних дел. Входил в состав Директории. После Октябрьской революции сотрудничал с белогвардейцами. Арестован и осужден. После помилования в 1921 работал в государственных учреждениях Москвы. По обвинению в принадлежности к антисоветским группам в 1930 снова арестован, но вскоре освобожден. В 1938 вновь арестован и в 1939 расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР *96*

Никитины Дмитрий Александрович (1835—1918), **Аким Александрович** (1843—1917). Открыли в 1886 цирк в Москве. В 1919 он был национализирован и назван 2-м Госцирком (1919—1925) *92*

Никитский Иван Павлович (1871—?), ветеринарный врач. Надворный советник *87*

Николаенко Аркадий Иванович, директор Департамента Государственного казначейства Министерства финансов. Тайный советник *54*

Николай I Павлович (1796—1855), российский император с 1825 из династии Романовых, сын императора Павла I. Получил домашнее образование, с 1809 изучал науки в рамках университетского курса. Генерал-инспектор по инженерной части (1817—1855), одновременно командовал 2-й бригадой 1-й гвардейской пехотной дивизии (1818—1825), в 1825 начальник 2-й гвардейской пехотной дивизии. Вступил на престол в 1825. Подавил восстание декабристов и в дальнейшем преследовал инакомыслие. Попытался рационализировать государственную службу, упорядочить законодательство. Проводил протекционист-

скую экономическую политику, поддерживая российских промышленников государственными субсидиями; верно оценил значение железных дорог, стоял у истоков развития железнодорожного транспорта. Поощрял развитие науки и изобретательство, внес изменения в содержание образования (стремление придать образованию национальный характер привело к появлению в вузах кафедр российской истории, российской словесности, разных отраслей российского права), поддержал финансовую реформу Е. Ф. Канкрина, инициировал реформу управления государственных крестьян. Во внешней политике продолжил курс на территориальное расширение. Безопасность новых территорий обеспечивалась строительством укреплений и крепостей. Не сумел просчитать последствий обострения отношений с Турцией, которые привели к Восточной (Крымской) войне (1853—1856), в которой Россия потерпела поражение *78, 101*

Николай II (1868—1918), российский император (1894—1917) из династии Романовых, старший сын императора Александра III. Со дня рождения зачислен во все полки лейб-гвардии, в которых состоял его отец, и назначен шефом 65-го пехотного Московского полка. В 1877—1889 получил домашнее образование под общим руководством генерала от инфантерии Г. Г. Даниловича. С 1884 почетный член Русского археологического общества. Накануне занятия престола командовал в чине полковника (1892) первым батальоном Московского полка. В первые годы правления продолжал курс своего отца на индустриализацию страны, поддержал реформы С. Ю. Витте. В сфере национальной политики продолжал курс на унификацию окраин, ограничивая автономию и использование национальных языков. Во внешней политике опирался на союз с Францией при поддержании тесных контактов с Германией. Политика на Дальнем Востоке оказалась ошибочной, способствовала напряженности в этом регионе и привела к Русско-японской войне 1904—1905. В условиях начавшейся первой русской революции Николай II был вынужден пойти на существенные уступки, провозгласив в Манифесте 17 октября 1905 гражданские свободы, придав Государственной думе законодательный статус, реформировав Совет министров, внеся изменения в Основные законы страны. Поддерживал реформатор-

ский курс главы правительства П. А. Столыпина, одновременно опасаясь его растущей популярности в стране. Большое внимание уделял развитию вооруженных сил и подготовке их к неизбежной войне в Европе. В августе 1915 г. принял на себя верховное командование войсками армии и флота. В условиях ухудшения социально-экономического положения ошибочно считал, что за оппозицией режиму стоит лишь ограниченный круг либеральной интеллигенции и часть знати. Не желая идти на уступки оппозиции в парламенте, откладывал назревшие реформы на конец войны. В дни Февральской революции отрекся от престола не только за себя, но и за сына в пользу брата Михаила Александровича. В общественном мнении правление последнего царя считалось крайне неудачным. При выработке Положения о выборах в Учредительное собрание Романовы были лишены активного и пассивного избирательного права, что приравнивало их к государственным преступникам. Временное правительство отправило бывшего императора с семьей в Тобольск, объяснив это заботой об их безопасности. Этой же причиной в мае 1918 большевики обосновали переезд императорской семьи в рабочую столицу Урала — город Екатеринбург. В ночь с 16 на 17 июля 1918 вся царская семья по решению местного Совета была расстреляна *34, 38, 49, 50, 69, 72, 73, 76—80, 97, 101, 102, 126, 127*

Николай Николаевич (1856—1929), великий князь из династии Романовых. Внук императора Николая I, двоюродный дядя Николая II. Окончил Николаевское инженерное училище (1872) и Николаевскую академию Генерального штаба (1876). В годы Русско-турецкой войны обер-офицер для особых поручений при главнокомандующем действующей армии. В 1884—1890 командир лейб-гвардии Гусарского полка, затем командовал 2-й бригадой 2-й гвардейской кавалерийской дивизии. В 1895—1905 генерал-инспектор кавалерии, открыл Офицерскую кавалерийскую школу для подготовки эскадронных командиров. В 1905—1908 председатель Совета государственной обороны, одновременно с 1905 главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа, с 1909 попечитель Офицерского собрания армии и флота. В Первую мировую войну Верховный главнокомандующий (1914—1915, 2—9 марта 1917), в 1915—1917 наместник на

Кавказе и главнокомандующий Кавказской армией. В дни Февральской революции вместе с главнокомандующими армиями фронтов высказался за отречение Николая II в пользу сына. В марте 1917 по настоянию Временного правительства уехал в Крым, где жил в имении Дюльбер великого князя Петра Николаевича. В апреле 1919 на британском корабле покинул Россию. Жил в Италии, затем на юге Франции. Генерал-адъютант (1894), генерал от кавалерии (1900) *47*

Николай I Петрович Негош (Николай Черногорский) (1841—1921), князь и король Черногории. Из династии Негошей. Начальное образование получил в Цетинье, затем посещал гимназию в Триесте. Продолжил обучение в 1856 в лицее Людовика Великого в Париже. В 1860 провозглашен князем Черногории. В Русско-турецкой войне 1877—1878 союзник России, в 1878 добился провозглашения независимости Черногории. Укрепил позиции страны в Европе с помощью династических браков. Неоднократно посещал Петербург. Александр III назвал Николая Черногорского «единственным искренним и верным другом России». В 1910 в ознаменование 50-летнего правления провозгласил Черногорию королевством, а себя ее королем. В годы Первой мировой войны был союзником Антанты. После поражения в войне с Австро-Венгрией в 1916 эмигрировал в Италию Умер на юге Франции. Генерал-фельдмаршал русской армии (1914) *102*

Нилов Константин Дмитриевич (1856—1919), в 1890—1893 адъютант генерал-адмирала вел. кн. Алексея Александровича, в 1903—1908 командир Гвардейского экипажа. С 1905 по 1917 флаг-капитан Николая II. За открыто враждебное отношение к Распутину был в немилости у императрицы Александры Федоровны. Генерал-адъютант (1908), адмирал (1912). После Октябрьской революции уволен со службы. В 1919 расстрелян большевиками *73, 74*

Озеров Иван Христофорович (1869—1942). Из крестьян. Учился в городском училище в Чухломе, костромской гимназии. Окончил юридический факультет Московского университета (1893), оставлен на кафедре финансового права для подготовки к профессорскому званию. В 1898 защитил магистерскую диссертацию, в 1900—докторскую диссертацию. С 1901 экстраординарный, с 1903 ординарный профессор Московского университета. Одновре-

менно преподавал в других вузах Москвы и Петербурга. Сотрудничал в ряде газет и журналов. Убежденный сторонник индустриализации России. Член правления многочисленных акционерных обществ, член Совета Русско-Азиатского банка. С 1909 член Государственного совета по выборам от Академии наук и университетов. После Октябрьской революции продолжил преподавательскую и научную деятельность в советских вузах. В 1930 арестован, выслан на Соловки, затем жил в Доме престарелых ученых в Ленинграде. Умер от голода в блокаду *154*

Островский Александр Николаевич (1823—1886), русский драматург, член-корреспондент Петербургской академии наук (1863). Обратившись к жизни непривилегированных сословий, создал для русского театра реалистический репертуар демократического характера *73*

Павловский Вячеслав Северинович, (1872—?), окончил Институт инженеров путей сообщения Александра I (1898). До 1910 г. служил на Николаевской ж.д. С 1913 г. директор правления Общества Ачинско-Минусинской железной дороги. В годы первой мировой войны председатель правления Общества «Нефтегаз» и член правления Зауральского золотопромышленного общества. Одновременно с декабря 1916 заместитель управляющего Подольской ж.д. Коллежский советник (1914) *50*

Пеликан Борис Александрович (1861—1931), присяжный поверенный, Одесский городской голова (1913—1917), один из учредителей одесского отделения монархической организации Союз русского народа. После Октябрьской революции эмигрировал в Сербию *58*

Перлов Борис Александрович, главный инженер по постройке Ачинск-Минусинской железной дороги, коллежский секретарь *47*

Петр I Великий (1672—1725), русский царь (1682—1721), российский император (1721—1725). Единственный сын царя Алексея Михайловича от второго брака с Н.К.Нарышкиной. Во время царствования провел ряд глубоких реформ, направленных на модернизацию по европейскому образцу всех сторон жизни общества и преодоление отсталости от Запада. В ходе Северной войны со Швецией сформировался как крупный полководец и дипломат, решительно отстаивал национальные интересы России *101, 102*

Пешехонов Алексей Васильевич (1867—1933). Учился в Тверской духовной семинарии, но в 1884 исключен как «неблагонадежный». Работал статистиком в калужском, орловском, тверском и полтавском земствах. С 1899 сотрудничал с редакцией журнала «Русское богатство». В 1906 один из основателей партии народных социалистов, автор основных ее программных документов., член редакции основного партийного органа «Народно-социалистическое обозрение». После Февральской революции член Исполкома Петросовета, Совета Главного земельного комитета. В мае—августе министр продовольствия Временного правительства. С июня, после слияния народных социалистов с трудовиками, член ЦК Трудовой народно-социалистической партии, издатель ее газеты «Народное слово». В октябре товарищ председателя Временного совета Российской Республики. После Октябрьской революции входил в состав «Союза возрождения России», был его представителем в Добровольческой армии. В 1922 выслан советским правительством за границу. Жил в Риге, Праге, Берлине. С 1927 консультант торгпредства СССР в Прибалтике. Неоднократно обращался к советскому правительству с просьбой разрешить ему вернуться в Россию *145*

Плеве Вячеслав Константинович фон (1846—1904). Из дворян. Окончил юридический факультет Московского университета (1867). Товарищ прокурора Тульского окружного суда (1870—1873), прокурор Вологодского окружного суда (1874—1876), товарищ прокурора Варшавской судебной палаты (1876—1879), прокурор С.Петербургской судебной палаты (1879—1881). В 1881 назначен директором Департамента полиции МВД. В 1884—1904 сенатор, в 1885—1894 товарищ министра внутренних дел. С 1894 по 1902 Государственный секретарь. Одновременно в 1899—1904 министр, статс-секретарь Великого княжества Финляндского. С 1902 по 1904 министр внутренних дел и шеф Отдельного корпуса жандармов. Убит эсером Е.С.Сазоновым, входившим в состав Боевой организации этой партии *64*

Плеханов Георгий Валентинович (1856—1918). Из дворян. Учился в Горном институте в Петербурге. С 1877 один из руководителей организации «Земля и воля». В

1879 возглавил организацию «Черный передел». В 1880 эмигрировал. Слушал лекции в Сорбоннском университете. В 1883 возглавил группу «Освобождение труда». Автор первой программы русской социал-демократии. Видный теоретик и пропагандист марксизма в России. Один из организаторов РСДРП, член редколлегии газеты «Искра». В годы Первой мировой войны занял оборонческую позицию. После Февральской революции вернулся в Россию, возглавил организацию «Единство». Высказался за продолжение войны с Германией. По просьбе Н. В. Некрасова возглавил особую комиссию для выработки новых ставок оплаты труда железнодорожников *129*

Покровский Николай Николаевич (1865—1930). Из дворян. Учился на юридическом факультете Московского университета, окончил юридический факультет Петербургского университета (1888). Служил в канцелярии Комитета министров, вице-директором, директором Департамента окладных сборов Министерства финансов, затем статс-секретарем двух департаментов Государственного совета. В 1906—1914 товарищ министра финансов. Член Государственного совета по назначению (1914—1916), одновременно состоял при верховном начальнике санитарной и эвакуационной части А. П. Ольденбургском. С января по ноябрь 1916 государственный контролер, с ноября 1916 по февраль 1917 министр иностранных дел. В январе—феврале 1917 председательствовал на совещании дипломатов стран Антанты в Петрограде, обсуждавшем планы военной кампании 1917. После Февральской революции избран председателем правления Сибирского банка, товарищем председателя Главного управления Российского общества Красного Креста. В 1921 эмигрировал, жил в Каунасе. Доцент, затем профессор кафедры финансового права Литовского университета, советник министра финансов Литвы. Тайный советник (1913) *43*

Поливанов Алексей Андреевич (1855—1920). Окончил Николаевское инженерное училище (1874), Николаевскую инженерную академию (1880), Николаевскую академию Генерального штаба (1888). Участник Русско-турецкой войны 1877—1878. Служил старшим адъютантом штаба Киевского военного округа (1888—1893), старшим делопроизводителем канцелярии Военно-ученого комите-

та Главного штаба (1893—1894), начальником отделения Главного штаба (1894—1899). С 1899 помощник, затем главный редактор журнала «Военный сборник» и газеты «Русский инвалид». В 1904 управляющий делами Главного крепостного комитета, с 1905 в Главном штабе. С 1906 помощник военного министра. С 1912 член Государственного совета. В 1914—1915 состоял при верховном начальнике санитарной и эвакуационной части А. П. Ольденбургском. В 1915—1916 военный министр и председатель Особого совещания по обороне государства. После Октябрьской революции служил в Красной армии. Генерал от инфантерии (1911) *63*

Прокопович Сергей Николаевич (1871—1955). Родился в семье военнослужащего. Окончил Брюссельский университет в Бельгии (1899). Участвовал в работе «Союза русских социал-демократов за границей» и «Союза освобождения». В 1905—1917 был членом некоторых общественных организаций в России: Вольного экономического общества, Русского технического общества и др. Доктор философии Бернского университета (1913). В годы Первой мировой войны служил в Московском областном военно-промышленном комитете. После Февральской революции избран в Совет всероссийских кооперативных съездов и в Исполком московских общественных организаций. В июне—сентябре председатель Главного экономического комитета и заместитель председателя Экономического совета при Временном правительстве. В июле—августе министр торговли и промышленности, в сентябре—октябре 1917 министр продовольствия. В 1922 выслан из РСФСР *96*

Протопопов Александр Дмитриевич (1866—1918). Из дворян, крупный землевладелец, лесопромышленник, владелец суконной фабрики. Окончил 1-й кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище. Служил в лейб-гвардии Конно-гвардейском полку. С 1905 симбирский уездный и губернский земский гласный. Депутат Государственной думы 3-го и 4-го созывов. С 1914 товарищ председателя Государственной думы. Октябрист. В 1915 вошел в состав Прогрессивного блока. В 1916 избран председателем Совета съездов металлургической промышленности и симбирским губернским предводителем дворянства. С

сентября 1916 управляющий, с декабря 1916 по февраль 1917 министр внутренних дел и шеф Отдельного корпуса жандармов. После Октябрьской революции арестован и расстрелян по приговору ВЧК. Действительный статский советник 39, 43, 45

Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837), русский писатель и поэт, родоначальник новой русской литературы, создатель русского литературного языка *101*

Риттих Александр Александрович (1868—1930). Из дворян. Окончил Александровский лицей (1888). Служил в Министерствах внутренних дел и финансов. В 1905—1912 директор Департамента государственных земельных имуществ и управляющий делами Комитета по землеустроительным делам. Участвовал в проведении Столыпинской аграрной реформы. В 1912—1916 товарищ главноуправляющего землеустройства и земледелия. С ноября 1916 управляющий Министерством земледелия, с 12 января 1917 министр земледелия. В конце ноября подписал постановление о хлебной разверстке. Инициатор привлечения военнопленных к сельскохозяйственным работам. После Февральской революции скрывался от ареста. После Октябрьской революции уехал в Одессу, затем эмигрировал. Гофмейстер (1913), действительный статский советник (1906), сенатор (1916) *43*

Родзянко Михаил Владимирович (1859—1924). Из дворян. Крупный землевладелец. Православного вероисповедания. Окончил Пажеский корпус. В 1878—1882 корнет лейб-гвардии Кавалергардского полка. В 1886—1891 екатеринославский предводитель дворянства. С 1900 председатель Екатеринославской губернской земской управы. Депутат Государственной думы 3-го и 4-го созывов, ее председатель в 1911—1917. Октябрист, один из инициаторов создания Прогрессивного блока. В 1915—1917 председатель эвакуационной комиссии Особого совещания по обороне государства. В дни Февральской революции возглавил Временный комитет Государственной думы. После Октябрьской революции в эмиграции. Камергер. Действительный статский советник *40, 42, 44, 48, 53, 69, 170*

Родичев Федор Измайлович (1853?—1932), из дворян, крупный землевладелец. Окончил юридический факуль-

тет Петербургского университета (1876). Волонтер в годы Русско-турецкой войны 1877—1878. Предводитель дворянства Весьегонского уезда в течение 12 лет, почетный мировой судья. С 1898 присяжный поверенный. Член Государственной думы 1-го — 4-го созывов. Один из лидеров партии кадетов, член ее ЦК. В марте—мае 1917 г. министр Временного правительства по делам Финляндии. Выступал за продолжение войны, поддерживал Л. Г. Корнилова. После Октябрьской революции боролся с советской властью. С 1920 в эмиграции *96*

Рухлов Сергей Васильевич (1853—1918). Сын губернского секретаря. Православного вероисповедания. Окончил юридический факультет Петербургского университета (1873). Начал службу в Департаменте герольдии Правительствующего сената. С 1879 в Главном тюремном управлении МВД. С 1895 и.д. статс-секретаря Департамента государственной экономии Государственного совета. В 1901 почетный гражданин Вологды. В 1903 назначен товарищем главноуправляющего торговым мореплаванием и портами. С 1905 член Государственного совета. В 1909—1915 министр путей сообщения. В 1918 захвачен в Пятигорске красноармейцами в качестве заложника и расстрелян. Статс-секретарь (1912), действительный тайный советник (1913) *73*

Рябушинский Павел Петрович (1871—1924). Из старообрядческой семьи хлопчатобумажных фабрикантов. Окончил Московскую практическую академию коммерческих наук (1890). С 1900 возглавил «Товарищество мануфактур П. М. Рябушинского». С 1901 председатель правления харьковского Земельного банка. В 1902 стал совладельцем банкирского дома «Бр. Рябушинские» и председателем правления организованного на его основе Московского банка. С 1906 старшина (с 1915 председатель) Московского биржевого комитета. С 1909 председатель Общества хлопчатобумажных фабрикантов Московского района. В 1912 один из создателей партии прогрессистов. С началом Первой мировой войны уполномоченный лазарета, созданного на средства московского купечества в действующей армии. В мае 1915 на 9-м торгово-промышленном съезде призвал предпринимателей к организации военно-промышленных комитетов. С июня председатель

Московского ВПК. В дни Февральской революции один из инициаторов создания московского Комитета общественных организаций. В июле—августе среди организаторов и участников совещаний лидеров политических партий. 3 августа 1917 в выступлении на 2-м Всероссийском торгово-промышленном съезде сказал знаменитую фразу, что стране «нужна костлявая рука голода и народной нищеты, чтобы она схватила за горло лжедрузей народа, членов разных комитетов и советов, чтобы они опомнились». Осенью 1919 лечился в Крыму от туберкулеза. В 1919 эмигрировал во Францию *97, 98, 123*

Рязанов (Гольдендах) Давид Борисович (1870—1938), участник российского революционного движения с 1889, в РСДРП(б) с 1917. Академик АН СССР (1929). В 1921—1931—директор Института К. Маркса и Ф. Энгельса. Необоснованно репрессирован. Реабилитирован посмертно *98*

Савинков Борис Викторович (1879—1925), родился в семье судебного чиновника, уволенного в отставку за либеральные взгляды. Учился в Варшаве, затем в Петербургском университете, из которого был исключен за участие в студенческих волнениях. В 1898 вошел в социал-демократический кружок. Публиковал статьи в газете «Рабочая мысль». В 1901 за пропаганду революционных взглядов арестован, 5 месяцев провел в Петропавловской крепости, был сослан в Вологду. В 1903 бежал из ссылки в Женеву, где вступил в партию социалистов-революционеров, вошел в ее Боевую организацию. Участвовал в подготовке крупных террористических актов. После первой русской революции отошел от террористической практики и, проживая во Франции, всерьез решает заняться литературной деятельностью. После начала Первой мировой войны вступил добровольцем во французскую армию, участвовал в боевых действиях, был военным корреспондентом ряда русских и французских газет. После Февральской революции 09.04.1917 вернулся в Россию. Был назначен комиссаром Временного правительства в 8-й армии, с 28 июня комиссар Юго-Западного фронта. 19 июля был назначен товарищем военного министра, управляющим Военным министерством. В летние месяцы 1917 он подписал почти половину всех приказов по военному ве-

домству. В дни Корниловского мятежа пытался найти компромисс между Керенским и Корниловым. Октябрьскую революцию встретил враждебно, уехал в Гатчину, где был назначен комиссаром Временного правительства при отряде генерала П. Н. Краснова. После провала наступления Керенского—Краснова на Петроград бежал на Дон и вошел в состав «Донского гражданского совета, ведавшего формированием Добровольческой армии. Один из участников Ярославского антибольшевистского восстания. По настоянию главы Директории Н. Д. Авксентьева выехал с военной миссией во Францию. Вел переговоры с правительствами стран Антанты о помощи русскому Белому движению. В 1920 во время советско-польской войны 1920 был председателем «Русского политического комитета» в Варшаве, куда приехал по приглашению гимназического друга Ю. Пилсудского, участвовал в подготовке на территории Польши антисоветских отрядов под командованием С. Н. Булак-Балаховича. В августе 1924 нелегально приехал в СССР, был арестован и предан суду. На суде Савинков признал свою вину и свое поражение в борьбе с советской властью. В тюрьме он написал письма некоторым руководителям белой эмиграции с призывом прекратить борьбу против Советского Союза. 7 мая 1925 в здании ОГПУ Савинков покончил жизнь самоубийством *98*

Седельников Евгений Филаретович (1877—1941), присяжный поверенный, кандидат в директора Правления Общества Ачинско-Минусинской железной дороги. После Октябрьской революции в эмиграции во Франции *51*

Скобелев Матвей Иванович (1885—1938). Из семьи промышленника. Окончил экстерном реальное училище в Баку. В социал-демократическом движении с 1903, меньшевик. Участник первой русской революции 1905—1907. Из-за угрозы ареста эмигрировал. Окончил Венский политехникум (1912). Работал в редакции газеты «Правда» Л.Д. Троцкого. Депутат Государственной думы 4-го созыва. В годы Первой мировой войны «оборонец». В дни Февральской революции руководил выступлениями матросов в Кронштадте и Свеаборге, избран товарищем председателя Исполкома Петросовета. В мае—августе 1917 министр труда во Временном правительстве. Октябрьскую революцию не принял. В ходе переговоров по инициа-

тиве Викжеля выдвигался министром иностранных дел однородного социалистического правительства. Избран от Закавказья членом Учредительного собрания. После его роспуска снова уехал в Закавказье, а в 1920 — в Париж. содействовал установлению торговых отношений между советской Россией и Францией. В 1922 вступил в РКП(б). С 1925 работал в советских учреждениях в Москве (в Наркомате внешней торговли, Главном концессионном комитете, Всесоюзном радиокомитете). Необоснованно репрессирован. Реабилитирован посмертно *155*

Сосновский Иван Васильевич (1868—после 1917). Родился в семье чиновника. Окончил юридический факультет Петербургского университета (1890). Служил в МВД, с 1893 чиновник особых поручений у архангельского губернатора. В 1899 командирован в Сибирь. Автор книги «Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем». В 1907—1911 архангельский губернатор. С 1911 по 1917 одесский градоначальник. Камергер. Действительный статский советник *58*

Стахеев Иван Иванович (1869—?). Из купцов. Председатель торгового дома «И. Г. Стахеев и К°». Специализировался на торговле хлебом, чаем, сахаром, мануфактурой и нефтяными товарами. В 1912 заключил договор со своим давним партнером П. П. Батолиным о создании торгово-промышленного товарищества. В 1916 завершилось создание концерна Путилова — Стахеева — Батолина, ставшего крупнейшим монополистическим объединением дореволюционной России *54*

Стеклов (Нахамкес) Юрий Михайлович (1873—1941). Окончил гимназию в Одессе и юридический факультет Петербургского университета (1891). В революционном движении с конца 80-х гг. XIX в. Сотрудничал в газетах «Искра», «Звезда», «Правда». После Февральской революции член Исполкома Петросовета, редактор «Известий Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов» (март—май 1917 и октябрь 1917 — июнь 1925). Член ВЦИК и ЦИК первых 12 созывов, с 1929 заместитель председателя Ученого комитета при ЦИК СССР. Необоснованно репрессирован. Реабилитирован посмертно *48*

Столыпин Петр Аркадьевич (1862—1911). Из дворян. Крупный землевладелец. Православного вероисповеда-

ния. Окончил физико-математический факультет Петербургского университета (1885). Служил помощником столоначальника в Министерстве государственных имуществ. С 1889 предводитель дворянства в Ковенском уезде, с 1897 ковенский губернский предводитель дворянства. В 1902 назначен гродненским, а в 1903 саратовским губернатором. С апреля 1906 министр внутренних дел, с июня 1906 одновременно председатель Совета министров. 1 сентября 1911 смертельно ранен в Киевском оперном театре анархистом и агентом местного отделения по охране общественной безопасности и порядка Д. Г. Богровым. Гофмейстер (1906), член Государственного совета (1907), статс-секретарь (1908) *30, 77*

Сухозанет Иван Онуфриевич (1788—1861), военный инженер. Из белорусского шляхетского рода, брат военного министра Н. О. Сухозанета. Окончил Инженерный шляхетский корпус (1803), служил в артиллерийских частях. Участник войн с наполеоновской Францией. Первый начальник Императорской Военной академии (1832—1854). Одновременно в 1833—1836 директор Пажеского корпуса. Генерал от артиллерии (1834) *101*

Терещенко Михаил Иванович (1886—1956). Родился в семье сахарозаводчика. Окончил Киевский и Лейпцигский (Германия) университеты. Депутат Государственной думы 4-го созыва. Беспартийный, примыкал к прогрессистам. В 1912—1914 владелец частного издательства «Сирин» в Петербурге. Во время Первой мировой войны участвовал в организации госпиталей Красного Креста. В 1915—1917 председатель Киевского военно-промышленного комитета *51, 53, 55, 98, 155*

Титов Иван Васильевич (1879—1948). По окончании Пермской духовной семинарии в 1901 священник Кунгурского собора, законоучитель в нескольких училищах. Депутат Государственной думы 3-го и 4-го созывов. Прогрессист *73*

Троцкий (Бронштейн) Лев Давидович (1879—1940). Родился в семье зажиточного землевладельца, крупного арендатора. Учился в реальном училище в Одессе, затем в Николаеве. Участвовал в деятельности «Южнорусского рабочего союза». Был арестован, сослан в Иркутскую

губернию, бежал. В социал-демократическом движении долгие годы находился вне течений большевизма и меньшевизма. В 1908—1912 издавал в Вене газету «Правда». В годы Первой мировой войны вел антивоенную пропаганду. После Февральской революции вернулся в Россию и летом 1917 примкнул к большевикам, избран в состав ЦК РСДРП(б). В сентябре—октябре 1917 председатель Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, фактический руководитель Военно-революционного комитета, ставшего легальным штабом подготовки и проведения вооруженного восстания 24—25 октября 1917. В советском правительстве занял пост народного комиссара по иностранным делам. Один из создателей Красной армии, народный комиссар по военным делам (1918—1925), председатель Реввоенсовета республики (1918—1925). В 1920—1921 одновременно народный комиссар путей сообщения. Один из лидеров левой оппозиции в ВКП(б). В 1929 выслан за границу. В 1940 убит в Мексике *129, 130*

Трубецкой Евгений Николаевич (1863—1920), князь, русский религиозный философ *97*

Уайтхед Роберт (1823—1905), английский инженер, один из первых изобретателей самодвижущейся мины (торпеды), принятой в 1871 на вооружение австро-венгерским флотом *44*

Федоров Сергей Петрович (1869—1936), лейб-хирург, доктор медицины (1895), зав. кафедрой в Военно-медицинской академии, профессор (1903). После Октябрьской революции и Гражданской войны директор Ленинградского института хирургической невропатологии *72, 76*

Фредерикс Владимир Борисович (1838—1927). Из дворян, крупный помещик, граф, Получил домашнее образование. С 1891 шталмейстер, управляющий Придворной конюшенной частью. В 1897—1917 министр императорского двора и уделов, канцлер российских императорских и царских орденов, командующий Императорской Главной квартирой. Член Государственного совета (1905). Генерал-адъютант (1896), генерал от кавалерии (1901) *73*

Цезарь Гай Юлий (100—44 до н. э.), древнеримский государственный деятель, диктатор, полководец, писатель *68*

Церетели Ираклий Георгиевич (1881—1959). Из дворян. Учился на юридическом факультете Московского университета (1900—1901), арестован за участие в студенческом движении и сослан в Восточную Сибирь. Социал-демократ, со 2-го съезда РСДРП меньшевик. В 1907 избран депутатом Государственной думы 2-го созыва, председатель социал-демократической фракции. После роспуска Думы осужден на 5 лет каторги. После Февральской революции в составе Исполкома Петросовета, товарищ председателя ВЦИК Советов 1-го созыва, министр почт и телеграфов Временного правительства в мае—июле 1917. После Октябрьской революции руководил грузинскими меньшевиками, входил в состав правительства Грузии. С 1921 в эмиграции во Франции, с 1940 — в США. Представитель грузинской социал-демократии в Международном социалистическом бюро *67, 96, 98, 129*

Чхеидзе Николай Семенович (1864—1926). Учился в Кутаисской гимназии, поступил вольнослушателем в Новороссийский университет в Одессе. В 1889 перешел в Харьковский ветеринарный институт, который покинул во время студенческих волнений. В РСДРП с 1898. С 1903 меньшевик. В 1898—1902 гласный Батумской городской думы, член городской управы. Участник первой русской революции 1905—1907 в Грузии. Депутат Государственной думы 3-го и 4-го созывов, возглавил меньшевистскую фракцию. В годы Первой мировой войны выступал против «стачечного азарта» пролетариата, поддержал вхождение рабочих в военно-промышленные комитеты. В дни Февральской революции вошел в состав Исполкома Петросовета, вскоре стал его председателем. Член редколлегии меньшевистской «Рабочей газеты». На 1-м Всероссийском съезде Советов избран в состав ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов и возглавил его Президиум. В дни Корниловского мятежа член Комитета народной борьбы с контрреволюцией. Открыл работу Демократического совещания в сентябре 1917. Член Временного совета Российской Республики (Предпарламента). Октябрьскую революцию не принял. В феврале 1918 возглавил Закавказский сейм. После образования Грузинской Демокра-

тической Республики стал председателем Учредительного собрания Грузии. В 1921 эмигрировал. Покончил жизнь самоубийством *43*

Шардиньи — французский полковник, участник Первой мировой войны. В годы Гражданской войны в России возглавлял французскую миссию в Тифлисе *63*

Шингарев Андрей Иванович (1869—1918), политический и государственный деятель. Окончил физико-математический (1891) и медицинский (1894) факультеты Московского университета. Работал врачом в Воронежской губернии, был гласным Усманского уездного и Тамбовского губернского земских собраний. Редактор газеты «Воронежское слово», сотрудничал в газетах «Речь», «Русские ведомости» и журнале «Русская мысль». Председатель Воронежского комитета партии кадетов, с 1908 член ее ЦК. Депутат Государственной думы 2—4-го созывов. В первом составе Временного правительства министр земледелия. Автор Закона о хлебной монополии. С 5 мая 1917 министр финансов. 20 августа на заседании ЦК партии кадетов проголосовал за установление в стране военной диктатуры. Член Предпарламента. 28 ноября 1917 был арестован и доставлен в Петропавловскую крепость. 6 января 1918 по состоянию здоровья переведен в Мариинскую тюремную больницу, где в ночь на 7 января был убит группой матросов и красногвардейцев *51, 52, 95, 113, 129, 160*

Шипов Иван Павлович (1865—1919). После окончания Александровского лицея поступил в 1885 на службу в ведомство финансов. В 1902—1905 директор Департамента Государственного казначейства, в 1905—1906 министр финансов, в 1908—1909 министр торговли и промышленности, в годы Первой мировой войны управляющий Государственным банком. 11 ноября 1917 уволен за отказ сотрудничать с советской властью. Выехал в Екатеринодар, где в 1919 стал членом Особого совещания (правительства) при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России А. И. Деникине. Умер от тифа в Ростове-на-Дону. Тайный советник (1904) *54*

Шульгин Василий Витальевич (1878—1976), политический деятель. В годы Первой мировой войны депутат Государственной думы 4-го созыва, примыкал к национа-

листам, монархист. В дни Февральской революции вместе с А. И. Гучковым принял от Николая II акт отречения. В годы Гражданской войны боролся с советской властью, затем эмигрировал. В 1944 арестован в Югославии, препровожден в СССР, приговорен к тюремному заключению. В 1956 амнистирован. В 60-х годах обратился к русской эмиграции с призывом отказаться от враждебной деятельности против Советского Союза *48, 49, 50, 127*

Щегловитов Иван Григорьевич (1861—1918), государственный деятель. Из дворян. Окончил Императорское училище правоведения (1881), в 1885—1898 служил в учреждениях ведомства Министерства юстиции. В 1898 назначен товарищем обер-прокурора в Правительствующем сенате. В 1900—1903 вице-директор Первого департамента Министерства юстиции, с апреля 1905 его руководитель. В 1906—1915 товарищ министра юстиции. В январе—феврале 1917 председатель Государственного совета. В сентябре 1918 расстрелян большевиками с началом Красного террора, развернутого в стране после покушения на В. И. Ленина. Член Государственного совета (1907), сенатор (1911), действительный тайный советник (1914) *42*

Щепкин Дмитрий Митрофанович (1879—1937), юрист, экономист, литератор, коллежский советник (1913). В Государственной думе 3-го созыва секретарь председателя Думы. С ноября 1914 член Главного комитета Всероссийского земского союза. В марте—августе 1917 товарищ министра внутренних дел, с ноября 1917 председатель Совета общественных деятелей. В годы Гражданской войны боролся с советской властью. В 1920 арестован и осужден. После амнистии работал старшим экономистом в Высшем совете народного хозяйства. В 1937 вновь арестован и приговорен к расстрелу. Реабилитирован посмертно *57*

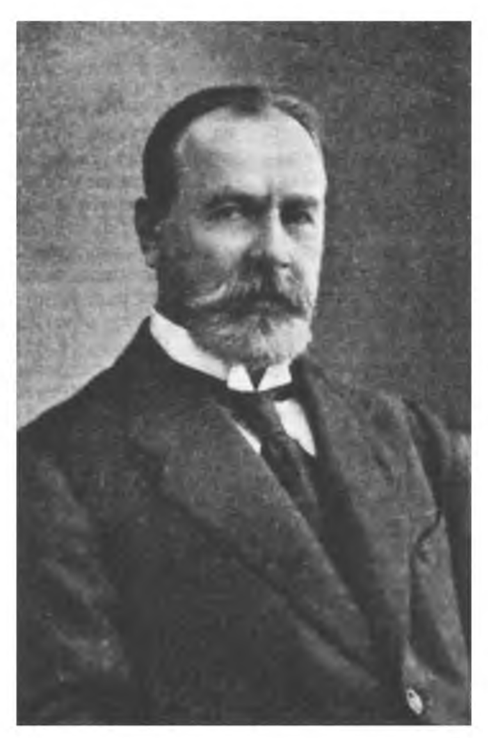
Ярошинский Карл Иосифович (1878—1929), банкир, владелец акций Общества Ачинско-Минусинской железной дороги *54*

СОДЕРЖАНИЕ

В оформлении обложки использованы фотографии
«Здание МПС до 1917 года», «В дни революции, на Фонтанке, 117», изображение знака Ведомства путей сообщения с 1830 г.

ISBN 978-5-85209-412-4
9 785852 094124

Подписано в печать 20.12.2017.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Уч.-изд. л. 11,6. Тираж 500 экз.
Заказ № 17. Цена договорная.
Издательство: Государственная публичная историческая библиотека России, 2013.
ГСП 101990, Москва, Старосадский пер., 9, стр. 1.

И. Н. Борисов

Э. Б. Войновский-Кригер

Д. П. Козырев

Ю. В. Ломоносов

Николай II в окне императорского поезда

Столовая царского поезда

Вокзал г. Пскова

Сер. Те № 56. Карт. 34 ф. – ¹/₈ л. Пгр. № 3.

М. П. С.

ТЕЛЕГРАФЪ.

191 __ г.

Ст. ______

Сѣверныя желѣзныя дороги.

Изъ ~~Москвы~~ Сѣв. №

Подана

Принята

Служ. отм.

25 февраля вечеромъ для свѣдѣнія редакціи.

Сегодня на Казанской площади была первая стрѣльба большая толпа остановлена отрядомъ солдатъ который далъ первый залпъ въ воздухъ Тогда толпа бросилась на землю и солдаты въ лежащихъ. До 60 раненыхъ и убитыхъ Раненые были внесены въ зданіе Городской Думы куда сейчасъ же пріѣхали депутаты Скобелевъ Дзюбинскій и др. Ожидаютъ Шингарева окс[о]ло Городской Думы стоитъ толпа въ 150 женщинъ и дѣтей которые хотятъ видѣть своихъ мужей. На Невскомъ картина вообще очень тяжелая Второе столкновеніе совершенно своеобразно было на Знаменской площади противъ Николаевскаго вокзала Приставъ Александро-Невской части замахнулся шашкой на рабочаго. Рабочій былъ слегка раненъ. Казаки вступились за ра

Телеграмма о событиях в Петрограде

4-ГО МАРТА 1917 ГОДА.

МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЙ МИЛОСТЬЮ
МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

Императоръ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій и проч. и проч.

Объявляемъ всѣмъ нашимъ вѣрноподданнымъ:

въ дни Великой борьбы съ внѣшнимъ врагомъ, стремившимся почти три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно было ниспослать Россіи новое тяжкое испытаніе. Начавшіяся внутреннія народныя волненія грозятъ бѣдственно отразиться на дальнѣйшемъ веденіи упорной войны. Судьба Россіи, честь геройской нашей арміи, благо народа, все будущее дорогого нашего отечества требуетъ доведенія войны во что бы то ни стало до побѣдоносного конца. Жестокій врагъ напрягаетъ послѣднія силы и уже близокъ часъ, когда доблестная армія наша совмѣстно со славными союзниками нашими сможетъ окончательно сломить врага. Въ эти рѣшительные дни въ жизни Россіи почли мы долгомъ совѣсти облегчить народу нашему тѣсное единеніе и сплоченіе всѣхъ силъ народныхъ. Не желая растаться съ любимымъ сыномъ Нашимъ, Мы передаемъ Наслѣдіе Наше Брату Нашему Великому Князю МИХАИЛУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ благословляя Его на вступленіе на Престолъ Государства Россійскаго заповѣдаемъ брату нашему править дѣлами Государственными [illegible]

Для скорѣйшаго достиженія побѣды и въ согласіи съ Государственной Думой признали Мы за благо отрѣчься отъ престола Государства Россійскаго и сложить съ себя Верховную власть.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано **НИКОЛАЙ.**

2 марта 15 часовъ 1917 года городъ Псковъ. Скрѣпилъ Министръ Императорскаго Двора Генералъ-адъютантъ **Графъ Фредериксъ.**

Дозволено военной цензурой. Лубны типографія Б. [illegible] Дубинскаго Тел. 134.

Манифест об отречении

Паровоз серии О. Самый массовый в Российской империи

Вагон-лавка

Пассажирский вагон 1 класса

Сѣверо-Запад. ж. д.

МѢСЯЧНЫЙ БИЛЕТЪ

№ 2291

дѣйствителенъ

съ Июля 191 г.

по 3 Августа

Имя, отчество и фамилія.

Кассиръ

Сер. А. II КЛАССЪ.

для проѣзда между станціями

СПБ. Б.—Стрѣльна

Цѣна билета 7 р. 20 к. | 7 р. 25 к.
Гербовый сборъ — 05 |

Л. Л. Виноградов

Билет железнодорожный

Погрузка багажа

Пассажирский паровоз серии Н

Дома на колесах строителей мурманской ж.д.

Вокзал. Харьков

Зал ожидания 3 класса

Князь Г. Е. Львов

А. Ф. Керенский в кабинете

Н. Д. Байдак.
Председатель Совета частных ж. д.

А. А. Бубликов и А. И. Гучков среди предпринимателей

Печка в вагоне-теплушке

Мешочники

Беженцы

Погрузка паровозов на Неве

У Московского вокзала в Питере

Бубликов Александр Александрович (1875–1941), инженер путей сообщения, автор многих проектов по сооружению железнодорожных линий, предприниматель, член IV Государственной думы. В первые дни Февральской революции он сыграл одну из ключевых ролей в свержении самодержавия, принимал участие в аресте Николая II. В сентябре 1917 г. Бубликов эмигрировал, а в 1918 г. в Нью-Йорке вышла его книга «Русская революция», написанная им почти сразу после пережитых событий. Автор последовательно описывает события первых дней Февраля, анализирует решения Временного правительства, приводит данные об изменениях заработной платы и производительности; рассуждает о причинах переворота, менталитете россиян, рассматривает международное политическое положение после Мировой войны

